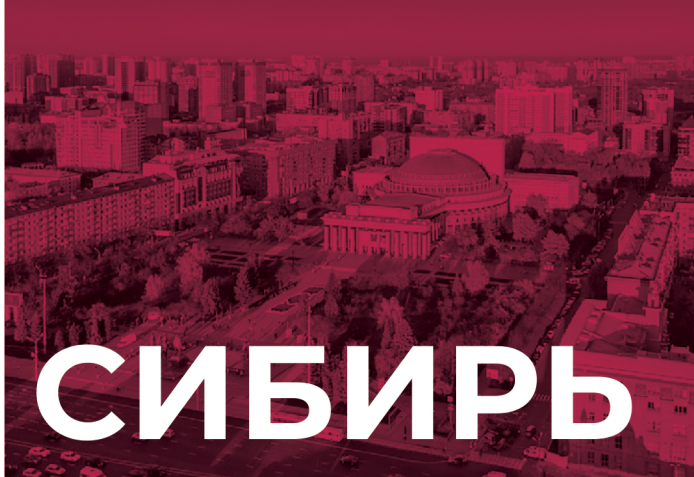

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС **НОВОСИБИРСК**

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2023 №3 (3)
ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2023

№ 3 (3)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Yuri P. Ivonin, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

undefined [undefined:kuleshova-vd@ranepa.ru]

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Scientific editor *Oksana A. Beregovaya*, Doctor of Philosophy, Associate Professor
Executive Secretary *S.D. Ustinova*
Editors: *T.V. Borodina*, *N.A. Zolotenina*
Technical Editor *O.A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The mass media registration certificate *III № ΦC77-83738 dated August 5, 2022*, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 27.09.2023. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 16,80. Publisher's signature 18,08. Edition of 500 copies. Order 11.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Siberian Institute of Management — branch of RANEPa”

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2023

№ 3 (3)

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Научный редактор *Оксана Александровна Береговая*, доктор философских наук, доцент
Ответственный секретарь *С. Д. Устинова*
Редакторы: *Т. В. Бородина*, *Н. А. Золотенина*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 27.09.2023. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 16,80. Уч.-изд. л. 18,08. Тираж 500 экз. Заказ 11.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© ФГБОУ ВО «Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС»

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophy, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philology, Professor, Russia, Novosibirsk

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of History, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial	10
EXPERIENCE OF SOVIET PEDAGOGY IN THE CONTEXT OF MODERNITY	12
Shachina A.Yu. Makarenko and freedom (in memory of Makarenkovologists Goetz Hillig and Nikolai Egorovich Vorobyov)	13
Tyshhuk D.S. Significance of the ideas of Soviet pedagogy in the context of the development of spiritual and moral values of future teachers of primary education	24
Tishchenko E.V. Requirements of the Soviet and modern system of secondary vocational education to the teacher: similarities and differences	30
Fisiukov V.A. Historical policy of the 2000s in the field of education on the example of interpretations of the Stalinist period in textbook by A.V. Filippov and A.A. Danilov	36
SOCIO-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL PROBLEMS OF MODERN EDUCATION	44
Beregovaya O.A. Humanitarian cooperation in higher education in the post-soviet space: socio-philosophical aspects	45
Gordeychik E.A. The problem of educational inequality: experience of modern Russia	54
Tursunova R.Yu. Integration of foreign universities into the educational space of the Republic of Uzbekistan (on the example of Russian Federation)	64
Chernov D.V., Markdorf N.M. Designing an integrated educational program “Master's degree—postgraduate studies” at the Siberian Institute of Management — branch of RANEPa	71
Yurchenko M.A. Social and Humanitarian Knowledge in Russian Postgraduate Studies: Image, Problems	78
SPECIFICS OF PROMOTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE POST-SOVIET SPACE	86
Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. Russian Language in the educational space of the New Russian Abroad: from the experience of work	87
Krotova A.G. Student pedagogical project on RKI (Russian as a foreign language) as a special form of educational interaction	95
STATEHOOD IN THE POST-SOVIET SPACE	104
Kurbonova Z.M. The specificity of acquisition of state independence in the Central Asian Republics	104
Kazantseva A.V. The concepts of “soft power” and “humanitarian diplomacy” in domestic historiography	116
Pustovoyt Yu.A. The return of the hero? Millennials: mobilization agenda in Siberian cities in 2020—2021	122
NOVOSIBIRSK IS 130 YEARS OLD	134
Zubov V.E. Changing Novosibirsk	135
STARTING PLATFORM	158
Gavrilov G.R. Successors to the Roman Empire in the context of falsification of history	159
Omarov S.B. Falsification of the Patriotic History in cinematography	165

READING CIRCLE	172
Markdorf N.M.	
Rossi M. Soviet partisans and the liberation of Italy /translation from It., scientific ed. and comment. M.G. Talalai. SPb. Aletea, 2023. 216 p., ill.	172
PERSONALITIES	175
Sidorchuk O.N., Khlytina O.M., Didenko N.V., Kashkadarova N.V.	
Oleg Nikolaevich Kationov: scientist, teacher, organizer	175
Cherkazyanova I.V.	
Professor V. M. Kirillov: return of names	178
Markdorf N.M.	
Serving the cause of life: for the anniversary of Arkady Adolfovich German	181
AUTHOR AFFILIATIONS	186
INFORMATION FOR AUTHORS	188

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	10
ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ	12
Шачина А. Ю. Макаренко и свобода (памяти макаренковедов Гётца Хиллига и Николая Егоровича Воробьева).....	12
Тыщук Д. С. Значимость идей советской педагогики в контексте развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов начального образования.....	24
Тищенко Е. В. Требования советской и современной системы среднего профессионального образования к преподавателю: сходство и различие	30
Фисюков В. А. Историческая политика 2000-х годов в области образования на примере трактовок сталинского периода в учебнике А. В. Филиппова и А. А. Данилова	35
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	44
Береговая О. А. Гуманитарное сотрудничество в сфере высшего образования на постсоветском пространстве: социально-философский аспект.....	44
Гордейчик Е. А. Проблема образовательного неравенства: опыт современной России	54
Турсунова Р. Ю. Интеграция зарубежных вузов в образовательное пространство Республики Узбекистан (на примере Российской Федерации).....	64
Чернов Д. В., Маркдорф Н. М. Проектирование интегрированной образовательной программы «магистратура— аспирантура» в Сибирском институте управления — филиале РАНХиГС.....	70
Юрченко М. А. Социально-гуманитарное знание в российской аспирантуре: образ, проблемы	77
СПЕЦИФИКА ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	86
Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Русский язык в образовательном пространстве нового российского зарубежья: из опыта работы.....	86
Кротова А. Г. Студенческий педагогический проект по РКИ как особая форма учебного взаимодействия	95
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	104
Курбонова З. М. Специфика обретения государственной независимости центральноазиатскими республиками (на англ.).....	105
Казанцева А. В. Понятия «мягкая сила» и «гуманитарная дипломатия» в отечественной историографии.....	116
Пустовойт Ю. А. Возвращение героя? Миллениалы: мобилизационная повестка в городах Сибири в 2020—2021 гг.....	122
НОВОСИБИРСКУ 130 ЛЕТ.....	134
Зубов В. Е. Меняющийся Новосибирск	134
СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА	158
Гаврилов Г. Р. Преемники Римской империи в контексте фальсификации истории.....	158
Омаров С. Б. Фальсификация Отечественной истории в кинематографе	165

КРУГ ЧТЕНИЯ	172
Маркдорф Н. М.	
Росси М. Советские партизаны и освобождение Италии / пер. с ит., науч. ред.	
и коммент. М. Г. Талалая. СПб. : Алетейя, 2023. 216 с., ил.....	172
ПЕРСОНАЛИИ.....	175
Сидорчук О. Н., Хлытина О. М., Диденко Н. В., Кашкадарова Н. В.	
Олег Николаевич Катионов: ученый, педагог, организатор.....	175
Черказьянова И. В.	
Профессор В. М. Кириллов: возвращение имен.....	178
Маркдорф Н. М.	
Служение делу жизни: к юбилею Аркадия Адольфовича Германа	181
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	184
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	188

От редакции

Третий номер журнала «Сибирь гуманитарная» посвящен актуальным процессам, происходящим в государствах на постсоветском пространстве. В обзорных статьях авторы дают ретроспективный, историографический анализы государственного строительства в постсоветских странах Центральной Азии, а также категорий, описывающих современный инструментарий международных отношений.

С разных сторон ученые исследуют проблему современного образования. Понимая, что советская педагогика оказала значительное влияние на институционализацию образовательных систем далеко за пределами СССР, мы исходим из того, что прогрессивные идеи и новаторские практики отечественной педагогики имеют большое значение в современной России при условии их всестороннего, критического осмысления. В статьях, посвященных анализу отечественных педагогических традиций, исторического опыта Советского Союза и его вклада в современную педагогику, рассматриваются подходы и идеи, которые можно внедрить в российскую образовательную систему, чтобы повысить ее эффективность и уровень соответствия потребностям современного общества.

Статьи, посвященные социально-философским и политическим проблемам современного образования, по нашему мнению, углубляют научное знание этих вопросов, что необходимо для понимания текущей ситуации в образовании. В ответ на современные вызовы авторы предлагают оригинальные идеи и решение проблем, а также стремятся к созданию новых теоретических рамок, методологий и моделей, которые будут способствовать развитию образовательных процессов. Представленные актуальные исследования в образовательной сфере проведены в контексте глобальных тенденций и различий в педагогических системах. В своих статьях авторы анализируют вопросы, связанные с проблемами доступности и равенства образования, его влиянием на социальную мобильность, обсуждают формирование критического мышления и навыков, необходимых для успешной адаптации в современном информационном обществе, дают трактовки различных моделей и стратегий интеграции зарубежных вузов, а также характеризуют преимущества и вызовы, с которыми сталкиваются участники образовательного процесса.

В рамках задачи по усилению позиции России в мировом культурном и образовательном пространстве представляют интерес исследования, направленные на изучение опыта и эффективной деятельности в этой сфере. В прикладном плане рассмотрены проблемы продвижения русского языка в современном образовательном пространстве. Авторы статей поделились личным опытом реализации международных проектов, связанных с проблемами обучения русскому языку, его ролью в формировании идентичности российских соотечественников за рубежом, его сохранением в многонациональных средах, а также создания интерактивной и стимулирующей обучающей среды, в которой каждый участник может развивать свои языковые навыки и применять их на практике.

В 2023 г. Новосибирску, мегаполису, ставшему связующим звеном между различными регионами нашей страны, исполнилось 130 лет. С целью привлечения внимания читателей к культурному потенциалу города мы начинаем публикацию материалов о его богатом историко-культурном

наследии, а также о людях, в то или иное время связавших свою судьбу с нашим городом или Новосибирской областью и оказавших влияние на их развитие.

Возможность поделиться своими научными изысканиями предоставлена молодым исследователям. Традиционны рубрики о выдающихся ученых гуманитарных наук и рецензии на научные публикации.

Четвертый номер журнала будет посвящен Десятилетию детства в России и Году педагога, объявленных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным.

Н. М. Маркдорф, Д. А. Михайлов

ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

EXPERIENCE OF SOVIET PEDAGOGY IN THE CONTEXT OF MODERNITY

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 12—23.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):12—23.

Опыт советской педагогики в контексте современности

Научная статья
УДК 304.344, 37.013.73.
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-12-23

Макаренко и свобода (памяти макаренковедов Гётца Хиллига и Николая Егоровича Воробьева)

Анна Юрьевна Шачина

Независимый исследователь, Мурманск, Российская Федерация, anna_shachina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию педагогической деятельности А. С. Макаренко с позиции современного понятия свободы личности. Она написана на основе диалектической методологии, примером которой является исследование одного из лидеров Франкфуртской школы А. Хоннета о сущности свободы в трех ее неразрывно связанных компонентах: негативной, рефлексивной и социальной свободе. При этом социальную свободу необходимо рассматривать в качестве условия осуществления первых двух. Доказывается, что данная концепция свободы может быть положена в основу теоретического осмысления педагогической деятельности А. С. Макаренко. Опыт последней, в свою очередь, также представляет интерес для осмысления феномена свободы. Доказывается актуальность наследия А. С. Макаренко для развития концепции демократического воспитания.

Ключевые слова: свобода, личность, коллектив, нравственное воспитание, эстетическое воспитание, дисциплина, педагогика, диалектическая наука, критическое мышление

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-511-23002 «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ».

Для цитирования: Шачина А. Ю. Макаренко и свобода (памяти макаренковедов Гётца Хиллига и Николая Егоровича Воробьева) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 12—23. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-12-23.

Makarenko and freedom (in memory of Makarenkovologists Goetz Hillig and Nikolai Egorovich Vorobyov)

Anna Yu. Shachina

Independent Researcher, Murmansk, Russian Federation, anna_shachina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the substantiation of A.S. Makarenko's pedagogical activity from the position of the modern concept of individual freedom. It is written on the basis of dialectical methodology, whose example is the research of one of the Frankfurt School leaders, A. Honneth, who studied the essence of freedom in its three inseparable components: negative, reflexive, and social freedom. At the same time, social freedom should be considered as a condition for the realization of the first two. It is proved that this concept of freedom can be used as a basis for theoretical understanding of A.S. Makarenko's pedagogical activity. The experience of the latter, in its turn, is also of interest for conceptualizing the phenomenon of freedom. The relevance of A.S. Makarenko's heritage for the development of the concept of democratic education is proved.

Keywords: freedom, personality, collectivity, moral education, aesthetic education, discipline, pedagogy, dialectical science, critical thinking. freedom, personality, team, moral education, aesthetic education, discipline, pedagogy, dialectical science, critical thinking

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-511-23002 «The migration of ideas and the formation of national philosophical traditions: dialogues across the borders».

For citation: Shachina A.Yu. Makarenko and freedom (in memory of Makarenkovologists Goetz Hillig and Nikolai Egorovich Vorobyov). *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):12—23. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-12-23.

Введение

Стимулом развития педагогической науки конца прошлого столетия был оптимизм, надежда на будущее: век грядущий казался долгожданной эпохой, торжеством человеческого разума, царством свободного творческого развития человека («царством целей», словами И. Канта). Энтузиасты ученые-педагоги проявили много упорства в поиске истины, в поиске обоснования принципов образования, направленного на самореализацию личности. Они обращались к мыслителям и практикам недавнего советского прошлого, развивался компаративистский подход, который сделал возможным сопоставление анализа теории и практики советских педагогов, сделанного не только в России, но и за рубежом. Особенный интерес в отошедшем от идей социализма обществе представляла проблема воспитания личности в коллективе: нужен ли детский коллектив, не являются ли попытки объединения детей (и взрослых) в коллективы насильем над личностью с ее индивидуальными особенностями и талантами и не правильнее ли воспитывать индивидуалиста, если цель — воспитание свободной, высоконравственной и ответственной личности.

О рецепции идей А. С. Макаренко

Наглядным примером воспитания личности в коллективе и средствами коллектива является педагогический опыт Антона Семеновича Макаренко, его деятельность в трудовой колонии им. А. М. Горького под Полтавой и в трудовой колонии им. Ф. Э. Дзержинского под Харьковом в послереволюционной Советской Украине. Хорошо известно, что изначально это были колонии для малолетних преступников, «морально дефективных» подростков и юношей, которых тогда немало скиталось по стране и из ко-

торых надо было выковать нового советского человека. Советская педагогическая наука канонизировала творчество этого великого человека¹, естественно, подвергнув жесткой цензуре, сокращению и редактированию все его произведения.

Вопрос воспитания в коллективе вызвал интерес не только в России, но и в других странах, получая разную оценку. Так, в послевоенной Западной Германии Теодор Адорно, исходя из своего педагогического кредо — «Чтобы не повторился Освенцим!», предостерегал от объединения в коллективы, видя в них потенциальную опасность для зарождающегося демократического общества, пример «воспитания к несовершеннолетию» в контексте кантовской философии, т. е. к неумению пользоваться собственным разумом и, следовательно, к несвободе. Заслуга таких ученых, как Гётц Хиллиг (основатель института макаренковедения в Марбурге (ФРГ)) и Светлана Сергеевна Невская (представитель научно-исследовательского коллектива по изучению творческого наследия А. С. Макаренко в Москве), состоит в доказательстве того, что коллектив Макаренко был средством воспитания именно свободных личностей.

Здесь также необходимо отметить, что изучением творчества Макаренко занимались многие ученые, в том числе под руководством Николая Егоровича Воробьева (например, в ФРГ). Но заслуга названных здесь ученых в том, что именно они скрупулезно исследовали архивы, сопоставляли полученные данные, разыскивали родственников и воспитанников педагога-писателя. В результате в нашем распоряжении теперь имеются и полная версия «Педагогической поэмы», и более полное представление об этой выдающейся личности. Н. Е. Воробьев признавал, что лучше Гётца Хиллига Макаренко не знает никто даже в России.

Еще в 1967 г. вышел сборник докладов по компаративистской педагогике «Макаренко в Германии» (составитель Гётц Хиллиг), где можно прочитать: «„Педагогическая поэма“ предлагает целый ряд примеров такой организации воспитания, которая... выполняет свой собственный имманентный смысл: молодого человека поднять из состояния нужды в состояние свободы» [1, с. 189]. А в 1993 г. Н. Е. Воробьев и С. А. Дьяченко справедливо отмечали, что воспитание личности с присущей ей способностью к критическому и диалектическому, преодолевающему стереотипы творческому мышлению, направленному на созидание лучшего будущего, — стратегическая цель педагогической деятельности Макаренко [2, с. 32].

Методология

Сегодня, с одной стороны, снова возрос интерес к творчеству Макаренко, к воспитанию в коллективе, но, с другой стороны, интерес этот зачастую поверхностный, направленный на поиск секрета скорейшего достижения результата или прибыли, самоокупаемости университетов, на развитие способностей к предпринимательской деятельности, экономической грамотности. При этом не учитывается тот факт, что, как писал Э. Фромм, не всякие активность и эффективность есть показатель продуктивности личности, если под продуктивностью понимать реализацию человеком свойственного ему потенциала, использование его сил [3, с. 118].

Рассматривая педагогический опыт Макаренко с учетом сегодняшнего толкования понятия свободы, которое тоже часто требует осмысления, мы смеем утверждать, что именно воспитанники Макаренко были теми счастливыми, которым были созданы полноценные условия для реализации их личностного потенциала, которые наслаждались полной свободой, если говорить о трех неразрывно взаимосвязанных компонентах свободы, которые

¹ «Человечище» — так называл его А. М. Горький, который высоко ценил талант Макаренко, поддерживал его с начала их заочного знакомства и до конца своей жизни. Теперь известно, что без моральной и материальной поддержки Горького не было бы второй и третьей частей «Педагогической поэмы».

ввел в понятийный аппарат один из современных лидеров Франкфуртской школы¹ Аксель Хоннет.

Хоннет на основании достижений выдающихся представителей философской мысли образно объясняет понятие «свобода» как треугольник свободы. Соответственно, свобода состоит из трех составляющих (три угла треугольника): негативной свободы в современном понимании — неподконтрольные сферы деятельности (Т. Гоббс); рефлексивной свободы (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Г. Гердер, мы бы добавили в этот ряд имя Ф. Шиллера); социальной свободы (Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс). Хоннет доказал, что отсутствие одного из элементов этого треугольника ведет даже не к несправедливости в общественной жизни, а к патологиям личности и общества. Сегодня много говорят о том, что свобода не должна быть только негативной, т. е. «свободой от», большее внимание уделяют развитию «свободы для», т. е. нравственности, забывая, что гарантом реализации первых двух является свобода социальная. Так, согласно Хоннету, социализм — не уравниловка и не распределение благ, а обеспечение социальной свободы, так как по-настоящему свободен человек только тогда, когда он общается с друзьями, в семье, участвует на рынке труда и в качестве гражданина в общественной жизни [5].

Сможет ли ребенок стать человеком в полном смысле этого слова, т. е. обрести личностную свободу, во многом зависит от организации его детства, от педагогов, их грамотного отношения к окружающей действительности, понимания ими того, к чему, собственно говоря, нужно стремиться. К этому есть единственный путь — образование, способное к саморефлексии, отвращающееся от феноменов полуобразования, полукультурности, полунравственности.

Личность А. С. Макаренко: становление как ученого и педагога

Многое о личности Антона Семеновича Макаренко мы узнаем из воспоминаний его младшего брата Виталия Семеновича², которого в 1970 г. отыскал во Франции, где он жил с 1925 г., Гётц Хиллиг. Результатом их знакомства и сотрудничества стала книга Виталия Семеновича «Мой брат Антон Семенович». По словам брата, Антон Семенович был очень любознателен,

¹ Критическая теория (Франкфуртской школы) была сформулирована Максом Хоркхаймером (1895—1973) и сотрудниками Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне Теодором Адорно, Эрихом Фроммом, Гербертом Маркузе и др. во время эмиграции в Америке. Они ставили перед собой цель актуализировать марксистскую теорию и привести ее в соответствие общественному развитию и политическому опыту своего времени. Критическая теория (современные лидеры — Юрген Хабермас, Аксель Хоннет, Райнер Форст) понимает свое отношение к практике в трех аспектах:

1. Она учитывает исторически обусловленные классовые интересы и выявляет из особенного всеобщий интерес создания разумного состояния общества.

2. Она анализирует «динамические структуры» (М. Хоркхаймер), т. е. изменчивые тенденции эпохи, в их соотношении с идеалами разума.

3. Она видит свою необходимость в просвещении общества ради организованного политического действия.

Критическая теория, в том числе критическая педагогика, видит свою конечную цель в изменении структуры самого бытия [4].

² «Виталий Семенович Макаренко (род. в 1895 г.) был сначала учеником своего брата, а потом стал его сотрудником, когда оба они с 1917 г. по 1919 г. преподавали в Крюковском железнодорожном училище. В. С. Макаренко — выпускник военного училища и демобилизованный офицер царской армии — ввел здесь, сначала против воли своего явно антимилитаристски настроенного брата, воензированные элементы в преподавание физкультуры и во внешкольные занятия — такие, как строевая подготовка и маршировка со знаменем под звуки духового оркестра.

Оба брата Макаренко занимались в Крюкове театральной деятельностью: по инициативе Виталия Семеновича, получившего актерский опыт еще во время учебы в реальном училище, они организовали самостоятельную театральную группу (драматический кружок им. В. Г. Короленко), которая вскоре уже выступала перед публикой с постановками известных пьес.

Эти начинания явились предпосылками для частичной военизации быта, а тем самым и дисциплинирования. Позже использовались для «театрализации», как это практиковалось А. С. Макаренко в колонии им. Горького. То, что В. С. Макаренко во время мировой войны (1915—1917 гг.) был офицером царской армии, вероятно, заставило его присоединиться к «белым» летом 1919 года, а в 1920 году покинуть родину» [цит. по: 6, с. 186].

наблюдателен и начитан. Если руководствоваться списком источников, которые, по свидетельству брата, изучил юный Макаренко, то закрадывается подозрение, что он должен был обладать фотографической памятью, т. е. уникальной способностью запоминать изображения, звуки, информацию до мельчайших деталей. Известно, что эта способность врожденная, но, по утверждениям современных ученых-психиатров, синапсы мозга развиваются и крепнут, если много и правильно заниматься с детьми с самого юного возраста. А из воспоминаний Виталия Семеновича мы узнаем, что его старшего брата отец¹ научил читать, когда тому было пять лет, и читал с ним много. В доме царила хорошая педагогическая атмосфера: так будущему педагогу-писателю повезло развить «центростремительные силы личности» (терминология С. И. Гессена).

Материальное, мозг, тем лучше развивается, чем лучше условия для развития теоретически недоказуемой личностной свободы. Известно, что еще Ж.-Ж. Руссо считал чтение опасным занятием для людей, не умеющих думать, не умеющих наблюдать. Но это было не про Антона Семеновича. По воспоминаниям брата, он в юности читал и осмыслил русских и зарубежных классиков литературы, философов, такие сложные произведения, как «Критика чистого разума» И. Канта, любил Ницше и Шопенгауэра, увлекался историей, перечитал всю имеющуюся на русском языке литературу по психологии, считал, что за психологией будущее, но эту науку надо писать заново [7]. В «Педагогической поэме» он также упоминает имя неокантианца Пауля Наторпа [7]. Антон Семенович читал также запрещенную эсеровскую литературу (в 1906—1907 гг. примерно в течение года был кандидатом в члены партии социалистов-революционеров (эсеров) — факт, который он скрыл от семьи и открыл брату лишь в 1913 г.). Его собственное признание: «По политическим убеждениям — беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм» [цит. по: 6, с. 146]. Его колонии были островками с практикой подлинного социалистического демократического государства.

Ключевые идеи педагогической теории и практики А. С. Макаренко

Антон Семенович Макаренко начал свою педагогическую деятельность в 17 лет. Обстоятельства заставляли его всегда находиться в творческом поиске, так как начало его педагогической деятельности пришлось на годы революционных и общественных перемен. В отдельных регионах страны еще продолжалась Гражданская война, свирепствовали репрессии, направленные против духовенства, офицеров и других неугодных новой власти, и это сказывалось на судьбах детей затронутых этими государственными мерами лиц. Эпидемии и голод 1921—1922 гг. усугубляли положение. На территориях советских республик тогда скитались около одного млн беспризорных детей. Государство стало принимать меры по борьбе с беспризорностью, и в стране появлялись коммуны, детские дома, колонии для беспризорных.

¹ «Отец А. С. Макаренко, который, вопреки поздним высказываниям педагога, не был неграмотным, поначалу служил простым рабочим, потом стал бригадиром и, наконец, мастером и руководителем малярного отдела в одной из новых больших мастерских по ремонту железнодорожных вагонов Южных дорог (в Крюковом поселе на Днепре, являющемся частью города Кременчуга). По поручению администрации этой компании он побывал в 1912 году в Германии в составе делегации специалистов для закупки стали и красок. За заслуги перед народом и отечеством он был отмечен почетным в Российской империи званием — личным почетным гражданством» [6, с. 140—141].

В декабре 1920 г. А. С. Макаренко становится заведующим Полтавской колонией («завколом»), в которой жили десять воспитанников в возрасте 15—18 лет, при этом большинство из них обвинялись в вооруженных разбойных нападениях [8, с. 78]. Первые колонисты отрицали «не только нашу педагогику, но всю человеческую культуру» [7]. Поэтому в минуту отчаяния завкол отрицает пользу всей до той поры существовавшей педагогической литературы, что, без сомнения, не стало его убеждением, так как когда-то прочитанное и осмысленное, как и, конечно, опыт, повлияли на формирование его педагогических принципов, а в этом, собственно говоря, и заключается основная задача изучения такого рода литературы. Макаренко и не ожидал от педагогической науки рецепты на все случаи жизни. По этому поводу уже в зрелом возрасте он напишет, что «нет более диалектической науки, чем педагогика» [6]. В его же педагогике по сей день ищут рецепты.

Особенно запутывают в этом отношении его заявления о технике воспитательного процесса: «Нет педагогической техники... Остановка только за техникой» [7]. Но тут же он пишет, сетуя на то, что ему, возможно, не удалось в достаточной мере отобразить этот принцип, которым он руководствовался всегда: «...педагогика — вещь прежде всего диалектическая. Не может быть установлено никаких абсолютно правильных мер или систем. Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств, из требований данной минуты и данного этапа, всегда будет порочным» [7]. Так, в своем письме-ходатайстве от 4 мая 1924 г. в Главсоцвос Народного комиссариата просвещения (НКП) Украинской ССР с просьбой разрешить выдачу воспитанникам карманных денег Макаренко пишет: «Мне кажется, что всякое средство может быть полезно или вредно исключительно в зависимости от того, каким образом оно применяется и в каком отношении стоит к другим средствам учреждения» [9, с. 158].

Вероятно, своей техникой Макаренко считал отказ от индивидуального подхода, «возни» с каждой отдельной личностью. Он подразумевал, что подлинное воспитание личности совершается именно в коллективе. Но при этом он имел в виду такое воспитание, при котором личность не попирается, а напротив, обогащается; не теряет свою индивидуальность, а обретает свою личностную свободу. И читатель его произведений понимает, как хорошо он знал и понимал своих воспитанников, как верил в каждого, умел найти к каждому, если надо, и индивидуальный подход. Гётц Хиллиг поясняет: «У Макаренко речь идет о личности, о внимании к ее индивидуальным особенностям, способностям и склонностям — правда, о личности как общественном существе, реализующим себя через связь с обществом, и, в соответствии с этим, о его воспитании как „коллективиста”» [8, с. 81]. В немецкой энциклопедии «Главные произведения педагогики», описывая «Педагогическую поэму» Макаренко, Урсула Штенгер пишет: «„Метод” Макаренко заключается в ожидании и терпении в отношении восходящих к своим наивысшим пунктам процессов развития, которые затем через неожиданный и непредвиденный поворот возводят на новый уровень взаимодействия» [10, с. 277].

Макаренко также нашел ключ к детскому уважению и любви: «То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе — вот что увлекает ребят в наибольшей степени... Педагог должен знать свой предмет по-настоящему хорошо...» [7]. Соответственно этому требованию к педагогам он всегда подбирал свой педагогический коллектив: те, кто работал с ним, работали по доброй воле с полной самоотдачей, были в полном смысле слова колонистами, и дети это чувствовали, ценили, и старались не огорчить, не подвести (если кто-то из педагогов после года в колонии не получал значка колониста, он знал,

что это — увольнение) [7]. И это отмечало даже его непосредственное начальство. Так, приведем строки из доклада харьковского областного инспектора Главсоцвоса НКП УССР по обследованию учреждений для дефективных детей в Полтаве (ок. 25 сентября 1922 г.): «Педагоги — люди, не имеющие специальной подготовки и значительного специального стажа, но в большинстве — люди интеллигентные, преданные делу, действительно участники в жизни и в работах детей. В особенности считаю необходимым отметить работу завдома т. Макаренко, [за]кончившего учит. Институт, оч[ень] энергичного, живого человека, умелого педагога и хозяина» [9, с. 66].

Негативная свобода, по утверждению И. Канта, кроме неподконтрольных сфер деятельности, подразумевает способность человека начинать с нуля цепочки причинно-следственных связей. Именно это содержание негативной свободы ставит под вопрос непогрешимость эмпирических наук о человеке, эмпирической психологии, которые отрицают свободу и вместе с тем ответственность человека. А. С. Макаренко, очевидно, знал и это, ведь он в юности изучал «Критику чистого разума» И. Канта. Так, педагог порывает с прошлым колонистов и позволяет им начать новый отсчет в их жизни, не идет на поводу собственного интереса заглянуть в их прошлое. Все-таки он осознает себя существом не только рациональным, но и эмоциональным и благодарен первым колонистам за то, что они так умело заметали следы и не подорвали тем самым его веры в человека [7]. Придирчивый читатель может задаться вопросом, насколько легитимным и благородным было со стороны колонистов такое замечание своих проступков (речь, надо понимать, шла о воровстве). Уже здесь просматривается диалектический подход ко лжи. Здесь оказывается, что категорический императив Канта, запрещающий всякую ложь, при внимательном рассмотрении запрещает честное признание, если руководствоваться максимой, которая может быть сформулирована примерно следующим образом: нельзя без особой необходимости быть честным, если это может огорчить близкого человека и подорвать его веру в тебя. Макаренко и не думал «оскорблять колониста грязным подозрением» [7], знал, что они всегда были голодны, не раздувал историй «по таким пустяковым поводам, как кража на базаре бублика или пары подметок» [7].

Теперь психология доказала, насколько он был прав: подчеркиваем в ребенке слабые стороны — растут слабые стороны, и наоборот. Макаренко писал: «Поведение есть очень сложный результат не одного сознания, но и знания, силы, привычки, ухватки, приспособленности, смелости, здоровья и, самое главное, — социального опыта» [7]. Безграничная вера в человека, высокие требования к нему, метод перспектив, создание ситуации успеха, просто человеческое (неформальное отношение) — все это, бесспорно, помогло колонистам начать жизнь с чистого листа, что, конечно, каждый может сделать только сам (как мы видим из «Педагогической поэмы», не всем это удавалось). Макаренко никого насильно не держал в колонии, но условием жизни в колонии — как для воспитанников, так и для воспитателей — была готовность жить жизнью трудового коллектива. При этом свобода проявления индивидуальности, очевидно, была одной из базовых ценностей Макаренко, и об этом он пишет так: «Ребенок — это живой человек. Это — вовсе не орнамент нашей жизни, это — отдельная полнокровная и богатая жизнь» [11].

Индивидуальная негативная свобода неразрывным образом связана с рефлексивной (нравственной) свободой, иначе это была бы не свобода, а произвол или зависимость (от склонностей и страстей). Макаренко не сторонник чтения моралей, он — создатель культурной среды развития личности ребенка в трудовом коллективе.

К сожалению, ему пришлось много претерпеть от светил педагогической науки софвса Украины. Так, однажды инспектор, осмотрев работу колонистов, спросил: «А вам объясняли, как надо поступать?» Через неделю пришло заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой не занимается» [7]. На самом деле для Макаренко приоритетной была педагогика, а не хозяйство: «Для того, чтобы сохранить чистоту педагогического подхода, нужно крупное хозяйство рассматривать исключительно как условие воспитания, а хозяйственный успех — как воспитывающий импульс» [цит. по: 8, с. 81].

К проблеме нравственного воспитания в системе А. С. Макаренко

На самом деле Макаренко предъявлял к советскому человеку высокие нравственные требования. В «Книге для родителей» он сравнивает дореволюционную и советскую мораль: «...моральная высота была уделом редких подвижников, число которых измерялось единицами, а поэтому снисходительное отношение к нравственному совершенству давно сделалось нормой общественной морали. <...> ...Измерителем нравственности была не нравственная высота, а обыкновенный житейский грех. <...> Грешить в меру — это и было нормой. <...> В социалистическом обществе нравственное требование предъявляется всем людям и всеми людьми должно выполняться. <...> Наша нравственность вырастает из фактической солидарности трудящихся» [11, с. 353—354].

Но нравственное воспитание для А. С. Макаренко не есть морализирование. В ту эпоху были хорошо известны другие пути достижения поставленной цели. Во-первых, дисциплина. Макаренко по совету своего брата вносит в жизнь колонии элемент военной игры, что нравится ребятам и способствует подтянутости, чистоте и порядку. Во-вторых, трудовая дисциплина. В-третьих, нравственности способствовала социализация ребят, их трудовая деятельность и самоуправление в детском коллективе. И наконец, — эстетическое воспитание.

О значении прекрасного для нравственности мы делаем вывод, руководствуясь философскими идеями Ф. Шиллера: «...только через красоту ведет путь к свободе» [12, с. 291]. Неизвестно, читал ли Макаренко Шиллера (скорее да, чем нет), но он был убежден, что нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни: «Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет несколько не меньшее значение, чем эстетика поведения... Приходя к эстетике как к результату стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий» [13, с. 229—230]. Другое доказательство его любви к красоте — в его строках: «Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею... И обязательно розы... хризантемы, розы» [13, с. 232].

Ф. Шиллер писал о человеке, свободно играющем красотой: «...человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [12, с. 335]. И колонисты играли театральные пьесы. Антон Семенович умел выполнять работу режиссера. Как и военной игрой, он обязан этим увлечением своему младшему брату Виталию Семеновичу, с которым они вместе организовывали театр, работая в школе, и автор статьи смеет высказать предположение, что в театр они, должно быть, играли детьми дома. Бесспорно, театр имеет большое воспитательное значение, так как способствует самоидентификации личности.

Полноценная индивидуальная свобода (от чего-то и для чего-то) возможна не вопреки, а только при условии солидарности (социальной свободы): «Свобода — это социальный институт, это не уединенная позиция на небе-

сах, а часть блага общего. Если я имею свободу, то имеет ее и мой сосед. Иначе говоря, она не результат моего уединения, а именно результат общественного договора. Свободу нужно противопоставлять произволу. <...> Воля — это ваш бег в пустом пространстве. Свобода — это ваше спокойное движение по Тверской или Невскому, когда вы уверены, что трамвай едет по рельсам, автомобили и рысаки держат правую сторону, а семиэтажные дома выстроены под наблюдением строительных законов и не обрушатся на вашу голову» [цит. по: 14]. Здесь необходимо уточнить понятие воли. Это связано с тем, что А. Макаренко, вероятно, не читал «Критику практического разума» Канта, согласно которой свободная воля понимается как а priori условие возможности рефлексивной свободы (нравственности), без чего мы не смогли бы противостоять ни одному чисто природному порыву. Макаренко в своем высказывании, очевидно, понимает под словом «воля» произвол, что не умаляет важности его высказывания для толкования понятия социальной свободы.

Феномен Макаренко в контексте развития общества

Феномен Макаренко стал возможным, как уже было показано в начале статьи, благодаря исключительности личности самого А. Макаренко. Что было бы, если на его месте оказался кто-то другой? А мы знаем из «Педагогической поэмы», что другие в его условиях работать просто отказывались. Своей будущей жене Галине Стахивне Салько (1892—1962) Антон Семенович писал о себе: «Я привык стоять на твердой позиции твердого человека, знающего себе цену, и цену своему делу, и цену каждой шавке, которая на это дело лает. Мне казалось, что в моей жизни заключена самая веселая, самая умная, самая общественно ценная философия настоящего человека... Я был глубоко убежден, что нашел самую совершенную форму внутренней свободы и внутренней силы, силы, при этом совершенно неуязвимой во всем великолепии своего внутреннего спокойствия...» [7]. После восьми лет работы в колонии он пишет Галине Стахивне в письме от 23 апреля 1928 г.: «...ей-Богу, ни один человек не знает, какой это исключительный трюк — один день „позаведывать“ колонией Горького» [15, с. 18].

Благодаря исследованию Гётца Хиллига стала известна история дружбы и любви А. С. Макаренко и детского режиссера-кинематографиста Маргариты Барской. Ее слова о А. С. Макаренко (написанные приблизительно в октябре 1938 г.) также выявляют грани его личности под необычным углом зрения: «Макаренко — настоящий подлинный мастер, крупнейший мастер. Писатель он очень талантливый, но педагог он просто гениальный. По-моему, у нас либо этого не понимают, либо он не попал в орбиту настоящего внимания, либо ему не вполне доверяют. А жаль. Макаренко настолько талантлив, что он может сделать *все*, что захочет. Например, скажу такую дикость — он мог бы воспитать ярых белогвардейцев, если б поставил бы себе это задачей, мог воспитать так же, как он воспитал настоящих большевиков. На эту воспитанную им молодежь Советская власть может положиться. Я знаю уже двух — Леву и этого „тяжелого бомбардировщика“, остальных легко представить. Вот это умение сделать, что хочешь, и есть настоящее мастерство.

Если б зависело от меня, я бы доверила ему все воспитание детей в школах, сначала в Москве, а потом, когда бы он наладил, и во всем Союзе. Он единственный человек, который поставил это дело так, как надо. Но для этого нужно, чтоб ему поверили настолько, чтоб хоть год не давали им „руководить“ всяким наркомпросовским крысам.

Макаренко — такой человек, которому надо оказать полное доверие, и он даст пышнейший цвет, оплатит тысячекратной пользой» [6, с. 731].

Заключение

Подведем итоги с позиции того, как соотносится деятельность А. С. Макаренко с идеей свободы в ее современном понимании. Очевидно, что деятельность Антона Семеновича Макаренко нисколько не противоречит последнему, а вполне могла бы найти обоснование своей легитимности в трудах современных исследователей. Это связано с тем, что А. Макаренко стремился к воспитанию по-настоящему нравственной и ответственной личности благодаря тому, что в возникших в его колониях коллективах была осуществлена социальная свобода. При этом каждый колонист ощущал себя будто «у себя дома» в своем коллективе, в смысле того, что вклад каждого(ой) в общее дело ценился, и каждый(ая) понимал(а), что именно в коллективе он(а) может развить свои лучшие качества и достигнуть цели — стать полноценным членом общества, строящего лучшее будущее. Совершалось настоящее перевоспитание: из «дефективных подростков» колонисты превращались в студентов сельскохозяйственных вузов и рабфака, а главное — становились хорошими людьми и гражданами своей страны.

Более того, личность, а также произведения А. С. Макаренко значимы вне времени и будут поучительны также для будущих поколений, потому что это был человек, обладающий мужеством самостоятельного мышления и воспитывающий самостоятельное, критическое и, что важно, диалектическое мышление. А воспитание в коллективе было не препятствием, а условием такого воспитания. По этому поводу другой видный педагог С. И. Гессен, фактически его ровесник, эмигрировавший на Запад, писал о различии социальной группы и духовной общности. Не сохранилось данных о том, был ли знаком Антон Семенович с произведениями С. И. Гессена, но его коллектив можно с полным правом назвать духовной общностью. Ведь, по С. Гессену, только в социальной группе с ее статичностью теряется индивидуальность, а в динамике духовной общности индивидуальность развивается и реализуется, обогащается в гегелевском смысле, переданным немецким глаголом *aufheben* (в трех его значениях одновременно: выявить сущность, сохранить все лучшее и преодолеть) [2]. В этом, с точки зрения автора статьи, и состоит секрет воспитания личности в коллективах воспитанников трудовых колоний им. М. Горького и Ф. Э. Дзержинского. И, конечно, этот секрет скрыт также и в личности ее руководителя.

Список источников

1. Makarenko in Deutschland. Beiträge zur vergleichenden Erziehungswissenschaft / hrsg. von Götz Hillig. Braunschweig : Georg Westermann Verlag, 1967. 536 s.
2. Воробьев Н. Е., Дьяченко С. А. Творчество А. С. Макаренко как объект изучения и аналитической оценки в немецкой педагогике : моногр. Луганск : Изд-во Луганского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко, 1993. 206 с.
3. Фромм Э. Человек для себя. М. : АСТ, 2020. 320 с.
4. Keckeisen W. Kritische Erziehungswissenschaft // Theorien und Grundbegriffe der Erziehung und Bildung / hrsg. von Dieter Lenzen ; Klaus Mollenhauer. 2 Aufl. Bd. 1. Stuttgart : Klett-Cotta, 1992. S. 117—138.
5. Шачина А. Ю., Шачин С. В. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. В.: Suhrkamp, 2011 // Кантовский сборник : научный журнал. 2012. 1 (39). С. 91—100. Отзыв на кн. : Хоннет А. Право свободы: Очерк демократической нравственности. Берлин : Suhrkamp, 2011. 628 с. URL: https://journals.kantiana.ru/kant_collection/606/1675/ (дата обращения: 02.10.2022).
6. Хиллиг Г. В поисках истинного Макаренко: русскоязычные публикации (1976—2014) / Полтав. нац. пед. ун-т им. В. Г. Короленко. Полтава : Издатель Шевченко Р. В., 2014. 778 с.
7. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Полная версия / сост., вступ. ст., примеч., коммент. С. С. Невской. М. : АСТ, 2018. 640 с.

8. Хиллиг Г. Колония им. М. Горького — творческая лаборатория Макаренко // Педагогика. 2003. № 8. С. 78—87.
9. Полтавская трудовая колония им. М. Горького. Полемика, документы, портреты (1920—1926) / сост. Гётц Хиллиг // *Opuscula Makarenkiana*. № 25. Marburg, Makarenko-Referat, 2003. 328 s.
10. Stenger U. Anton Semjonowitsch Makarenko: *Pedagogischeskaja poema* // *Hauptwerke der Pädagogik* / hrsg. von Winfried Böhm, Birgitta Fuchs, Sabine Seichter. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2011. S. 276—279.
11. Макаренко А. С. Книга для родителей. М. : Правда, 1985. 448 с.
12. Шиллер Ф. И. Х. Письма об эстетическом воспитании человечества // Шиллер И. Х. Ф. Сочинения: в 8 т. М. ; Л. : Гослитиздат, 1956. Т. 6. С. 251—358.
13. Макаренко А. С. Человек должен быть счастливым: избранные статьи о воспитании / сост., вступ. ст. В. Э. Черник. М. : Карпуз, 2009. 288 с.
14. Гриценко Л. И. Социальное воспитание и свобода личности в педагогике А. С. Макаренко // *Педагогика*. 2013. № 2. С. 97—102.
15. Макаренко А. С. «Ваша нежность — страшная сила». Письма не только о любви (Харьков, весна 1928 г.) / сост. Гётц Хиллиг // *Opuscula Makarenkiana*. № 17. Marburg, Makarenko-Referat, 1996. 64 s.
16. Гессен С. И. В защиту педагогики // Рериховская библиотека. URL: <https://roerich-lib.ru/gessen/6636-v-zashchitu-pedagogiki> (дата обращения: 02.10.2022).

References

1. Hillig von Götz (ed.). Makarenko in Deutschland. Beiträge zur vergleichenden Erziehungswissenschaft [Makarenko in Germany. Contribution to comparative education]. Braunschweig, Georg Westermann Verlag, 1967, 536 p.
2. Vorob'ev N.E., D'yachenko S.A. Tvorchestvo A.S. Makarenko kak ob'ekt izucheniya i analiticheskoi otsenki v nemetskoj pedagogike [A. S. Makarenko's creativity as an object of study and analytical evaluation in German pedagogy]. Lugansk, Publ. Luganskogo gos. ped. in-ta im. T.G.Shevchenko, 1993, 206 p.
3. Fromm E. Chelovek dlya sebya [A man for himself], Moscow, AST, 2020, 320 p.
4. Keckeisen W. Kritische Erziehungswissenschaft [Critical educational science], Lenzen von D. (ed.); Mollenhauer K. (ed.) *Theorien und Grundbegriffe der Erziehung und Bildung [Theories and basic concepts of education]*, ed. 2, vol. 1. Stuttgart, Klett-Cotta, 1992, pp. 117—138.
5. Shachina A.Yu., Shachin S.V. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. B.: Suhrkamp, 2011 [Honneth A. The right of freedom: outline of a democratic morality. B.: Suhrkamp, 2011], *Kantovskii sbornik: nauchnyi zhurnal [Kant's collection : a scientific journal]*, 2012. no. 1 (39), pp. 91—100. Otzyv na kn. : Khonnet A. Pravo svobody: Ocherk demokraticeskoi pravstvennosti [Review of book : Honneth A. The Right of Freedom: an essay on democratic morality]. Berlin, Suhrkamp, 2011, 628 p. Available at: https://journals.kantiana.ru/kant_collection/606/1675/ (accessed: 02.10.2022).
6. Khillig G. V poiskakh istinnogo Makarenko: russkoyazychnye publikatsii (1976—2014) [In search of the true Makarenko: russian-language publications (1976—2014)]. Poltava, Publ. Shevchenko R.V., 2014, 778 p.
7. Makarenko A.S. *Pedagogicheskaya poema*. Polnaya versiya [A pedagogical poem. Full Version], S.S. Nevskaya (ed.). M., AST, 2018, 640 p.
8. Khillig G. Koloniya im. M. Gor'kogo — tvorcheskaya laboratoriya Makarenko [M. Gorky Colony - Makarenko's creative laboratory], *Pedagogika [Pedagogy]*, 2003, no. 8, pp. 78—87.
9. Khillig G. (ed.) *Poltavskaya trudovaya koloniya im. M. Gor'kogo. Polemika, dokumenty, portrety (1920—1926)* [Poltava labor colony named after M. Gorky. Polemics, documents, portraits (1920—1926)], *Opuscula Makarenkiana [Opuscula Makarenkiana]*, no. 25. Marburg, Makarenko-Referat, 2003, 328 p.
10. Stenger U. Anton Semjonowitsch Makarenko: *Pedagogischeskaja poema* [Anton Semyonovich Makarenko: Pedagogical poem], Böhm von W. (ed.), Fuchs B.(ed.), Seichter S.(ed.), *Hauptwerke der Pädagogik [Main works of pedagogy]*. Paderborn, Ferdinand Schöningh Publ., 2011, pp. 276—279.
11. Макаренко А.С. Книга для родителей [A book for parents]. Moccow, Pravda, 1985, 448 p.
12. Shiller F.I. Kh. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii chelovechestva [Letters on the esthetic education of mankind], *Shiller I. Kh. F. Sochineniya [Works: in 8 vols.]*, v 8 vol. Moccow, Leningrad, Goslitizdat, 1956, vol. 6, pp. 251—358.
13. Makarenko A.S. Chelovek dolzhen byt' schastlivym: izbrannye stat'i o vospitanii [A man should be happy: selected articles on parenting], V.E. Chernik (ed.), Moccow, Karapuz, 2009, 288 p.

14. Gritsenko L.I. Sotsial'noe vospitanie i svoboda lichnosti v pedagogike A.S. Makarenko Social education and individual freedom in the pedagogy of A. S. Makarenko], *Pedagogika [Pedagogy]*, 2013, no. 2, pp. 97—102.
15. Makarenko A.S. «Vasha nezhnost' — strashnaya sila». Pis'ma ne tol'ko o lyubvi (Khar'kov, vesna 1928 g.) ["Your tenderness is a terrible power." Letters Not Only About Love (Kharkov, spring 1928)], Getts Khillig (ed.), *Opuscula Makarenkiana [Opuscula Makarenkiana]*, no. 17. Marburg, Makarenko-Referat, 1996, 64 p.
16. Gessen S.I. V zashchitu pedagogiki [In defense of pedagogy] // *Rerikhovskaya biblioteka [Rerikh library]*. Available at: <https://roerich-lib.ru/gessen/6636-v-zashchitu-pedagogiki> (accessed: 02.10.2022).

Информация об авторе

Шачина Анна Юрьевна — кандидат педагогических наук, независимый исследователь, Мурманск, Российская Федерация. E-mail: anna_shachina@mail.ru

Information about the author

Anna Yu. Shachina — Candidate of Pedagogical Sciences, Independent researcher, Murmansk, Russian Federation. E-mail: anna_shachina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.01.2023.

Опыт советской педагогики в контексте современности

Научная статья
УДК 378.14
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-24-29

Значимость идей советской педагогики в контексте
развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов
начального образования

Дарья Сергеевна Тыщук

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация,
tyshhuks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7655-258X>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению значимости идей советской педагогики в контексте развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов начального образования. Актуальность идей А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили, С. Л. Соловейчика обусловлена сделанными в их трудах акцентами на понимании доброты, совести, труда, порядочности, чуткости как приоритетных для педагогики. Пересмотр ценностной составляющей профессиональной компетентности педагогов начальных классов необходим для повышения качества реализации ими благородных гуманистических образовательно-воспитательных функций. Понимание значимых духовно-нравственных постулатов выдающихся педагогов советского периода как основы развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов начального образования представляется перспективной педагогической стратегией в процессе формирования модели высококвалифицированного специалиста — учителя начальных классов.

Ключевые слова духовно-нравственные ценности, добро, любовь, совесть, ответственность, порядочность, семья, педагоги начального образования

Для цитирования: Тыщук Д. С. Значимость идей советской педагогики в контексте развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов начального образования // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 24—29. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-24-29.

Experience of Soviet pedagogy in the context of modernity

Original article

Significance of the ideas of Soviet pedagogy in the context
of the development of spiritual and moral values of future teachers
of primary education

Dariya S. Tyshhuk

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation, tyshhuks@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7655-258X>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the significance of the ideas of Soviet pedagogy in the context of the development of spiritual and moral values of future teachers of primary education. The relevance of the ideas of A.S. Makarenko, V.A. Sukhomlinsky, Sh.A. Amonashvili, S.L. Soloveichik is conditioned by the emphasis in their works on the understanding of kindness, conscience, labor, decency, and sensitivity as

priority values for pedagogy. Revision of the value component of the professional competence of elementary school teachers is necessary to improve the quality of realization of noble humanistic educational and educational functions by elementary school teachers. Understanding of significant spiritual and moral postulates of outstanding teachers of the Soviet period as a basis for the development of spiritual and moral values of future teachers of primary education it seems to be a promising pedagogical strategy in the process of formation of the model of a highly qualified specialist - teacher of primary classes.

Keywords: spiritual and moral values, goodness, love, conscience, responsibility, decency, family, primary education teachers

For citation: Tyshhuk D.S. The significance of the ideas of soviet pedagogy in the context of the development of spiritual and moral values of future primary education teachers. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):24—29. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-24-29.

Реалии сегодняшней жизни обуславливают острую, как никогда, необходимость усиления духовно-нравственной составляющей профессиональной подготовки будущих педагогов, а особенно педагогов начального образования.

Кроме высокого уровня профессиональных знаний, у будущего педагога начального образования должна быть сформирована система духовно-нравственных ценностей как основа для осуществления образовательно-воспитательной работы и личностного самосовершенствования.

Следует отметить, что в настоящее время отношениям учитель — воспитанник присуща определенная степень формализма в силу стремительного развития образовательной системы, нехватки времени, и как следствие, сил, однако подобного допускать нельзя, потому что душа ребенка — тончайшая материя, очень ранимая и чуткая.

Пересмотр ценностной составляющей профессиональной компетентности педагогов начальных классов необходим для повышения качества реализации ими благородных гуманистических образовательно-воспитательных функций.

Несмотря на достаточно широкую степень репрезентации современных педагогических подходов и стратегий, проблема развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов не теряет своей актуальности, поскольку результат, проявляющийся в практике каждодневного педагогического труда, не в полной мере соответствует вызовам времени.

Важнейшим остается вопрос теоретико-методологического поиска основы для формирования механизма развития системы духовно-нравственных ценностей будущих педагогов начального образования. Представляется, что в качестве такой основы могут выступать идеи выдающихся педагогов советского периода А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили, С. Л. Соловейчика, постулирующих важность понимания сущности доброты, совести, труда, порядочности, чуткости как приоритетных для педагогики.

Цель статьи состоит в анализе значимости идей советской педагогики в контексте развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов начального образования (на основе педагогических концепций А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, С. Л. Соловейчика, Ш. А. Амонашвили).

Специфика педагогической профессии состоит в неразделимости духовно-нравственной составляющей, профессиональной и сугубо личностной. Совершенствуясь морально изначально как профессионал, педагог совершенствуется и как человек. В плане развития ценностей педагогов начального образования важно акцентировать внимание в первую очередь на тех духовно-нравственных аспектах, которые важны для организации профессиональной деятельности.

Главную задачу своей деятельности Антон Семенович Макаренко видел в том, чтобы воспитать человека «счастливым, непрерывно развивающимся,

живущим в гармонии с самим собой, близкими и друзьями, со всем окружающим миром» [1, с. 84]. И средством достижения этой цели он считал труд. «Труд имеет не только значение общественно-производственное. Но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими» [2, с. 31].

Организация трудовой деятельности учащихся, направленной на формирование настоящего человека, стала основой педагогической системы Макаренко: «Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры» [3, с. 232]. Он особо подчеркивал воспитательный потенциал совместной трудовой деятельности: «В трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям, — это уже будет нравственная подготовка» [3, с. 233].

Василий Александрович Сухомлинский акцентировал внимание на том, что основа деятельности педагога — нравственное отношение к личности ребенка. Порядочность, доброта к воспитаннику, понимание того, что ребенок, так же как и взрослый, способен переживать, чувствовать, радоваться, представлялись выдающемуся педагогу основополагающими требованиями для осуществления профессиональной деятельности.

В. А. Сухомлинский отмечал, что недостаточно развить интеллектуальные способности у ребенка. Не менее важной задачей является формирование чувства добра и зла, границу между которыми определяет чувство человеческой совести. «Становление внутренней установки личности ребенка младшего школьного возраста поступать согласно своей совести, воспитание нравственности основано на заботе о совершенстве каждой грани, стороны, черты человека, педагог в то же время никогда не упускает из виду то обстоятельство, что гармония всех человеческих граней, сторон, черт определяется чем-то ведущим, основополагающим. Ведущим, определяющим компонентом в этой гармонии является нравственность» [4, с. 138].

Начальная школа — это именно тот период, когда ребенок наиболее восприимчив к развитию нравственных чувств. «Нравственные убеждения, взгляды, привычки — все это тесно связано с чувствами. Чувства — это, образно говоря, живительная почва для высоконравственных поступков. Там, где нет чуткости, тонкости восприятия окружающего мира, вырастают бездушные, бессердечные люди. Чуткость, впечатлительность души формируются в детстве. Если упущены детские годы — упущенного никогда не наверстаешь» [5, с. 87]. Педагог подчеркивал, что «если упустить воспитание в этом возрасте, то после уже будет проблематично компенсировать недостаток ценностей у ребенка. <...> ...Педагог должен осознавать возраст детей, их возможности и руководствоваться этим в своей работе, но не демонстрировать это восприятие ребенку» [4, с. 26].

Для педагога понятие «нравственность» неотделимо от понятия «гражданственность»: «Чувства совести, долга, ответственности, стыда — главные показатели того, что необходимо воспитывать нравственную личность, осознающую личную ответственность и свой долг перед обществом. Принятие того, что нельзя совершать асоциальные поступки, поскольку они несут вред другим, а не потому, что за них последует наказание — это цель педагога в воспитании гражданина. Совесть рождается в способности к сопереживанию. Если ребенок понимает чувства окружающих, примеряет их на себя, то он никогда не будет совершать поступки, которые могут нанести вред» [4, с. 45].

При этом В. А. Сухомлинский считал, что ребенка надо воспитывать сильным и стойким. Он писал о пагубности и разрушительной силе такого чувства, как жалость к себе: «...жалость к себе — чувство слабых, жалость к себе — чувство слабых, жалость к себе — чувство слабых» [6, с. 100].

оно способно даже сильного сделать тщедушным существом. Быть тщедушным — незавидный удел. У тщедушного — мелкие, убогие радости, он не знает подлинного счастья бытия, для него непостижим и недостижим идеал: тщедушные вырождаются в эгоизм и трусость» [4, с. 23].

Стойкость характера Сухомлинский видел в самоконтроле, без которого невозможно воспитать личность и гражданина: «Тот, кто не знает границ своим желаниям, никогда не станет хорошим гражданином. Умение управлять желаниями — в этой, казалось бы самой простой, а, на самом деле, сложной человеческой привычке — источник человечности, чуткости, сердечности, внутренней самодисциплины, без которой нет совести, нет настоящего человека» [5, с. 80].

Основным адресатом педагогических посылов Симона Львовича Соловейчика были родители детей, но для будущих учителей начальных классов ценными являются его взгляды, касающиеся эффективного воздействия на ценностные системы воспитанников.

Система С. Л. Соловейчика была уникальной для педагогики своего времени благодаря органичному сплетению двух традиций отечественного семейного воспитания: этико-гуманистической и свободоцентрической. С одной стороны, С. Л. Соловейчик обосновывает первую педагогическую традицию (взгляды Соловейчика тесно переплетаются с этической позицией Сухомлинского); с другой стороны, ученый призывает родителей к новым (свободоцентрическим) подходам, к «воспитанию без воспитания», что предполагает сознательный отказ отца и матери от воздействия на своего ребенка, от стремления «вылепить» из его души какой-либо человеческий идеал [6].

Педагог был убежден в том, что отношения с детьми нужно выстраивать на основе уважения, искреннего и доброжелательного отношения [6, с. 68]. «Детей не надо воспитывать — с детьми нужно дружить», — писал Соловейчик.

В своей самой известной работе «Педагогика для всех» ученый называет основы единственно правильного взаимодействия с детьми: «...совесть, правда, честь, свобода, сердце, радость, счастье, красота, добро, вера, надежда, любовь, справедливость, нравственность, долг, дух, душа и духовность» [6, с. 97].

Все произведения Соловейчика — призыв к осуществлению нравственного воспитания, центр которого — человеческая духовность: «Воспитание — это обучение нравственной жизни. Воспитывая детей, мы учим их добиваться своих целей за свой счет, пользуясь лишь нравственными средствами» [6, с. 97].

Главным требованием к педагогу, в контексте учения Л. С. Соловейчика, является умение любить детей: «Любовь и совесть правят миром людей. Мы не всегда это замечаем, как не чувствуем воздуха, которым дышим, но испытываем удушье, когда его не хватает. <...> Любовь и совесть — кислород нравственной атмосферы, в которую каждый из нас погружается с первым вдохом, с первым криком. Не все мы верим в силу любви и совести, сомневаемся даже в их существовании (а есть ли любовь? есть ли совесть?), но всякое их ослабление делает жизнь невыносимой. Для каждого в отдельности и для всех вместе» [6, с. 15].

Гуманистическая педагогика Шалвы Александровича Амонашвили базируется на милосердии, человечности, доброте, способности к эмпатии как основе педагогического взаимодействия. Причем, по мнению педагога, как бы сложна ни была воспитательная задача, педагог не имеет права отходить от моральных принципов в ее достижении: «Воспитание — тот исключительный случай, когда цель не может оправдать средства, когда именно средства, именно способ общения должны возводить и украшать цель, когда средства сами должны стать частичками цели» [7, с. 166].

Учительство понималось Ш. А. Амонашвили как миссия, как призвание: «Учительская деятельность — она есть высочайшая забота не только об учениках, но, через них — о людях, о Родине, о земном шаре, о вселенной в целом, о том, чтобы жизнь никогда не погасла и никогда не приостановила свое восхождение к самому возвышенному в человеке» [7, с. 166].

Ш. А. Амонашвили уделял значительное внимание совершенствованию педагогического мастерства учителя:

«Быть мастером педагогического труда — значит уметь предугадывать возможные осложнения в педагогическом процессе и своевременно предупреждать их, уметь незамедлительно и правильно разрешать сложные педагогические ситуации, обладать педагогическим чутьем, уметь управлять педагогическим процессом без принуждения, с легкостью, быть в нем простым, обычным, но нужным и любимым для детей человеком, всеяющим в них радость, заботу, уверенность и оптимизм» [7, с. 11].

Кроме развитых прогностических способностей для будущего учителя важны духовно-нравственные ценности: «Что же нужно, чтобы стать мастером педагогического труда? Ну конечно знания, но обязательно — добрая душа, чуткое сердце, любовь к детям и неудержимое желание посвятить им свою жизнь» [7, с. 12].

Учитель должен владеть информацией о жизни ребенка, но исключительно с целью выбора формы взаимодействия с ребенком и его семьей: «Учитель должен знать все семейные тайны, связанные с ребенком, с его судьбой, с его прошлым, всю деликатность родственных связей, характер взаимоотношений в семье, могущих иметь влияние на воспитание. Он несет моральную обязанность не разглашать эти тайны, ни с кем не делиться ими, если это не будет вызвано необходимостью уберечь судьбу ребенка и защищать его права от различного рода посягательств. Одновременно его педагогическая совесть должна направлять его заботу о ребенке и общение с ним с учетом доверенных или разгаданных самим тайн с целью предотвращения возможных осложнений в жизни ребенка» [7, с. 32].

Значимость идей советской педагогики в контексте развития духовно-нравственных ценностей будущих педагогов начального образования неоспорима. Сейчас крайне важно подготовить не просто квалифицированного специалиста, но человека с большой буквы.

Рассмотрение трудов советских педагогов позволяет сделать вывод о том, что духовно-нравственные ценности педагога начальных классов базируются на глубоком уважении специалиста, носителя профессиональных знаний, к личности ребенка. Совершенно закономерным представляется тот факт, что понять душу и сердце подрастающего человека, дать ему комплекс знаний, умений и навыков, а также научить человечности возможно лишь исходя из человеколюбия, доброты, милосердия, порядочности.

Список источников

1. Терещенко Г. Ф. Вопросы духовно-нравственного воспитания в педагогическом наследии А. С. Макаренко // Гаудеамус : психолого-педагогический журнал. 2017. Т. 16. № 3. С. 83—87.
2. Макаренко А. С. С любовью и тревогой / сост., вступ. ст. и прим. А. К. Романовского, А. Т. Губко. Киев, 1989. 368 с.
3. О трудовом воспитании : хрестоматия / сост., авт. введ. ст. и биогр. очерков Д. Е. Аксенов. М. : Просвещение, 1982. 336 с.
4. Сухомлинский В. А. Проблемы воспитания всесторонне развитой личности. Киев : Радянська школа, 1979. Т. 1. 686 с.
5. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Киев, 1974. 287 с.
6. Соловейчик С. Л. Педагогика для всех: книга для будущих родителей. М. : Детская литература, 1988. 367 с.
7. Амонашвили Ш. А. Единство цели : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1987. 208 с.

References

1. Tereshchenko G.F. Voprosy dukhovno-nravstvennogo vospitaniya v pedagogicheskom nasle-dii A.S. Makarenko [Issues of spiritual and moral education in the pedagogical heritage of A.S. Makarenko], *Gaudeamus : psikhologo-pedagogicheskii zhurnal [Gaudeamus : a psycho-pedagogical journal]*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 83—87.
2. Makarenko A.S. S lyubov'yu i trevogoi [With love and trepidation], A.K. Romanovskii (ed.), A.T. Gubko (ed.), Kiev, 1989, 368 p.
3. Aksenov D. E. (ed.). O trudovom vospitanii [About labor education], khrestomatiya., Moscow, Prosveshchenie, 1982, 336 p.
4. Sukhomlinskii V.A. Problemy vospitaniya vsestoronne razvitoi lichnosti [Problems of education of a comprehensively developed personality]. Kiev, Radyans'ka shkola, 1979, vol. 1, 686 p.
5. Sukhomlinskii V.A. Serdtse otdayu detyam [My heart goes out to the children]. Kiev, 1974, 287 p.
6. Soloveichik S.L. Pedagogika dlya vseh: kniga dlya budushchikh roditel'ei [Pedagogy for all: a book for future parents]. Moscow, Detskaya literatura, 1988, 367 p.
7. Amonashvili Sh.A. Edinstvo tseli, posobie dlya uchitelya [Unity of purpose]. Moscow, Prosveshchenie, 1987, 208 p.

Информация об авторе

Тыщук Дарья Сергеевна — старший преподаватель кафедры начального образования, Луганский государственный педагогический университет, Ровеньковский факультет, Луганск, Российская Федерация. E-mail: tyshhuks@mail.ru

Information about the author

Dariya S. Tyshhuk — Senior Lecturer, Department of Elementary Education, Lugansk State Pedagogical University, Rovenky Faculty, Lugansk, Russian Federation. E-mail: tyshhuks@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.

Опыт советской педагогики в контексте современности

Научная статья
УДК 377.2.091.12—021.321—042.2
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-30-34

Требования советской и современной системы среднего профессионального образования к преподавателю: сходство и различие

Екатерина Васильевна Тищенко

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация,
authoresskatyusha@yandex.ru

Аннотация. В статье выделены основные требования к преподавателям в системе среднего профессионального образования в советский период и на современном этапе. В системе среднего профессионального образования в настоящее время основными требованиями стали наличие среднего профессионального образования у преподавателей и повышение квалификации, использование в педагогической деятельности информационных технологий, фундаментализация, индивидуализация профессионального образования. В советский период, во второй половине XX в., основными требованиями были единые рабочие программы для всей системы среднего профессионального образования, наличие высшего образования у преподавателя, методических материалов и др.

Ключевые слова: профессиональное образование, среднее профессиональное образование, система, преподаватель, особенности, требования, развитие

Для цитирования: Тищенко Е. В. Требования советской и современной системы среднего профессионального образования к преподавателю: сходство и различие // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 30—34. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-30-34.

Experience of Soviet pedagogy in the context of modernity

Original article

Requirements of the Soviet and modern system of secondary vocational education to the teacher: similarities and differences

Ekaterina V. Tishchenko

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation, authoresskatyusha@yandex.ru

Abstract. The article highlights the main requirements for teachers in the system of secondary vocational education in the Soviet period and at the present stage. In the system of secondary vocational education at present the main requirements are the availability of secondary vocational education for teachers and professional development, the use of information technologies in pedagogical activities, fundamentalization, individualization of vocational education. In the Soviet period, in the second half of the twentieth century, the main requirements were unified working programs for the whole system of secondary vocational education, higher education of the teacher, methodological materials, etc.

Keywords: vocational education, secondary vocational education, system, teacher, features, requirements, development

For citation: Tishchenko E.V. Requirements of the Soviet and modern system of secondary vocational education to the teacher: similarities and differences. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):30—34. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-30-34.

В настоящее время остро стоит вопрос о готовности преподавателей к эффективной деятельности в сфере профессионального образования в условиях внедрения новых стандартов, связанных с динамично развивающимися технологиями в производственной деятельности. Фиксируется потребность в преобразовании подходов к подготовке квалифицированных специалистов в учреждениях среднего профессионального образования. Поэтому в педагогических исследованиях последних лет особое внимание уделяется требованиям, предъявляемым к преподавателям в соответствии с современными тенденциями научно-технического процесса. Современное среднее профессиональное образование (СПО) — это система, которая имеет достаточно продолжительную историю развития, где были как взлеты, так и периоды снижения эффективности. Одним из наиболее успешных периодов развития среднего профессионального образования заслуженно считается период существования СССР.

Цель статьи — выявить различия между требованиями современной системы среднего профессионального образования и системы советского периода второй половины XX в.

Изучением особенностей преподавательской деятельности в системе среднего профессионального образования занимались такие ученые, как Э. Ф. Зеер [1], М. Н. Костикова [2], Г. М. Романцев [3], В. А. Федоров [4] и др.

Рассматривая требования к преподавателям системы среднего профессионального образования в СССР во второй половине XX в., отметим в качестве одного из наиболее важных постоянную работу над методическими накоплениями при подготовке к занятиям: разработку раздаточного материала, карточек с заданиями к каждому занятию, плакатов и др. Вместе с тем следует отметить, что в средних профессиональных учреждениях одной из проблем было недостаточное количество учебных пособий по всем преподаваемым дисциплинам. При этом существовали единые рабочие программы, утвержденные Министерством высшего и среднего специального образования СССР для каждого учреждения среднего профессионального образования [5], что особенно важно на современном этапе его развития. Отсутствие единых разработанных министерством рабочих программ профессионального образования является одной из наиболее проблем, подготовка специалистов становится делом отдельно взятого учреждения, качество образования снижается. Кроме того, отсутствие единых рабочих программ, учебных пособий, необходимых студентам, приводит к возникновению больших трудностей при переходе из одного учебного учреждения в другое.

С середины 1980-х гг. была введена кабинетная система по дисциплинам, которая давала возможность преподавателю воспользоваться всеми необходимыми дидактическими материалами, а также специальным оборудованием. Оборудование, наглядный материал соответствовали уровню научно-технического прогресса на том историческом этапе. В современной системе среднего профессионального образования, к сожалению, далеко не во всех учебных учреждениях осуществляется обновление подобного фонда. Во многих учреждениях среднего профессионального образования до сих пор висят таблицы, изданные в 1960-х гг. (например устаревшие схемы деталей машин, двигателей и т. д.), которые не всегда соответствуют современным реалиям и не отражают научно-технических достижений.

Высокий уровень подготовки специалистов в системе среднего профессионального образования СССР был обусловлен также тем, что с 1964 г. каждый преподаватель должен был обязательно иметь высшее образова-

ние, кроме того, проходить курсы повышения квалификации один раз в пять лет. Кроме преподавателей в системе среднего профессионального образования также работали мастера производственного обучения, не обязательно имевшие высшее образование, однако они были квалифицированными специалистами с большим опытом работы, что необходимо было подтвердить соответствующими документами. Также мы считаем важным фактором обеспечения высокого уровня преподавания в СССР обмен опытом. Так, с целью своевременной переподготовки, повышения уровня преподавания, обмена опытом преподаватели техникумов направлялись в различные города СССР на семинары, курсы, съезды и другие мероприятия.

Особенностью современной системы среднего профессионального образования является необходимость повышения профессиональной квалификации работников каждые три года, согласно ст. 49 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», т. е. чаще, чем в системе среднего профессионального образования СССР во второй половине XX в. Преподаватели проходят курсы повышения квалификации, посещают семинары городского уровня, проводят открытые занятия и мероприятия и др.

Для организации полноценного учебного процесса в системе среднего профессионального образования было предусмотрено превалирование практических занятий над теоретическими. Данная практика получила широкое распространение с середины 1960-х гг. [6]. От преподавателей требовался личный высокий уровень владения практическими навыками, что также положительно влияло на уровень среднего профессионального образования.

Во второй половине XX в. в образовательном процессе системы среднего профессионального образования начинает применяться электронно-вычислительная техника, первые компьютеры. На современном этапе требования к преподавателям сводятся к индивидуализации, стандартизации программного материала при преподавании дисциплин. Основной тенденцией развития среднего профессионального образования стало использование информационных технологий в учебном процессе для демонстрации изучаемого материала с целью реализации принципа наглядности.

Важно отметить роль преподавателя в успешном формировании необходимых профессиональных умений и навыков студентов. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет требования к условиям реализации образовательных программ, в том числе и к квалификации кадров. В программах Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования отмечено, что требуется привлечение педагогических работников с высшим образованием или специалистов среднего звена. В соответствии с требованиями закона педагогический работник среднего профессионального образования может занимать должность преподавателя или мастера производственного обучения. Таким образом, современные требования к педагогическим кадрам не отличаются от требований в СССР во второй половине XX в. В настоящее время все требования к преподавателю прописываются в должностных инструкциях педагогического работника каждого учреждения среднего профессионального образования, что в советский период, по нашим данным, отсутствовало.

Новый государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования содержит требование о фундаментализации профессионального образования. Фундаментализация среднего профессионального образования заключается в системном обогащении процесса обучения фундаментальными знаниями и методиками при работе преподавателя [7].

Подводя итоги, выделим основные особенности требований советской системы среднего профессионального образования к преподавателям:

1. Наличие в стране единых рабочих программ и рекомендуемых пособий для системы среднего профессионального образования.
2. Обновление дидактических материалов, а также учебного оборудования в соответствии с уровнем научно-технического прогресса.
3. Масштабное обеспечение обмена опытом между преподавателями системы среднего профессионального образования.
4. Обеспечение преподавательским составом формирования устойчивых практических навыков в рамках преподаваемой дисциплины.

Таким образом, дальнейшее развитие современной системы среднего профессионального образования должно опираться на достижения педагогической науки прошлых лет, в частности советского периода.

Список источников

1. Зеер Э. Ф. Психология профессий : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 336 с.
2. Костикова М. Н. Инновационные процессы в развитии педагогического образования // Традиции и инновации в системе образования: гуманитаризация образования: материалы математической науч.-практ. конф. Ч. 1. Чита : Изд-во ЗабГПУ, 1998. С. 36—41.
3. Уровневое профессионально-педагогическое образование: проблемы стандартизации : моногр. / Г. М. Романцев, В. А. Федоров, И. В. Осипова, О. В. Тарасюк. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. 544 с.
4. Федоров В. А. Научно-образовательная школа «Научные основы развития и проектирования профессионального и профессионально-педагогического образования в России» академика РАО Г. М. Романцева // Образование и наука. 2010. № 10. С. 126—139.
5. Об утверждении положения о средних специальных учебных заведениях СССР : постановление Совета Министров СССР от 1 марта 1961 г. № 185 // Собр. постановлений правительства СССР. 1961. № 5. Ст. 33.
6. Государственный архив Луганской Народной Республики. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 70.
7. Беликов В. В. Развитие методической системы обучения численным методам в условиях фундаментализации высшего математического образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 43 с.

References

1. Zeer E.F. Psikhologiya professii [Unity of purpose] , uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, ed. 2, Moscow, Akademicheskii Proekt , Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2003, 336 p.
2. Kostikova M.N. Innovatsionnye protsessy v razvitii pedagogicheskogo obrazovaniya [Innovative processes in the development of teacher education], *Traditsii i innovatsii v sisteme obrazovaniya: gumanitarizatsiya obrazovaniya [Traditions and innovations in the education system: humanitarization of education]*, materialy matematicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, part 1. Chita, Publ. ZabGPU, 1998, pp. 36—41.
3. Romantsev G.M., Fedorov V.A., Osipova I.V., Tarasyuk O.V. Urovnevoe professional'no-pedagogicheskoe obrazovanie: problemy standartizatsii [Level professional-pedagogical education: problems of standardization], monografiya. Ekaterinburg, Publ. Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2011, 544 p.
4. Fedorov V.A. Nauchno-obrazovatel'naya shkola «Nauchnye osnovy razvitiya i proektirovaniya professional'nogo i professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii» akademika RAO G.M. Romantseva [Scientific and educational school "Scientific bases of development and design of professional and professional-pedagogical education in Russia", academician of RAO G. M. Romantsev], *Obrazovanie i nauka [Education and science]*, 2010, no. 10, pp. 126—139.
5. Ob utverzhdenii polozheniya o srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniyakh SSSR [On approval of the regulations on specialized secondary educational institutions of the USSR], postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 1 marta 1961 g. № 185, *Sobranie postanovlenii pravitel'stva SSSR [Collection of resolutions of the Government of the USSR]*, 1961, no. 5, st. 33.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Luganskoi Narodnoi Respubliki [State archive of the Lugansk People's Republic], coll. R-411, aids 2, fol. 70.

7. Belikov V.V. Razvitie metodicheskoi sistemy obucheniya chislennym metodam v usloviyakh fundamentalizatsii vysshego matematicheskogo obrazovaniya [Development of methodological system of teaching numerical methods in the conditions of fundamentalization of higher mathematical education], Dr. ped. sci. diss. Abstr. Moscow, 2011, 43 p.

Информация об авторе

Тищенко Екатерина Васильевна — ассистент кафедры высшей математики и методики преподавания математики, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация. E-mail: authoresskatyusha@yandex.ru

Information about the author

E. V. Tishchenko — Assistant of the Department of Higher Mathematics and Mathematics Teaching Methods, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation. E-mail: authoresskatyusha@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 25.01.2023.

Опыт советской педагогики в контексте современности

Научная статья
УДК 32.019.5
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-35-43

Историческая политика 2000-х годов в области образования на примере трактовок сталинского периода в учебнике А. В. Филиппова и А. А. Данилова

Вячеслав Александрович Фисюков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация, v.fisyukov@g.nsu.ru

Аннотация. Во второй половине 2000-х гг. в России постепенно складываются механизмы реализации исторической политики. Одним из ее ключевых элементов стала разработка и продвижение с помощью административных ресурсов, несмотря на серьезную критику в академической и педагогической среде, учебника по новейшей истории А. В. Филиппова и А. А. Данилова. На основе представленного в нем материала, формулировок вопросов и заданий в конце параграфов, методических рекомендаций для учителей по темам о послевоенном развитии СССР (1945—1953) определены инструменты выстраивания охранительного нарратива. Использование критического дискурс-анализа позволило выявить специфические способы идеологической индоктринации в преподавании истории для старших классов. Вполне закономерно семантические конструкции, формирующие антизападный контекст, шире представлены в первой главе с описанием послевоенной конфронтации СССР и США, в наименьшей степени — в последней, где дается описание повседневной жизни советских граждан. При этом в конечной редакции учебника не прослеживается апологетики И. В. Сталина и проводимой с 1945 по 1953 г. внутренней и внешней политики, хотя последняя и представлена в бинарных категориях, акцентирующих враждебность Запада во главе с США. Скорее можно отметить нормализацию трактовок описываемого периода с эпизодическим умалчиванием о «неудобном прошлом».

Ключевые слова: учебник А. В. Филиппова, А. А. Данилова, И. В. Сталин, историческая политика, критический дискурс-анализ, экстернализация, «карамзинская схема», селективное забвение

Для цитирования: Фисюков В. А. Историческая политика 2000-х годов в области образования на примере трактовок сталинского периода в учебнике А. В. Филиппова и А. А. Данилова // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 35—43. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-35-43.

Experience of Soviet pedagogy in the context of modernity

Original article

Historical policy of the 2000s in the field of education on the example of interpretations of the Stalinist period in textbook by A.V. Filippov and A.A. Danilov

Vyacheslav A. Fisiukov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, v.fisyukov@g.nsu.ru

Abstract. In the second half of the 2000s, mechanisms for the implementation of historical policy are gradually taking shape in Russia. One of its key elements was the development and promotion with the help of administrative resources, despite serious criticism in the academic and pedagogical environment, of a textbook on modern history by A.V. Filippov and A.A. Danilov. V. Filippov and A.A. Danilov. On the basis of the material presented in it, the wording of questions and tasks at the end of paragraphs, and methodological recommendations for teachers on topics about the postwar development of the USSR (1945-1953), the tools for building a protective narrative are identified. The use of critical discourse analysis allowed us to identify specific ways of ideological indoctrination in history teaching for high school students. It is quite natural that semantic constructions that form an anti-Western context are more widely represented in the first chapter describing the post-war confrontation between the USSR and the USA, and to the least extent - in the last chapter, where the everyday life of Soviet citizens is described. At the same time, the final edition of the textbook does not contain any apologetics of Stalin and the domestic and foreign policy pursued from 1945 to 1953, although the latter is presented in binary categories emphasizing the hostility of the West led by the United States. We can rather note the normalization of the interpretations of this period with occasional silence about the "inconvenient past".

Keywords: A.V. Filippov, A.A. Danilov textbook, Stalin, historical policy, critical discourse analysis, externalisation, Karamzin scheme, selective forgetting

For citation Fisiukov V.A. Historical policy of the 2000s in the field of education on the example of interpretations of the Stalinist period in textbook by A.V. Filippov and A.A. Danilov. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):35—43. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-35-43.

Влияние школьного образования на процессы социализации и самоидентификации подрастающих поколений сложно переоценить. Особенное значение в этом контексте приобретают общественные науки, которые призваны в первую очередь воспитывать гражданственность, патриотизм и правовую культуру, — речь идет об обществознании и истории. О способах преподавания истории в рамках одного из самых резонансных учебников и пойдет далее речь. При этом стоит отдельно подчеркнуть, что основное внимание уделялось не столько фактологическим неточностям, сколько ответу на вопрос: *как именно* авторы учебника выстраивали нарратив, какими инструментами они объединяли разные элементы повествования?

Эмпирической базой исследования стали книга для учителя А. В. Филиппова [1], созданный на ее основе учебник по новейшей истории России с 1945 по 2008 г. под редакцией А. А. Данилова [2] и методическое пособие к нему [3]. Вместе они образуют целостный нарратив, позволяющий педагогам определенным образом расставить акценты при изложении материала и тем самым сформировать у учеников как «образ самих себя», так и «образ других народов» [4, с. 6].

Понятие «историческая политика» используется в статье в том смысле, которое ему придал А. И. Миллер: это совокупность методов, предполагающих «использование административных и финансовых ресурсов в сфере

истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [5, с. 19]. К такому он относит формирование специальных институтов, утверждающих интерпретации, отвечающие интересам определенных политических сил, вмешательство в работу СМИ, контроль над архивами, разные формы поощрения лояльных историков и, наконец, разработку и продвижение с использованием административного ресурса конкретного учебника и корректировку образовательных программ в выгодном для правящей элиты свете [5, с. 19]. В российских реалиях 2000-х гг. проявлениями этих механизмов было и формирование специальной Комиссии по противодействиям попыткам фальсификации при президенте Российской Федерации, и предложение С. Шойгу о введении уголовного наказания за «неправильные» трактовки событий Второй мировой войны [6, с. 338], и, например, создание фонда «Историческая память» под руководством одного из ключевых и по сей день акторов российской исторической политики А. Дюкова. Наконец, важным и широко обсуждаемым элементом стал учебник за авторством А. В. Филиппова и А. А. Данилова.

Нарратив его первых четырех параграфов и методических рекомендаций к ним рассматривался с помощью критического дискурс-анализа Т. ван Дейка, причем особое внимание уделялось общему стилю, лексике, семантическим уловкам («Мы не имеем ничего против, но...») [7, с. 99—100, 272—273], частому и последовательному использованию слов и выражений в кавычках для выражения некоторого сомнения и дистанцированности автора по отношению к тому, что он пишет [7, с. 177]. Дискурс-анализ уточнялся одной из предложенных А. Ассман «стратегией вытеснения» памяти о «неудобном прошлом» — экстернализацией, т. е. отрицанием собственной вины и приписыванием ее другому, приобретающей либо наступательные («Это был он!»), либо оборонительные формы («Это был не я, а другие!») [8, с. 184]. Еще одним концептуальным дополнением послужила так называемая карамзинская схема выстраивания школьного нарратива, подробно описанная Н. П. Соколовым. Ее главные характеристики: Россия идет особым путем, постоянно находится в состоянии осажденной крепости, поэтому необходим могущественный правящий центр, способный аккумулировать важные ресурсы для противостояния внешним врагам; права и свободы граждан в таком постоянном противостоянии второстепенны и не идут ни в какое сравнение с потребностью в сохранении единства народа [9].

Наконец, применяемое в статье понятие «государственнический» нарратив в целом соответствует концепции государственной школы, выделенной И. Куриллой в качестве одного из возможных вариантов интерпретаций российской истории (приоритетное внимание к строителям державы, частое умалчивание о преступлениях государства в прошлом и т. д.) [10, с. 18].

Разработка книги для учителя началась еще в 2006 г., когда А. Филиппову и А. Данилову было поручено (с высокой степенью вероятности администрацией президента, откуда же поступили и ориентиры для формирования оценок исторических персоналий [11]) написать новые учебники по истории. В 2007 г. книга вышла в свет и на одной из педагогических конференций была представлена министром образования А. Фурсенко и заместителем главы администрации президента В. Сурковым [6, с. 334]. После этого делегаты отправились на встречу с В. В. Путиным, который тогда же в качестве негативной тенденции обозначил написание многих учебников на зарубежные гранты [12].

Параллельно с обсуждением концепции готовящегося учебника вступают в силу изменения к закону «Об образовании», обязывающие педагогов выбирать учебные пособия лишь из списка, утвержденного Министерством просвещения [13]. В декабре созданный на основе книги для учителя учебник по новейшей истории был допущен к преподаванию и отправлен на апробацию в регионы [13].

Подход авторов к отбору и нарративному оформлению материала подвергся серьезной общественной критике. Отмечался явный антизападный контекст, обозначение государственности как точки отсчета всех интересов страны [14], учебное пособие сравнивалось с «Кратким курсом истории ВКП» [15]. Фактическим подтверждением того, что он был написан по заказу администрации президента стал значительный тираж в 250 тысяч экземпляров, в то время как обычное число копий составляло 10—15 тысяч, и наличие специального параграфа в финальной главе «Курс на суверенную демократию» с описанием установившегося тогда политического режима в концептуальных рамках ключевой идеологии «Единой России» [6, с. 336—337]. Ее автор, член политсовета «Молодой Гвардии» и сотрудник Фонда эффективной политики П. Данилин, отличился наиболее резким ответом на критические замечания: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут и так, как нужно России» [16]. А. В. Филиппов же заявлял, что книга для учителя не является учебником, поэтому ее материал, в том числе полемический, изначально был рассчитан главным образом на преподавателей [14]. Необходимость составления именно такого учебника он объяснил потребностью создания ответа «педагогической русофобии» со стороны «наших соседей» [17].

Далее рассмотрим вступление, первые четыре параграфа пособия А. В. Филиппова, А. А. Данилова и сопутствующие им методические материалы. В первом из них описывается постепенное нарастание конфронтации между СССР и США после войны. На первой же странице говорится, что Советский Союз «вынес на своих плечах основную тяжесть войны», затем описываются его катастрофические потери. Но эти суждения сопровождаются указаниями на США, которые «из всех союзных держав в годы войны пострадали менее всего», а американская экономика только укрепилась, «развивалась успешно» во время отгремевшего мирового конфликта [2, с. 7—8]. То есть совершенно необходимое описание чудовищных потерь СССР в этой войне оба раза «уравновешивалось» гораздо более благополучным положением США, причем эти суждения встречаются не в начале и в конце параграфа, не при подведении промежуточных итогов, а в качестве повторения одной и той же мысли буквально с разрывом в три абзаца.

Любопытно, какие контекстуальные изменения претерпел один довольно важный промежуточный вывод, изначальный вариант которого в книге для учителя звучал следующим образом: «И СССР, и США внесли свой вклад в развязывание „холодной войны“. Однако инициатива все-таки принадлежит США» [1, с. 16]. Такая семантическая конструкция, основанная на противопоставлении, четко расставляет смысловые акценты и превращает союз «однако» в довольно важный элемент нарратива, содержащий даже некоторые элементы наступательной экстернализации. В учебнике эта формулировка была немного сглажена после слов «свой вклад в ее развязывание» [2, с. 13] появилось уточнение «и несут свою долю ответственности», но первоначальная семантическая направленность осталась неизменной.

Для противопоставления СССР наступательной риторике США, в том числе словам Г. Трумэна о том, что победа во Второй мировой войне «поставила американский народ перед необходимостью править миром» [2, с. 7], используется, по сути, та же лексика: «...давление со стороны США привело не к отступлению, а к расширению сферы влияния СССР. „Империя Сталина“ по территории превосходила все евроазиатские державы, даже империю Чингисхана» [2, с. 22]. Методическим дополнением этого тезиса становится специальное задание в пособии для учителя: показать сеть военных баз США и НАТО в Европе 1945—1953 гг. [3, с. 10]

Наконец, несмотря на односторонность трактовок в тексте, задания в конце параграфа предполагают обращение к разным мнениям: например,

предлагается подготовить вопросы к дискуссии «Альтернативы послевоенного развития мирового сообщества» или же самостоятельно решить и сформулировать, кто виновен в развязывании холодной войны (варианты: Запад, СССР, обе стороны). Этот же мотив продолжается в задании составить справочник-энциклопедию с определением «роли каждого исторического деятеля» в послевоенной конфронтации [2, с. 24—25].

В тексте второго параграфа о восстановлении и развитии экономики особенно стоит выделить следующий тезис: «Сыграло роль также использование труда заключенных и военнопленных. Однако эту роль не следует преувеличивать...». Такая семантическая конструкция, вновь включающая противопоставляющее местоимение, привлекла довольно много внимания критиков, ведь подобным образом построенная мысль, во-первых, в довольно неосторожной форме касается важного эпизода трудного прошлого, т. е. событий минувшего, связанных с преступлениями государства, во-вторых, последующее указание на то, что численность заключенных и военнопленных «не превышала 6,4 % от общего числа рабочих и служащих» [2, с. 35], призвано частично нормализовать проблемный исторический момент. Как в одном из прошлых примеров, в книге для учителя этот тезис звучал немного иначе, вначале говорилось: «*Определенную* роль сыграло...», а затем следовало более развернутое пояснение, нежели в учебнике: «...максимальное население ГУЛАГа составляло 2,6 млн человек (в 1950 г.), в то время как общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве в том же году равнялась 40,4 млн человек». При этом некоторые критики отмечали, что в представленные авторами 6,4 % не входили заключенные тюрем и спецпоселений, а число последних в описываемое время превышало количество людей в лагерях [14]. В параграфе в принципе ничего не говорится о спецпоселенцах, лишь размещается фотография с подписью «В землянке „спецконтингента“ на строительстве железной дороги. 40-е гг.» [2, с. 34]. На ней же основывается рекомендуемое учителям задание из методического пособия: составить по этой фотографии рассказ о быте спецпоселенцев [3, с. 16]. То есть довольно односторонний основной нарратив расширяется лишь с помощью дополнительных заданий.

На примере нарратива третьего параграфа о политическом развитии в послевоенные годы особенно заметны исправления в учебнике по сравнению с первоначальным текстом книги для учителя. Так, сравнительной особенностью изложения фрагмента про национальную политику было большое количество слов и выражений в кавычках: целых двенадцать всего на три страницы. И если в большей части случаев это может быть как-то оправдано контекстом, то, например, выражения по типу «народы, „наказанные“» общей ссылкой по подозрению в сотрудничестве с немцами» или же «культурные и научные организации „положенного“ уровня для каждого национального образования» [1, с. 51—53] порождают некоторую двойственность восприятия, содержат никак не оправданную контекстом эмоциональную окрашенность и будто лишают субъектности описываемое явление. Еще одно контекстуальное исправление было сделано, скорее всего, под влиянием общественной критики, так как сразу несколько авторов упомянули следующую формулировку: «СССР (было изменено в учебнике на «Все республики СССР») предоставил безвозмездную помощь Туркмении, пострадавшей в 1948 г. от страшного землетрясения» [2, с. 46]. Вызывало вопросы построение предложения, ведь получалось, что вполне естественная переброска необходимых ресурсов внутри единого государства интерпретировалась как благотворительность со стороны СССР, понимаемого в этом контексте как «Российское государство» [12].

Текст четвертого параграфа, посвященный повседневной жизни советского общества в послевоенные годы, оказался нейтральным — какие-то явные элементы «государственного» нарратива в нем не присут-

ствуют. Напротив, помимо описания быта, отдыха и развлечений граждан говорится об «идеализации советской действительности», прижизненной мифологизации фигуры Сталина. Раскрывается и процесс идеологизации науки и искусства, возврат к антирелигиозной пропаганде [12, с. 55—64]. При анализе этой части текста вспомнилась фраза замминистра образования Исаака Калины, который еще в августе 2007 г. высказался по поводу книги А. В. Филиппова, А. А. Данилова: нужно изучать историю по учебнику, «который написан не в логике милиционера, это оставим науке, а в логике бабушки, которая старается сформировать у моих детей и внуков позитивное отношение к моей семье, даже если в ней были какие-то трудные моменты» [14]. Такой «семейный» подход к пониманию истории, связанный с обращениями к индивидуальной и семейной памяти, встречался и в заданиях других параграфов. Например: найти семейные фотографии периода 1945—1953 гг. и узнать, при каких обстоятельствах они были сделаны [2, с. 14].

Отдельного внимания заслуживает глава «Споры о роли Сталина в истории» из книги для учителя, которая не была включена в последующем в текст учебника. В ней причудливым образом смешивается упомянутая ранее «карамзинская схема» и мотив Сталина как «эффективного менеджера». Так, элементы «карамзинской схемы» проявляются в следующих тезисах: «Власть первого лица государства в России *традиционно* имела всеобъемлющий характер, стягивала все ресурсы и подчиняла себе все политические силы» [1, с. 82]. К этой же области относится замечание насчет повторения в советских реалиях «известной по предшествующим этапам российской истории необходимости выживания и развития в ситуации „осажденной крепости“» [1, с. 85]. То есть А. В. Филиппов даже без каких-то явных изменений транслирует сформулированную еще два столетия назад идею об идущем своим особым путем российском государстве, которое для противодействия внешним врагам вынуждено постоянно концентрировать все ресурсы и, если придется, для защиты целостности народа поступаться правами человека [9].

Мотив Сталина как «эффективного менеджера» содержится в тезисе о существовании «*рациональных* причин использования насилия для обеспечения предельной эффективности правящего слоя» и применении репрессий в первую очередь для достижения «*максимальной эффективности* управленческого аппарата», который и был поэтому их приоритетной жертвой [1, с. 88—90]. Вместе с тем мобилизационная политика Сталина в разной степени сравнивается с действиями Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Отто фон Бисмарка и П. А. Столыпина — выстраивание такого широкого исторического контекста, даже если отбросить факт проведения столь неоднозначных параллелей между совершенно разными деятелями, тоже отчасти способствует нормализации Сталина как политика, помещает его в один ряд с другими государственниками.

При всем этом глава называется «Споры...», т. е. предполагается хотя бы некоторое отражение разных точек зрения на дискуссионную проблему. Но какой-то контраргумент выстроенной до этого позитивной репрезентации Сталина присутствует лишь в самом последнем абзаце, где в общих чертах замечается, что это был период «жесточайшей эксплуатации населения», «волн крупных репрессий», «истребления целых общественных слоев», низкого уровня жизни. Заканчивается же такое краткое перечисление негативных сторон следующим довольно странным резюмирующим замечанием: «Все это не способствовало укреплению нравственного климата в стране» [1, с. 93—94]. Исходя из содержания главы, гораздо вернее обозначить ее не в качестве «споров», а в виде аргументов за нормализацию сталинского периода.

Итак, наибольшее число семантических конструкций, формирующих государственный нарратив и антизападный контекст, представлено в первом параграфе с описанием послевоенной конфронтации СССР и США, при этом последняя часть, описывающая повседневную жизнь советских граждан, практически свободна от таких элементов. Несмотря на односторонность основного текста учебника, задания после параграфа часто предполагают поиск альтернативных точек зрения. При анализе удалось выделить специфические методы построения подобного нарратива: повторение семантически важных конструкций, наложение слов в кавычках, вносящих двойственность в контекст, использование семантических противопоставлений.

Учебник, созданный на основе резонансной книги для учителя, — осторожный, но планомерный шаг на пути к нормализации фигуры И. В. Сталина, его помещения в рамки селективного забвения, т. е. вполне естественного для любого общества фильтра, отсеивающего воспоминания об одних событиях и персоналиях и, наоборот, сохраняющего информацию о других [18, с. 39]. Правда, в этом контексте важная медиаторская функция учебника между профессиональной исторической наукой и образовательным процессом [19, с. 280] едва ли может стать инструментом селективного забвения из-за распространения и укрепления мотивов «карамзинской схемы» в школьных пособиях, их превращения в ключевой элемент исторической политики.

Наконец, стоит специально отметить, что работать пришлось лишь с третьей редакцией учебника — его самую первую версию ни в электронном формате, ни в печатном виде найти не удалось. По крайней мере, НГОНБ и ГПНТБ ей точно не располагают. Поэтому анализ самой первой редакции и сопоставление именно ее с книгой для учителя — отдельная исследовательская задача. Равно как и рассмотрение учебника А. В. Филиппова и А. А. Данилова, но уже по истории России 1900—1945 гг., обсуждение которого спровоцировало новый виток общественной дискуссии.

Список источников

1. Филиппов А. В. Новейшая история России: 1945—2006 гг. : книга для учителя. М., 2007. 494 с.
2. История России, 1945—2008 гг. 11 класс / под ред. А. А. Данилова. М., 2009. 368 с.
3. Данилов А. А. История России: 1945—2008 гг. : метод. пособие. М., 2008. 176 с.
4. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / [перевод с фр. Е. И. Лебедевой]. М. : Книжный Клуб 36,6, 2010. 480 с.
5. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в 21 веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7—60.
6. Миллер А. И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в 21 веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 328—367.
7. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
9. Соколов Н. Век сурка, или Краткая история коловращения российских учебников истории // ПОЛИТ.РУ. 2008. 15 окт. URL: <https://polit.ru/article/2008/10/15/history/> (дата обращения: 30.11.2022).
10. Курилла И. И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. М. : Альпина Паблишер, 2021. 232 с.
11. Качуровская А. Исторический припадок // Коммерсантъ Власть. 2007. 16 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/782464> (дата обращения: 18.12.2022).
12. Шульга Т. Какая история нужна современной России? Обзор учебников и пособий по новейшей истории России // РУССКИЙ ВОПРОС. 2009. Вып. 2. URL: http://www.russkiivopros.com/ruskii_vopros.php?pag=one&id=279&kat=6&csl=42 (дата обращения: 07.12.2022).

13. Минобрнауки допустило скандальный учебник по истории России на обкатку в регионы // RuFox. 2007. 26 дек. URL: <https://news.rufox.ru/texts/2007/12/26/33242.htm> (дата обращения: 30.11.2022).
14. Сендеров В. Тяжба о цене катастрофы // Знамя. 2008. № 11. С. 164—174. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3741> (дата обращения: 30.11.2022).
15. Кашин О. В поисках «Краткого курса» // Независимая газета. 2007. 3 июля. URL: https://nvo.ng.ru/ng_politics/2007-07-03/9_kurs.html (дата обращения: 22.11.2022).
16. Академические дразги // LIVEJOURNAL. 2007. 25 июня. URL: <https://leteha.livejournal.com/502209.html> (дата обращения: 07.12.2022).
17. Таратута Ю. Суверенную демократию будут изучать в школе // Коммерсантъ. 2007. 27 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/840253> (дата обращения: 30.11.2022).
18. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
19. Огоновская И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. Вып. 12. С. 264—286.

References

1. Filippov A.V. Noveishaya istoriya Rossii: 1945—2006 gg. [Modern history of Russia: 1945—2006], kniga dlya uchitelya. Moscow, 2007. 494 p.
2. Istoriya Rossii, 1945—2008 gg. 11 klass [History of Russia, 1945—2008. Grade 11], A.A. Danilova (ed.). Moscow, 2009, 368 p.
3. Danilov A.A. Istoriya Rossii: 1945—2008 gg. [History of Russia: 1945—2008], metodicheskoe posobie. Moscow, 2008, 176 p.
4. Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira [How history is told to children around the world]. Moscow, Knizhnyi Klub 36.6, 2010, 480 p.
5. Miller A.I. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [Istoricheskaya politika v 21 veke]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 7—60.
6. Miller A.I. Istoricheskaya politika v Rossii: novyi povorot? [Historical policy in Russia: a new turn?], Istoricheskaya politika v 21 veke [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 328—367.
7. Van Deik T.A. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power: Representations of dominance in language and communication]. Moscow, LIBROKOM, 2013, 344 p.
8. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p.
9. Sokolov N. Vek surka, ili Kratkaya istoriya kolovrashcheniya rossiiskikh uchebnikov istorii [The age of the groundhog, or a brief history of the circulation of Russian history textbooks], *POLIT.RU* [POLIT.RU], 2008, 15 okt. Available at: <https://polit.ru/article/2008/10/15/history/> (accessed: 30.11.2022).
10. Kurilla I.I. Bitva za proshloe: kak politika menyaet istoriyu [The battle for the past: how politics is changing history]. Moscow, Al'pina Publisher, 2021, 232 p.
11. Kachurovskaya A. Istoricheskii pripadok [Historical seizure], *Kommersant* "Vlast' [Kommersant Vlast'], 2007, 16 iyulya. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/782464> (accessed: 18.12.2022).
12. Shul'ga T. Kakaya istoriya nuzhna sovremennoi Rossii? Obzor uchebnikov i posobii po noveishei istorii Rossii [What kind of history does modern Russia need? Review of textbooks and manuals on modern Russian history], *RUSKII VOPROS* [THE RUSSIAN QUESTION], 2009, issue 2. Available at: http://www.ruskiivopros.com/ruskii_vopros.php?pag=one&id=279&kat=6&csl=42 (accessed: 07.12.2022).
13. Minobrnauki dopustilo skandal'nyi учебник по истории России на обкатку в регионы [Ministry of Education and Science admits scandalous Russian history textbook for testing in the regions], *RuFox*, 2007, 26 дек. Available at: <https://news.rufox.ru/texts/2007/12/26/33242.htm> (accessed: 30.11.2022).
14. Senderov V. Tyazhba o tsene katastrofy [The price tag of a catastrophe], *Znamya* [Znamya], 2008, no. 11, pp. 164—174. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3741> (accessed: 30.11.2022).
15. Kashin O. V poiskakh «Kratkogo kursa» [In search of the "Short Course", *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya gazeta], 2007, 3 iyulya. Available at: https://nvo.ng.ru/ng_politics/2007-07-03/9_kurs.html (accessed: 22.11.2022).

16. Akademicheskie dryazgi [Academic squabbles], *LIVEJOURNAL*, 2007, 25 iyunya. Available at: <https://leteha.livejournal.com/502209.html> (accessed: 07.12.2022)
17. Taratuta Yu. Suverennuyu demokratiyu budut izuchat' v shkole [Sovereign democracy will be taught in school], *Kommersant* [Kommersant], 2007, 27 dek. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/840253> (accessed: 30.11.2022).
18. Assman A. Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei [Oblivion of history is an obsession with history], ed. B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 552 p.
19. Ogonovskaya I.S. Shkol'nyi учебник otechestvennoi istorii. Uchebnye izdaniya kak istoricheskii istochnik [School textbook of national history. Textbooks as a historical source], *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity], 2011, issue 12, pp. 264—286.

Информация об авторе

Фисюков Вячеслав Александрович — магистрант, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Information about the author

Vyacheslav A. Fisiukov — Master's Student, Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 25.01.2023.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIO-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL PROBLEMS OF MODERN EDUCATION

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 44—53.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):44—53.

Социально-философские и политические проблемы
современного образования

Научная статья
УДК 1+378+327.8
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-44-53

Гуманитарное сотрудничество в сфере высшего образования на постсоветском пространстве: социально-философский аспект

Оксана Александровна Береговая

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, beregovaya-oa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8357-0583>

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому осмыслению проблем гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования на постсоветском пространстве. Автор обращается к широкому кругу источников и философских работ. Гуманитарное сотрудничество представлено в двух ракурсах: как понятие и как явление. При определении термина «гуманитарное сотрудничество» на основе междисциплинарного подхода показаны три аспекта: политико-правовой, социокультурный, антропологический. Как явление, гуманитарное сотрудничество лежит в области российской гуманитарной политики за рубежом. Выявлены ценностные основания гуманитарной политики в сфере образования на постсоветском пространстве. Обосновано, что гуманитарное сотрудничество в сфере высшего образования является мощным инструментом продвижения России за рубежом. Предложен социально-философский подход к изучению и реализации гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: социальная и политическая философия, гуманитарное сотрудничество, постсоветское пространство, высшее образование, русский язык, университет, гуманитарная политика, гуманитарная дипломатия

Для цитирования: Береговая О. А. Гуманитарное сотрудничество в сфере высшего образования на постсоветском пространстве: социально-философский аспект // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 44—53. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-44-53.

Socio-philosophical and political problems of modern education

Original article

Humanitarian cooperation in higher education in the post-soviet space: socio-philosophical aspects

Oksana A. Beregovaya

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, beregovaya-oa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8357-0583>

Abstract. The article is devoted to the socio-philosophical comprehension of the problems of humanitarian cooperation in the sphere of higher education in the post-Soviet space. The author refers to a wide range of sources and philosophical works. Humanitarian cooperation is presented in two perspectives: as a concept and as a phenomenon. When defining the term humanitarian cooperation on the basis of an interdisciplinary approach, three aspects are shown: political-legal, socio-cultural, anthropological. As a phenomenon, humanitarian cooperation lies in the field of Russian humanitarian policy abroad. The value bases of humanitarian policy in the sphere of education in the post-Soviet space are revealed. It is substantiated that humanitarian cooperation in the sphere of higher education is a powerful tool for promoting Russia abroad. The socio-philosophical approach to the study and realization of humanitarian cooperation in the sphere of higher education in the post-Soviet space is proposed.

Keywords: social and political philosophy, humanitarian cooperation, post-Soviet space, higher education, Russian language, university, humanitarian policy, humanitarian diplomacy

For citation: Beregovaya O.A. Humanitarian cooperation in higher education in the post-soviet space: socio-philosophical aspects. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):44—53. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-44-53.

Введение

Стремительные социально-экономические, геополитические и научно-технические трансформации приводят к ускорению интеграции общественных процессов, активизации сотрудничества между странами. Научное осмысление стратегии и тактики такого взаимодействия еще только зарождается, а практически воплощается через деятельность разных организаций. Одной из целей российской гуманитарной политики за рубежом является международное сотрудничество в области образования. Важным и эффективным является привлечение российских вузов к данной деятельности, а современная ситуация диктует необходимость тесного гуманитарного взаимодействия между Россией и постсоветскими государствами.

В научном плане проблема гуманитарного сотрудничества находится в стадии разработки, одноименный термин вошел в оборот в 1990-х гг. применительно к развитию связей на постсоветском пространстве. Общие вопросы гуманитарного сотрудничества, толкования термина, его правовые аспекты отражены в работах А. А. Великой, Е. С. Громогласовой, Д. М. Ковбы, В. В. Комлевой, К. Г. Муратшиной, К. М. Табаринцевой-Романовой и др. Е. А. Великая проанализировала политический аспект гуманитарного сотрудничества с точки зрения западного и отечественного подходов [1]. Е. С. Громогласовой предложен системный подход к анализу проблем гуманитарного сотрудничества [2]. В. В. Комлева обращает внимание на то, что международное гуманитарное сотрудничество — это транснациональный процесс, предполагающий «взаимную координацию политик и действий для достижения взаимных выгод» [3]. Д. М. Ковба приводит аргументы по поводу мозаичности и размытости понятий гуманитарного дискурса [4]. К. Г. Муратшина содержательно систематизи-

ровала дискурс в области гуманитарного сотрудничества [5]. К. М. Табаринцева-Романова предложила свою классификацию зарубежных подходов к изучению и реализации гуманитарного сотрудничества на международной арене. Ею рассматриваются универсальный, региональный, этатистский подходы [6].

Нередко понятие гуманитарного сотрудничества связывают с понятиями «мягкой силы» и гуманитарной дипломатии. Коллективом авторов из МГИМО и МИД России в монографии представлена концепция полицентризации гуманитарной дипломатии и специфика ее реализации на национальном уровне [7].

Несмотря на наличие публикаций по данной теме, она все еще находится в стадии разработки и требует терминологической ясности. Также есть необходимость анализа форм гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования.

Для исследования проблемы гуманитарного сотрудничества был использован междисциплинарный подход, позволяющий в рамках социально-философского знания совместить разные аспекты рассмотрения термина и явления с позиции политологии, социологии, антропологии, международного права.

Цель статьи — рассмотреть социально-философский аспект гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования на постсоветском пространстве. В задачи входит: раскрытие термина «гуманитарное сотрудничество» на основе междисциплинарного подхода в рамках социальной философии; определение ценностных оснований гуманитарной политики Российской Федерации и выявление перспективных форм гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования на постсоветском пространстве.

Понятие «гуманитарное сотрудничество» в социально-философском контексте

Понимание гуманитарного сотрудничества восходит к идеям современного гуманизма, гуманистического освоения мира. О необходимости гуманности, гармонии человеческих взаимоотношений, предотвращения насилия писали многие современные мыслители и деятели: В. И. Вернадский, М. Ганди, С. Радхакришнан, А. Печчеи и др. В. И. Вернадский полагал, что «жизнь человечества, при всей ее разнородности, стала неделимой, единой» [8]. А. Печчеи, один из основателей Римского клуба, анализируя проблемы мирового сообщества, призывал человечество к гармонизации жизни. Он предложил идеи «нового гуманизма», выраженные в принципах глобальности, справедливости и отвращении к насилию [9]. М. Ганди был не только приверженцем идей морального совершенствования человечества как духовного и целостного, но и деятелем, выступавшим против проявлений насилия, милитаризма как показателей бездуховности. На первое место он ставил интересы международного сообщества, принципы справедливости и мира на планете [10]. С. Радхакришнан представил современный ему мир XX в. как единый организм, функционирующий в самых различных областях: науке, технике, экономике, сферах права, управления и администрирования. Но подлинное изменение людей невозможно без изменения их сознания, создания нового человека [11, р. 7].

Изменчивость и неопределенность современной геополитической ситуации отражает тот факт, что в международном научном дискурсе нет единого универсально сформулированного понятия «гуманитарное сотрудничество».

В основном в литературе рассматриваются два подхода — зарубежный и отечественный. Е. А. Великая, Д. В. Ковба, К. Г. Муратшина и др. считают, что в западном научном дискурсе гуманитарное сотрудничество рассматривается как помощь в кризисных, конфликтных и постконфликтных ситуациях, а в российском — приоритет отдается общественной и публичной дипломатиям, взаимодействию в спорте, науке, образовании, культуре

и т. д. Авторы дипломатического словаря объединяют оба подхода и дают такое определение: «Гуманитарное сотрудничество — одно из ключевых направлений современной системы международных отношений, имеющее целью противодействие насилию и нарушению прав человека, оказание помощи в чрезвычайных ситуациях» [12, с. 83]. А. В. Пентегова при анализе концепта гуманитарного сотрудничества в системе международных отношений связывает его с «мягкой силой» и отмечает его роль как ресурса внешней политики [13]. К сказанному необходимо добавить, что «в более широком смысле понятие гуманитарного сотрудничества охватывает сферу культурных связей, межкультурный и социокультурный диалог» [12, с. 83], а также подразумевает отношения с соотечественниками за рубежом.

А. А. Великая утверждает, что ученые постсоветского пространства используют термин «гуманитарное сотрудничество» как дополненную и расширенную трактовку сферы публичной дипломатии [14, с. 70]. К. М. Табаринцева-Романова объединяет под термином «гуманитарное сотрудничество» русскоязычное и англоязычное понятия «гуманитарная дипломатия» [6, с. 69].

Термины «народная дипломатия», «общественная дипломатия», «публичная дипломатия» в различных источниках зачастую взаимозаменяемы [15, с. 9]. Основанием для этого служит затруднение перевода термина с одного языка на другой. В английском языке существует только *public diplomacy*. Исследователь Х. Тач определяет публичную дипломатию как «процесс общения правительства с иностранными обществами с целью добиться понимания у них своих национальных идей и идеалов, институтов и культуры, а также национальных целей и политики» [16, р. 3]. Узкоспециализированными понятиями являются «культурная дипломатия», «спортивная дипломатия», «экономическая дипломатия», «гуманитарная дипломатия» и т. п., которые ориентированы на определенные сферы деятельности публичной дипломатии.

В энциклопедии «Гражданская защита» отмечается, что международное гуманитарное сотрудничество «базируется на постоянно осуществляемой гуманитарной дипломатии как отрасли международного права и международных отношений, в центре интересов которых стоит модель устойчивого развития общества» [17, с. 189]. В зарубежном дискурсе гуманитарное сотрудничество в международных отношениях связывают с понятием «мягкой силы» [18], что и позволяет связывать его с какой-либо «отраслевой» дипломатией.

В. В. Комлева придерживается мнения, что понятие международного гуманитарного сотрудничества исходит из сути самого понятия «сотрудничество», «гуманитарная сфера», «международное» и с учетом накопленного опыта предлагает определять международное гуманитарное сотрудничество как «взаимную координацию политик и стратегий участников сотрудничества в сфере духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности путем регулирования участниками сотрудничества своих решений и действий в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями, интересами и выгодами друг друга» [3, с. 58].

Ключевой категорией является «деятельность». Рассмотрение того или иного явления с точки зрения деятельности предполагает его понимание с позиции целенаправленного активного преобразующего отношения человека к миру, обусловленного общественными и культурными условиями его существования. В связи с этим, опираясь на определение В. В. Комлевой, можно выделить три аспекта рассмотрения гуманитарного сотрудничества как деятельности: политико-правовой, социокультурный и антропологический. *Политико-правовой аспект* международного гуманитарного сотрудничества связан с пониманием данного термина в ракурсе гуманитарной политики. *Социокультурный аспект* международного гуманитарно-

го сотрудничества связан со сферами культурной, спортивной, образовательной и др. деятельности. *Антропологический* аспект международного гуманитарного сотрудничества напрямую связан с ролью человека в системе международных отношений.

Гуманитарное сотрудничество в сфере высшего образования на постсоветском пространстве

Рассмотрим гуманитарное сотрудничество как явление в трех ракурсах: политико-правовом, социокультурном и антропологическом.

Рассматривая политико-правовой аспект явления, обратимся к гуманитарной политике. Согласно ст. 105 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании», «международное сотрудничество в сфере образования осуществляется в следующих целях: 1) расширения возможностей граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства для получения доступа к образованию; 2) координации взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями по развитию образования; 3) совершенствование международных и внутригосударственных механизмов развития образования».

Термин «гуманитарное сотрудничество» представлен в актуальных программных документах внешней политики Российской Федерации. В основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (утверждены Президентом России 18 декабря 2010 г.), Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (утверждена Указом Президента России от 5 сентября 2022 г. № 611), Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента России от 31 марта 2023 г. № 229) говорится о значении международного гуманитарного сотрудничества для усиления роли страны на международной арене, поддержания ее позитивного образа, повышения взаимопонимания и укрепления доверия между государствами.

Распад СССР привел к распаду «гуманитарного пространства», нарушению связей. Гуманитарная политика Российской Федерации в сфере высшего образования на постсоветском пространстве выстраивается на основе разных внешнеполитических документов: Соглашения о гуманитарном сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств (подписано 26 августа 2005 г. в Казани), в котором одной из приоритетных сфер сотрудничества было названо образование; Декларации о гуманитарном сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств (принята 8 мая 2005 г. в Москве), где было подтверждено намерение сотрудничать в разных областях, в том числе и в образовании. Активными акторами на постсоветском пространстве выступают Россотрудничество, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, которые способствуют расширению сотрудничества в сфере высшего образования.

В условиях растущей глобальной конкуренции между университетами Россия занимает шестое место в мире по численности иностранных студентов [19]. На постсоветском пространстве российское высшее образование является самым востребованным среди абитуриентов Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и других бывших союзных республик. Гуманитарные вызовы и проблемы демонстрируют важность упрочения таких связей, давно исторически сложившихся, продолжающих работать, объединяя людей. Основным связующим звеном здесь выступают русский язык и культура.

В соответствии с Концепцией государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утверждена Указом Президента России 3 ноября 2015 г.) осуществляется организация летних школ для учителей

русского языка и литературы из-за рубежа; поддержка экспорта российских образовательных услуг; создание культурных центров русского языка за рубежом; стимулирование интереса к изучению русского языка; проведение дней русской культуры и недели русского языка за рубежом; создание совместных русскоязычных образовательных программ; открытие филиалов российских образовательных учреждений за рубежом; формирование единого зарубежного русскоязычного информационного пространства и др.

На современном этапе Россотрудничество осуществляет свою деятельность по следующим направлениям: поддержка и распространение русского языка в мире, продвижение российской науки, культуры и образования за рубежом, работа с соотечественниками, реализация мероприятий в сфере содействия международному развитию и народной дипломатии. Деятельность Россотрудничества и его заграничных учреждений направлена на реализацию государственной политики международного гуманитарного сотрудничества, содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России. В настоящее время Россотрудничество представлено в 81 стране мира 98 представительствами (74 российских центров науки и культуры (РЦНК) в 62 странах, 24 представителя Агентства в составе посольств в 22 странах).

Социокультурный аспект гуманитарного сотрудничества связан со стратегическим значением для любой страны таких социальных институтов, как культура, наука, образование. Образование формирует человеческий капитал.

Ведущим трендом в образовательной политике стран, отдельных университетов стала интернационализация, включающая разные направления деятельности: от академической мобильности, привлечения студентов из-за рубежа до проведения совместных научных исследований на базе университетов. Одной из целей интернационализации является использование возможностей глобализации для формирования сферы влияния в том или ином регионе. Университеты строят свою политику по привлечению иностранных студентов на основе концепций внешней миграционной политики, геополитических и экономических интересов страны. Открытость мирового образовательного пространства способствует также развитию разных форм публичной дипломатии (воздействие одного государства на общество другого государства) [18], основными инструментами которой становятся «мягкая сила», диалог, сетевое воздействие [20]. Ее цель — развитие плодотворных отношений в области образования между странами, продвижение благоприятного имиджа страны в мире [21]. Растет роль университетов в международной дипломатии. Снижается роль государства в данном процессе. В этой связи высшее образование оказывается напрямую связанным с вопросами национальной безопасности страны [22, с. 76]. Образование теперь рассматривается в качестве стратегического ресурса [23, с. 68] на уровне как отдельной страны или региона в целом, так и всего человечества.

Университеты не только являются проводниками государственной политики в сфере образования, но и сами активно формируют социокультурное пространство вокруг себя. Расширение функций университетов выражается в трансфере знаний, технологий и инноваций, реализации принципа непрерывного образования, активном участии в жизни общества [24]. Их деятельность распространяется на достаточно обширные территории и сообщества [25, с. 18]. Университеты превращаются в глобальные и региональные общественно-культурные центры, выполняя роль генераторов социально-культурных проектов и трансляторов стилей жизни [26, с. 62]. Появились трансграничные акторы в виде университетских партнерств, совместных образовательных проектов, образовательных программ, филиалов российских вузов, совместных университетов.

Между государствами постсоветского пространства существуют давние историко-культурные, хозяйственные, научные связи. Они сформировались в рамках общей советской системы высшего образования. В настоящее время в новой геополитической ситуации стоят задачи не только сохранения подобных связей, но и их упрочения.

Важным инструментом использования ресурса культурно-ценностной привлекательности страны является продвижение вовне национального языка. Язык можно рассматривать в качестве одного из действенных инструментов «мягкой силы». Востребованность и распространенность языка за рубежом является важным показателем авторитета страны и ее влияния в мире. Распространение русского языка за рубежом — это расширение российского присутствия на международной арене. По мнению авторов форсайт-исследования «Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд», «для России крайне важной задачей будет формирование русскоязычного образовательного ареала на основе распространения русского языка и традиционных социально-экономических связей со странами Азии и Кавказа (бывшими республиками Советского Союза). В данных странах будет наблюдаться значительный прирост молодого населения, что сделает для них актуальной трудовую и образовательную миграцию» [25, с. 18]. В настоящее время идет активная работа.

Антропологический аспект гуманитарного сотрудничества в сфере высшего образования на постсоветском пространстве связан с влиянием человеческого фактора в области международных отношений. Это контакты между людьми на свободной основе. Международное сотрудничество является не только делом элиты или государственных деятелей. Одной из задач публичной дипломатии становится привлечение к данной деятельности представителей общественности.

Распад Советского Союза привел не только к ликвидации единого государства, но и к разрушению единого гуманитарного пространства, в результате чего некогда жившие в одной стране народы были разделены межгосударственными границами. В этой ситуации активными акторами гуманитарного сотрудничества становятся люди, а сотрудничество по большей части строится на сложившихся межличностных связях, а также может носить сетевой характер.

По результатам опроса авторов иностранных студентов новосибирских вузов в 2022 г., причинами выбора России для получения высшего образования называются не только его престиж или качество, но и советы родственников, некогда получавших образование в СССР, наличие родственников и друзей в России, знание русского языка. «Именно в этой сфере наибольшее количество нематериально заинтересованных участников, мотивированных к развитию гуманитарных связей вне зависимости от их занятости, места жительства, пола, возраста и других дифференцирующих характеристик», — пишет В. В. Комлева [3, с. 64]. Добавим, что все еще сильны профессиональные и научные связи между преподавателями и учеными, для которых границы не являются преградой.

3 Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что в научном дискурсе не сложилось единого мнения по поводу определения термина «гуманитарное сотрудничество». Считаем, что необходимо рассматривать его в более широком контексте на основе категории «деятельность», цели которой можно представить в трех аспектах: политико-правовом (координация общих стратегий и политик), социокультурном (разнообразие сфер сотрудничества и разных форм публичной дипломатии), антропологическом (связи между отдельными людьми).

Высшее образование становится одним из приоритетных направлений развития международного гуманитарного сотрудничества. Гуманитарное сотрудничество в сфере высшего образования имеет стратегическое значение и в обеспечении национальных интересов страны на международном уровне. Высшее образование становится значительным ресурсом для развития разных форм интеграции на постсоветском пространстве. Гуманитарное сотрудничество в сфере высшего образования является одним из наиболее эффективных средств налаживания контактов и отношений добрососедства, межкультурного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами бывшего СССР.

Список источников

1. Velikaya A. The Russian Approach to Public Diplomacy and Humanitarian Cooperation // *Rising Powers Quarterly*. № 3 (3). 2018. P. 39—61.
2. Громогласова Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М. : ИМЭМО РАН. 2018. 124 с.
3. Комлева В. В. Международное гуманитарное сотрудничество: к вопросу о понимании сущности и определения понятия // *Россия и мир. Диалоги*. 2020 : материалы международной научно-практической конференции (2—3 февр. 2020 г.). М. : Научная библиотека, 2020. С. 56—67.
4. Ковба Д. В. Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ // *Вестник КРСУ*. 2020. Т. 20. № 11. С. 169—174.
5. Муратшина К. Г. Гуманитарное сотрудничество как сфера международных отношений: по материалам анализа дипломатических документов РФ // *Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент УрФУ : материалы междунар. конф.* (26 марта 2020 г.). Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2020. С. 609—613.
6. Табаринцева-Романова К. М. Зонтичная концепция дипломатии в международном дискурсе // *Дипломатическая служба*. 2020. № 3. С. 66—72.
7. *Практика современной гуманитарной дипломатии* / под ред. Д. А. Кузнецова. М. : Эдитус, 2022. 206 с.
8. Вернадский В. И. *Научная мысль как планетное явление* / отв. ред. А. Л. Яншин. М. : Наука, 1991. 271 с.
9. Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. О. В. Захаровой ; общ. ред. и вступит. ст. Д. М. Гвишиани. 2-е изд. М. : Прогресс, 1985. 312 с.
10. Ганди М. К. *Моя жизнь* / коммент. Р. А. Ульяновского. М. : Наука, 1969. 612 с.
11. Radhakrishnan S. *Kalki or the Future of Civilization*. Bombay, 1956. 149 p.
12. *Дипломатический словарь для студентов* / рук. авт. коллектива А. В. Яковенко. М. : Изд-во Дипломатической академии МИД России, 2022. 298 с.
13. Пентегова А. В. Концепт гуманитарного сотрудничества в современной системе международных отношений // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2019. № 4. С. 54—60.
14. Великая А. А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // *Право и управление. XX век*. 2012. № 3 (24). С. 63—72.
15. *Публичная дипломатия: теория и практика* / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. 269, [2] с.
16. Tuch H. N. *Communicating with the world: US public diplomacy overseas*. N. Y. : Palgrave Macmillan, 1990, 224 p.
17. Маланичев Ф. Г. Международное гуманитарное сотрудничество // *Гражданская защита : энциклопедия* : в 4 т. / под общ. ред. С. К. Шойгу; МЧС России. М. : Деловой экспресс, 2007. Т. II : К—О. 548 с.
18. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. 2nd ed. / N. Snow, N. J. Cull (Eds.). N. Y. : Routledge, 2020. 503 p.
19. Павлова А. Иностранцев в российских вузах становится больше // *Российская газета*. 2023. 7 июня.
20. Лебедева М. М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // *Публичная дипломатия: теория и практика* / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 8—20.
21. Питерсон П. М. Дипломатия и образование: меняющийся глобальный ландшафт // *Международное высшее образование*. 2014. Вып. 75. С. 6—7.

22. Береговая О. А. Образование как фактор национальной безопасности России // Развитие территорий. 2015. № 2 (2). С. 76—80.
23. Музыкантский А. И. Образование как стратегический ресурс общества // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2008. № 1. С. 59—68.
24. Балмасова Т. А. «Третья миссия» университета — новый вектор развития? // Высшее образование в России. 2016. № 8—9 (204). С. 48—55.
25. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд: форсайт-исследование — 2030 : аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2012. 182 с.
26. Петрова Г. И., Ершова И. А., Зоткин А. О. Исследовательский университет versus университет классический? // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 59—63.

References

1. Velikaya A. The Russian Approach to Public Diplomacy and Humanitarian Cooperation, *Rising Powers Quarterly*, no. 3 (3), 2018, pp. 39—61.
2. Gromoglasova E.S. Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshe-niyakh: opyt sistemnogo issledovaniya [Humanitarian diplomacy in modern international relations: experience of systemic research]. Moscow, IMEMO RAN. 2018, 124 p.
3. Komleva V.V. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: k voprosu o ponimani i opredeleniya ponyatiya [International humanitarian cooperation: towards an understanding of the essence and definition of the concept], *Rossiia i mir. Dialogi. 2020 [Russia and the World. Dialogues. 2020]*, materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2—3 fevr. 2020 g.). Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2020, p. 56—67.
4. Kovba D.V. Gumanitarnoe izmerenie diplomatii: problema kategorizatsii i analiz [The humanitarian dimension of diplomacy: the problem of categorization and analysis], *Vestnik KRSU [Vestnik KRSU]*, 2020, vol. 20, no. 11, p. 169—174.
5. Muratshina K.G. Gumanitarnoe sotrudnichestvo kak sfera mezhdunarodnykh otnoshenii: po materialam analiza diplomaticheskikh dokumentov RF [Humanitarian cooperation as a sphere of international relations: based on the analysis of diplomatic documents of the Russian Federation], *Gumanitarnoe znanie i iskusstvennyi intellekt: strategii i innovatsii: 4-i molodezhnyi konvent UrFU [Humanitarian knowledge and artificial intelligence: strategies and innovations: 4th youth convention of Ural Federal University]*, materialy mezhdunarodnoi konferentsii (26 marta 2020 g.). Ekaterinburg, Publ. Ural'skogo universiteta, 2020, pp. 609—613.
6. Tabarintseva-Romanova K.M. Zontichnaya kontseptsiya diplomatii v mezhdunarodnom dis-kurse [Umbrella concept of diplomacy in international discourse], *Diplomaticheskaya sluzhba [Diplomatic service]*, 2020, no. 3, pp. 66—72.
7. Kuznetsova D.A. (ed.). Praktika sovremennoi gumanitarnoi diplomatii [The practice of contemporary humanitarian diplomacy]. Moscow, Editus, 2022, 206 p.
8. Vernadskii V.I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon], ed. A.L. Yanshin. Moscow, Nauka, 1991, 271 p.
9. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva [Human qualities], ed. D.M. Gvishiani, ed. 2, Moscow, Progress, 1985, 312 p.
10. Gandi M.K. Moya zhizn' [My life]. Moscow, Nauka, 1969, 612 p.
11. Radhakrishnan S. Kalki or the Future of Civilization. Bombay, 1956. 149 p.
12. Diplomaticheskii slovar' dlya studentov [Diplomatic dictionary for students], ed. A.V. Yakovenko. Moscow, Publ. Diplomaticheskoi akademii MID Rossii, 2022, 298 p.
13. Pentegova A.V. Kontsept gumanitarnogo sotrudnichestva v sovremennoi sisteme mezh-dunarodnykh otnoshenii [The concept of humanitarian cooperation in the modern system of international relations], *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Zabaikalsky State University]*. 2019, no. 4, pp. 54—60.
14. Velikaya A.A. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: politicheskie aspekty otechestvennykh i zapadnykh podkhodov [International humanitarian cooperation: political aspects of domestic and Western approaches], *Pravo i upravlenie. XX vek [Law and governance. Twentieth century]*, 2012, no. 3 (24), pp. 63—72.
15. Lebedeva M.M. (ed.). Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika [Public diplomacy: theory and practice]. Moscow, Aspekt Press, 2017, 269 p.
16. Tuch H.N. Communicating with the world: US public diplomacy overseas. New York, Palgrave Macmillan, 1990, 224 p.
17. Malanichev F.G. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo [International humanitarian cooperation], *Grazhdanskaya zashchita [Civil protection]*, entsiklopediya: v 4 vol., ed. S.K. Shoigu ; MChS Rossii. Moscow, Delovoi ekspress, 2007, vol. II: K—O, 548 p.

18. Routledge Handbook of Public Diplomacy, 2 ed., N. Snow, N.J. Cull (Eds.). New York, Routledge, 2020. 503 p.
19. Pavlova A. Inostrantsev v rossiiskikh vuzakh stanovitsya bol'she [There are more foreigners in Russian universities], *Rossiiskaya gazeta [Rossiiskaya Gazeta]*, 2023, 7 iyunya.
20. Lebedeva M.M. Publichnaya diplomatiya: ischeznovenie ili novye gorizonty? Public diplomacy: extinction or new horizons?, *Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika [Public diplomacy: theory and practice]*, ed. M.M. Lebedevoi, Moscow, Aspekt Press, 2017, pp. 8—20.
21. Piterson P.M. Diplomatiya i obrazovanie: menyayushchiysya global'nyi landshaft [Diplomacy and education: the changing global landscape], *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie [International higher education]*, 2014, issue 75, pp. 6—7.
22. Beregovaya O.A. Obrazovanie kak faktor natsional'noi bezopasnosti Rossii [Education as a factor of Russia's national security], *Razvitiye territorii [Territory Development]*, 2015, no. 2 (2), pp. 76—80.
23. Muzykantskii A.I. Obrazovanie kak strategicheskii resurs obshchestva [Education as a strategic resource for society], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 20 Pedagogicheskoe obrazovanie [Vestnik of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education]*, 2008, no. 1, pp. 59—68.
24. Balmasova T.A. «Tret'ya missiya» universiteta — novyi vektor razvitiya? ["Third mission" of the university — a new vector of development?], *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2016, no. 8—9 (204), pp. 48—55.
25. Efimova V.S. (ed.). Budushchee vysshei shkoly v Rossii: ekspertnyi vzglyad: forsait-issledovanie — 2030 [The future of higher education in Russia: expert view: foresight research — 2030], analiticheskii doklad, Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2012, 182 p.
26. Petrova G.I., Ershova I.A., Zotkin A.O. Issledovatel'skii universitet versus universitet klassicheskii? [A research university versus a classical university?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Tomsk State University]*, 2014, no. 386, no. 59—63.

Информация об авторе

Береговая Оксана Александровна — доктор философских наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Information about the author

Oksana A. Beregovaya — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 21.03.2023.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 54—63.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):54—63.

Социально-философские и политические проблемы современного образования

Научная статья
УДК 101.1:316
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-54-63

Проблема образовательного неравенства: опыт современной России

Екатерина Александровна Гордейчик

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация, Ekaterina_nsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7794-5198>

Аннотация. За последние 20 лет образовательная система России прошла через ряд реформ, серьезно ее изменивших. Новые государственные стандарты и формы аттестации выпускников ставят целью создание равных возможностей доступа к образованию для учащихся и обеспечение его стабильно высокого уровня. Достижение этих целей должно было позволить российским специалистам на равных конкурировать с зарубежными коллегами на мировом рынке труда, а России — занять более успешную позицию в мировой системе разделения труда. Однако практика показывает, что проблема неравенства в образовании, для искоренения которой и проводились реформы, вышла на новый уровень. Автор, используя миросистемный подход в сочетании с идеями критической педагогики, анализирует проблемы заимствования и внедрения успешных образовательных образцов в российскую образовательную систему, а также факторы ограничения доступа малообеспеченных россиян к полноценному образованию в современной России.

Ключевые слова: миросистема, образование, система, сравнительное образование, неравенство, неравенство в образовании, критическая педагогика

Для цитирования: Гордейчик Е. А. Проблема образовательного неравенства: опыт современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 54—63. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-54-63.

Socio-philosophical and political problems of modern education

Original article

The problem of educational inequality: experience of modern Russia

Ekaterina A. Gordeychik

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, Ekaterina_nsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7794-5198>

Abstract. Over the past 20 years, the Russian educational system has gone through a series of reforms that have seriously changed it. New state standards and forms of certification of graduates aim to create equal opportunities of access to education for students and ensure its stable high level. Achieving these goals, it was supposed to allow Russian specialists to compete on an equal footing with their foreign colleagues in the global labor market, and for Russia to take a more successful position in the world system of division of labor. However, this practice shows that the problem of inequality in education, which the reforms were designed to eradicate, has reached a new level. The author, using a

world-system approach combined with the ideas of critical pedagogy, analyzes the problems of borrowing and implementing successful educational models in the Russian educational system, as well as the factors limiting the access of low-income Russians to full-fledged education in modern Russia.

Keywords: world-system, education, system, comparative education, inequality, inequality in education, critical pedagogy

For citation: Gordeychik E.A. The problem of educational inequality: experience of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):54—63. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-54-63.

Введение

Вопросы развития образования постоянно находятся в фокусе внимания правительства страны. Систематически реализуются проекты по повышению качества образования, уровня его доступности, внедрению инновационных методик и технологий. Внедрены в практику и уже апробированы системы национального (ВПР, ГИА) и международного (PIRLS, TIMSS, PISA) тестирования для выявления качества знаний учащихся на всех уровнях.

На протяжении последних двух десятилетий была серьезно изменена система государственной итоговой аттестации выпускников 9 и 11-х классов (ГИА). Введение новой системы обосновывалось потребностью в создании равных для всех возможностей доступа к обучению в ведущих образовательных учреждениях страны, повышении конкурентоспособности выпускников из провинции. Главной же задачей введения системы основного государственного экзамена (ОГЭ) и единого государственного экзамена (ЕГЭ) с ее равными условиями, правилами подготовки и проведения, системами банков заданий и контрольно-измерительных материалов (КИМ) было создание нового социального лифта для молодежи с одинаковыми условиями доступа к нему. Однако прошедшее десятилетие показывает, что задача решена не была. Более того, проблема неравенства в образовании, для искоренения которого и проводились реформы, вышла на новый уровень и создала новые трудности, с которыми общество на данный момент работать не готово.

Неравенство в образовании взаимосвязано с целым спектром проблем российского общества. В каждом временном периоде они имеют свои особенности и напрямую зависят от положения государства в мировой системе разделения труда. После распада СССР российская система образования оказалась в крайне сложном положении, будучи избыточной по отношению к имеющемуся у страны экономическому базису и занимаемому месту в мире. Используя иерархичную систему «ядро — полупериферия — периферия», можно увидеть роль современной России в мировом разделении труда как страны, использующей продукты высокотехнологичного производства стран «ядра» и поставляющей на рынок квалифицированную рабочую силу и природные ресурсы. Растущая зависимость российской экономики от сырьевого сектора в 2000—2010-х гг. привела к периферизации страны и общества. Образование, ранее обслуживавшее потребности многоотраслевой советской экономики, перестало соответствовать экономическому базису. Трансформацию образования можно рассматривать как попытку правительства адаптировать систему к новому базису. Эта адаптация привела к обострению проблемы неравенства в образовании в новой, ранее не характерной для России форме.

Проанализируем ситуацию, сложившуюся в российской системе образования, с позиций миросистемного подхода и ответим на вопрос, каким образом в данных условиях формируется и закрепляется образовательное неравенство.

Материалы и методы

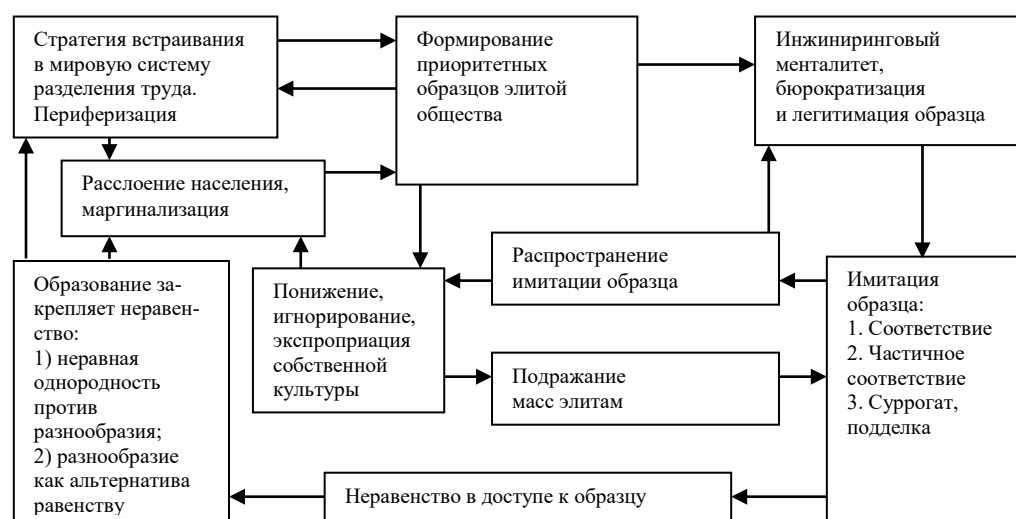
В последние десятилетия XX в. исследователи, работающие в рамках миросистемного подхода, обратили внимание на проблему неравенства в образовании. Работы И. Валлерстайна, Дж. Арриги и С. Амина стали теоретическим основанием нового направления критической педагогики и во многом сформировали миросистемную парадигму в рамках сравнительного образования (Р. Арнов, М. Карной и др.).

Особого внимания заслуживают работы Р. Флэча, одного из ведущих исследователей в рамках критической педагогики. Им была сформулирована идея замкнутого круга неравенства, формирующегося в образовании. Несмотря на принадлежность к направлению критической педагогики, эта идея может быть использована для анализа на основе методов миросистемного подхода с экономоцентрической точки зрения. Ее использование возможно в рамках предложенной С. Амином модели периферизации обществ миросистемы [1].

Основная идея Р. Флэча состоит в том, что в информационном обществе формируется замкнутый круг образовательного неравенства, в котором он выделяет три этапа: различие, имитация и колонизация.

Различия заключаются в том, что знания и доступ к культурным ценностям в обществе распределены неравномерно, более того, элита общества диктует, какие знания и ценности являются приоритетными. Имитация появляется в результате бессознательного подражания масс привилегированным группам в стремлении достигнуть недоступной для масс цели. Колонизация становится результатом двух первых этапов. Знания, которые до социальной трансформации были доминирующими, теперь игнорируются, даже если они в действительности богаче и сложнее, чем те, которые объявлены приоритетными. Группы людей, которые остаются носителями старого знания, маргинализируются. Массовое распространение имитации образца приводит к его обесцениванию, это заставляет элиту прибегать к изобретению или заимствованию новых образцов, что заново включает процессы имитации и колонизации.

Используя идеи неравенства в образовании Р. Арнова, М. Карной, проинтерпретируем с позиции миросистемного подхода идею замкнутого круга Р. Флэча в периферизируемых обществах на примере реформ ГИА в современной России (рисунок).

Реконструкция замкнутого круга неравенства в образовании Р. Флэча с позиции миросистемного подхода
Reconstruction of the closed circle of inequality in education by R. Flach from the position of the world-system approach

Результаты

Стратегия встраивания в мировую систему разделения труда. Периферизация. Используя миросистемный анализ, в первую очередь мы должны обратить внимание на экономические основания. Каким образом формируется неравенство в российском образовании в последние 30 лет? После развала Советского Союза и демонтажа советской экономической системы начинается стремительная периферизация России по отношению к странам «ядра». Это влечет за собой широкое проникновение в страну крупных иностранных инвестиций и формирование на их основе новых рынков, адаптацию имеющихся производственных отраслей, деградацию и распад невостребованных производственных мощностей и, как следствие, изменение потребностей рынка труда.

Доставшаяся в наследство от СССР система образования не соответствовала запросам и возможностям экономики России 1990—2000-х гг., оказавшись избыточной, и потребовала адаптации к новому месту страны в мировом разделении труда. Россия была вынуждена заимствовать образцы систем образования стран «ядра», реализовать их на своей территории исходя из имеющихся экономических ресурсов.

В процессе встраивания российской системы образования в общемировую были отброшены и постепенно утрачены достижения советской образовательной системы. На первый план, как наиболее передовые, были выведены западные образцы. В условиях жесткой ограниченности ресурсов государства и отсутствия подготовки кадров к работе в новых системах российское образование показало значительное отставание внедряемой модели от заимствованных образцов. Это отставание ускорило процесс периферизации страны в системе мирового разделения труда.

Необходимо обратить внимание на то, что процессы встраивания Российской Федерации в систему мирового разделения труда некоторое время не затрагивали систему образования напрямую. Однако в начале 2000-х гг., по мере становления сырьевого экспорта как ведущей отрасли экономики страны, система образования начала претерпевать сильные системные реформы. Государство, во-первых, уже не могло себе позволить содержать существующую систему образования, а во-вторых, перестало нуждаться в выпускаемом вузами количестве специалистов. Одним из способов приведения системы образования в соответствие потребностям экономической системы стала разработка иной формы аттестации выпускников школ. Была разработана и повсеместно введена система единой государственной итоговой аттестации в форме ЕГЭ, что является прямым заимствованием европейского и американского опыта проведения единых государственных экзаменов в виде выпускных тестов. Начавшись в 2004 г. как экспериментальная форма аттестации, в 2009 г. ЕГЭ стал обязательным условием получения аттестата для всех учащихся страны.

Анализ имеющегося опыта подготовки учащихся и сдачи ЕГЭ показывает, что такая форма проведения аттестации резко усиливает проблему неравенства в системе образования. Ориентированные на новейшие образовательные образцы КИМ экзамена далеко не всегда по силам для самостоятельной подготовки и выполнения учащимся обычной средней школы. Это связано с комплексом причин. Во-первых, с отсутствием необходимой материальной базы для проведения полноценных уроков во многих российских школах (особенно по таким предметам, как химия, физика, биология). Во-вторых, с системной перегруженностью учителей обязанностями, не связанными с преподаванием. В-третьих, с постоянными нововведениями, зачастую напрямую не относящимися к содержанию и логике предмета. В комплексе это порождает скрытое неравенство на уровне средней и старшей школы. Наиболее успешными становятся те ученики, родители которых могут оплачивать дополнительные занятия, устроить ребенка

в престижное учебное заведение, обладающее достаточной для успешной подготовки кадровой и материальной базой.

Формирование приоритетных образцов элитой общества. После распада СССР и фактического отказа от советской системы образования приоритетами для новой российской элиты стали образцы образовательных систем стран «ядра». Стали массово заимствоваться европейские и американские модели, которые вначале реализовывались в рамках экспериментальных классов, авторских программ государственных частных школ. В России 1990—2000-х гг. такие заимствования становятся не просто нормой, а элементом принадлежности к «мировому образовательному сообществу». В Новосибирске одним из примеров адаптации и реализации такого заимствования является работа А. С. Потапова при создании экспериментальной школы на базе МБОУ СОШ № 180. На основании американских исследований влияния активности полушарий головного мозга на специфику учебной деятельности А. С. Потаповым была разработана методика обучения, предусматривающая различные варианты обучения детей с учетом определения ведущей деятельности полушария мозга. Похожие методики разрабатывались и были весьма популярны в США 1970-х гг. [2 ; 3] Здесь обнаруживается четкая аналогия с описанными Р. Ф. Арновым заимствованиями образовательных моделей странами Южной Америки [4]. Оба случая можно рассматривать как одну из форм встраивания элит государства в систему отношений с лидерами миросистемы.

Введение ЕГЭ как единственной формы итоговой аттестации и оценивание его результатов как ведущего фактора успешности выпускника привели к формированию вынужденного согласия массы и элит. Формально все выпускники школ страны получили равные возможности и доступ для подготовки и сдачи экзамена, возможность удаленной подачи документов и поступления в любое учебное заведение в стране. На первый взгляд это в корне меняет систему, делая ее более прозрачной и доступной для всех. Однако на этапе внедрения системы начинаются серьезные, зачастую непреодолимые сложности, вызванные спецификой российских геоэкономических условий.

Используя идеи сравнительного образования, высказанные М. Карном, можно интерпретировать реформы системы ГИА в нашей стране как направленные на формальное удовлетворение интересов и потребностей подчиненных групп с целью внедрения элитой собственного мировоззрения как всеобъемлющего, универсального, ведущего к успеху человека в обществе. Это позволит правящему классу удерживать власть при формальной поддержке населения, легитимизирующего своим согласием все действия элит.

Расслоение населения, маргинализация. Результаты внедрения масштабных заимствований образцов образовательных программ оказались неоднозначными. Сокращение ранее реализовывавшихся образовательных программ, адаптация имеющихся учебных программ к новым запросам общества привели к обесцениванию профессии педагога и сильному кадровому голоду. Усугубило ситуацию введение обязательного ЕГЭ и постоянные изменения, вносимые в структуру и содержание экзамена.

На фоне усиливающейся периферизации российского общества массовое заимствование образцов стран «ядра» приводит к усилению разрыва между целями, прописанными в государственных стандартах (ФГОС начального, основного и среднего общего образования), и школьной реальностью. Ученики, формально имеющие одинаковые образовательные права, в реальности не могут их реализовать в равных условиях. Особенно явно это неравенство проявилось в 2019/20 и 2020/21 учебных годах в условиях введения дистанционной формы обучения. Семьи, в которых было несколько учащихся, оказались в сложных условиях в связи с необходимостью обеспе-

чить детей техническими возможностями доступа к урокам в дистанционном формате. Далеко не везде в семьях есть больше одного компьютера/планшета, высокоскоростной доступ в сеть Интернет, необходимые периферические устройства. В рамках одного учебного класса ученики оказались достаточно жестко разделены, хотя формально имели один набор прав. Данная проблема усилилась в условиях пандемии, а также систематически анонсируемых Министерством просвещения Российской Федерации нововведений.

Еще одной проблемой неравенства в системе отечественного образования, на данный момент не имеющей реального решения, является маргинализация профессии педагога. После начала встраивания России в мировую систему разделения труда как самостоятельного субъекта система образования прошла сложный путь адаптации к тому месту, которое заняла страна. И учитель, как один из главных элементов системы, прошел эту адаптацию вместе с ней. С одной стороны, учитель, как движущий элемент процесса обучения, сохранил свою ведущую роль и значимость. Но с другой стороны, получил изменение статуса, превратившись в лицо, оказывающее образовательные услуги. С правовой точки зрения ситуация изменилась только летом 2022 г., после принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“», который исключил термин «образовательная услуга» из Федерального закона об образовании.

Принижение, игнорирование, экспроприация собственной культуры. Внедрение эффективного образца кажется удачным способом для продвижения страны к процветанию, но это не совсем так. Заимствования, сделанные в рамках реформ российской системы образования за последние три десятилетия, вопреки ожиданиям привели не к процветанию, а к постепенной периферизации и деградации российской системы образования.

Слепое заимствование тестовой системы для проведения ЕГЭ привело к фактическому обесцениванию опыта советской педагогики и потере качества образования выпускников средней и старшей школы. Отказ от советского опыта имел главной целью быструю интеграцию России в мировую систему разделения труда как равного субъекта, однако этого не случилось. Россия, потерявшая значительную часть мощности своей экономической системы, оказалась на позиции периферизируемого государства с сырьевой экономикой. Р. Флэча, рассматривая проблему интеграции, очень емко обозначил ее результаты: «Во-первых, это влечет за собой экспроприацию собственной культуры. Во-вторых, эта экспроприация ведет не к полной интеграции в принятую культуру, а к второстепенному в ней положению» [5, р. 69]. Таким образом, заимствование образца государств «ядра» в России привело не к имитации образца с его адаптацией на собственной базе, а к замене имеющейся системы заимствованной. В свою очередь такая замена привела как к внешним переменам (система ЕГЭ), так и к глубинной внутренней перестройке системы образования как базы не только передачи знаний, но и воспитания новых поколений граждан.

Инжиниринговый менталитет, бюрократизация и легитимация образца. На фоне введения ЕГЭ как единственной формы итоговой аттестации выпускников школ претерпела серьезные изменения система контроля над всей системой среднего образования. Начиная с 2009 г., когда ЕГЭ стал обязательным для всех в системе российского образования, идет постоянное увеличение мер контроля и надзора на всех этапах: от приема ребенка в первый класс до выпуска его из школы.

Данный процесс был подробно рассмотрен Р. Флэча и определен как «инжиниринговый менталитет». Основным содержанием термина Р. Флэча определяет менталитет, чьей основной задачей является бюрократизация, руководство методом издания множественных директив и стремление

к максимальному контролю всех происходящих процессов и явлений [5, р. 70]. Применительно к системе образования в России данный термин приходится как нельзя кстати. Постоянное увеличение требуемых отчетов от школ и отдельных учителей, множественные приказы различных ведомств, требующих исполнения в сжатые сроки, приводят к отвлечению учителя от его непосредственной преподавательской деятельности и снижению качества образования. В условиях периферизации российского общества и перехода к восприятию работы учителя как оказывания образовательной услуги системная бюрократизация и тотальный контроль над всеми элементами системы образования легитимизируется как вариант нормы.

Имитация образца. При заимствовании образовательные системы из стран «ядра» претерпевают адаптационную трансформацию для соответствия экономическим и социальным условиям заимствующей страны. Это логично, так как при встраивании страны в мировую систему разделения труда, производства и распределения капитала необходимо актуализировать ее локальные мощности для потребностей глобального рынка. Р. Арнов по этому поводу писал, что «глобальные процессы взаимодействуют с национальными и местными акторами и контекстами, которые подлежат модификации и, в некоторых случаях, трансформации. Это процесс компромиссов, обмена, в ходе которого международные тенденции меняются с учетом местных интересов» [6, р. 14]. Арнов обращает принципиальное внимание на возможность для национальных элит максимально адаптировать заимствованный образец под собственные запросы и контролировать сложившуюся систему через максимальную бюрократизацию.

Реализация заимствованного образца далеко не всегда приводит к запланированным результатам. Это объясняется сочетанием множества факторов: от выделяемых государством ресурсов до особенностей территориальной доступности страны.

При анализе системы образования России, в частности внедрения ЕГЭ, представляется возможным использовать предложенную Р. Флэтча градацию имитации образца для периферизируемых обществ: полное соответствие образцу, частичное соответствие образцу, суррогат. Если взять за основу заимствование американской и европейской моделей образования и формы аттестации выпускников, то система ЕГЭ, внедренная в России, может быть оценена как полная имитация образца с выполнением заявленных целей. Действительно, после введения обязательного ЕГЭ серьезно снизился уровень коррупции при приеме в университеты, все ученики страны получили равные возможности при подаче документов в избранные учебные заведения без географической привязки, при подготовке к экзамену из-за открытости банков заданий и критериев их оценивания. Такую картину мы можем увидеть при ознакомлении с отчетами министерства образования и науки и министерства просвещения за последние десятилетия. Однако за этими отчетами стоит гораздо более сложная картина, отражающая проблему реального неравенства в образовании при внедрении образца. Р. Арнов, анализируя аналогичный опыт внедрения образцов в Новой Зеландии, заключает, что «многие образовательные реформы последнего десятилетия, возможно, слишком мало способствовали преодолению существующего неравенства, и общим результатом неолиберальной экономической политики стало увеличение разрыва между самыми богатыми и самыми бедными в регионе» [7, р. 132]. Внедрение ЕГЭ, согласно логике Арнова, привело к большей поляризации позиций учащихся, формально имеющих одинаковые права и уровень доступа к системе образования. Как показывает практика, это действительно так, потому что уровень доступа к качественной подготовке к экзамену для учащихся напрямую зависит от того, в каком образовательном учреждении обучался тот или иной выпускник, насколько его родители способны оплачивать услуги репетиторов или

курсы подготовки. И отсюда возникла проблема не только неравенства в положении учащихся, но и вопрос полноценной реализации образца на российской почве.

Проблема неравенства порождает проблему невозможности полной имитации образца, в лучшем случае процесс обучения сводится к частичной реализации. В этом случае учащиеся получают знания не в рамках полноценной школьной программы, а в рамках, определенных кодификатором тем экзамена. Особенно ярко это проявляется при анализе экзаменационных материалов и кодификатора тем по обществознанию. Часть тем, не включенных в кодификатор, но присутствующих в профильной рабочей программе по предмету, зачастую просто пропускается учителями-предметниками как способ сэкономить время и потратить его на отработку заданий из открытого банка Федерального института педагогических измерений (ФИПИ). И, как сказано выше, — это в лучшем случае.

Зачастую вместо полной или частичной реализации образца современная школа предлагает учащимся его суррогат. Главной его чертой является открытое «натаскивание» выпускников на решение заданий по предмету с параллельным изучением материала, включенного в темы кодификатора. Это сильно снижает качество образования, получаемого учениками средне-статистической школы, и усугубляет проблему неравенства в системе российского образования.

Распространение имитации образца. Неравенство в доступе к образцу. Распространение заимствованного образца системы образования в российских реалиях происходит сверху путем масштабного реформирования. Фактически начиная с 2004 г. произошла замена системы аттестации выпускников и полное изменение образовательных стандартов.

Внедрение образца привело к серьезным последствиям как для самой системы образования, так и для окружающей ее действительности. Адаптация к отечественным реалиям породила появление нового профессионального явления в педагогическом сообществе. Учащиеся, которым требуется персональная профессиональная помощь, сформировали социально-экономический запрос, на который педагогическое сообщество отреагировало, сформировав прослойку профессиональных репетиторов. Если еще два десятилетия назад репетиторство как явление имело эпизодический характер, то сейчас оно стало массовым. Более того, в России последнего десятилетия сформировался отдельный сектор платных образовательных услуг, специализирующийся именно на подготовке выпускников к ЕГЭ (школы подготовки к экзаменам, платные курсы при университетах, площадки по продаже образовательных услуг индивидуальных специалистов).

Данное явление усугубило неравенство среди учащихся. Имея формально равные права и предоставляемые возможности в доступе к образцу, ученики находятся в неравных позициях при выходе на экзамен. Те из них, чье материальное положение позволяет оплачивать услуги по дополнительной подготовке к сдаче экзамена, находятся в заведомо более выигрышном положении.

Р. Арнов, анализируя данную проблему для стран Латинской Америки, критически замечает в адрес различных авторов, систематически обосновывающих расширение доступа к начальному образованию до почти всеобщего охвата соответствующей возрастной группы, что доступ к уровням образования, которые наиболее важны для социальной мобильности и выхода в современные и конкурентоспособные сектора все более глобализированной экономики, остаются привилегированным резервом элит [7, р. 132].

Подражание масс элитам. Закрепление неравенства. Заимствование западной системы образования и масштабное ее внедрение в России спровоцировало несколько очень значимых процессов. Р. Арнов и его единомышленники подробно рассматривают их применительно к странам Южной

Америки. Однако идеи, высказанные в этих исследованиях, легко применимы к российской ситуации.

В результате реформирования системы образования в России с целью более успешного встраивания выпускников в рынок труда наблюдаются два взаимоусиливающих друг друга процесса. Первый процесс заключается в подражании региональных университетов как ведущим российским, так и зарубежным. Это проявляется в попытках реализации программ, уже апробированных и отработанных в отдельных вузах Москвы, на местной базе. В частности, ННИГУ и НГУЭиУ активно пытаются реализовывать программы, отработанные в НИУ ВШЭ. Однако, как показывает практика и анализ результатов выпускников, на базе региональных университетов происходит грубая имитация образца, являющаяся неполной, прежде всего из-за ограниченности финансирования. Это влечет за собой второй процесс. В результате таких заимствований и неполной имитации заимствованного образа углубляется неравенство в уровне образования выпускников региональных и столичных университетов.

Понимая это, многие наиболее успешные выпускники из провинции стремятся не к глубокому изучению школьной программы, а к максимально высоким баллам ЕГЭ, уделяя основное внимание в 10—11-х классах не столько учебе, сколько подготовке к сдаче конкретного предмета, что ведет к непоправимому ущербу качеству получаемого ими школьного образования. Такие ученики, получив максимальные баллы, предсказуемо уезжают учиться или за границу, или в ведущие университеты Москвы и Санкт-Петербурга. Это наносит очередной удар по качеству образования тех, кто остался в регионах, и приводит к внутренней периферизации и закреплению системного неравенства в образовании.

3 заключение

Проведенный анализ, несомненно, требует дальнейших уточнений, углубления и эмпирической проверки. Материалом для проверки могут послужить результаты ГИА-9 и ГИА-11 за последние пять лет, а также анализ результатов экзаменов и подготовки к ним в период пандемии новой коронавирусной инфекции. На основе имеющихся результатов уже сейчас можно поставить ряд острых вопросов, ответы на которые, с одной стороны, могут помочь понять сложившуюся в системе образования ситуацию, а с другой — через обнаружение противоречий и аномалий усилить имеющуюся теоретическую конструкцию с использованием новых экономических данных.

Список источников

1. Amin S. World poverty, pauperization and capital accumulation // *Monthly Review*. 2003. Vol. 55. Issue 5. P. 1—9.
2. *Потапов А. С.* Дифференциация обучения с учетом психофизиологических особенностей восприятия информации : моногр. / под ред. В. М. Монахова. Новосибирск : НИПКиПРО, 2001. 111 с.
3. *Потапов А. С.* Самостоятельная работа в высшей школе как педагогическая проблема : моногр. Новосибирск : НИПКиПРО, 2006. 166 с.
4. *Arnové R. F.* World-systems Analysis and Comparative Education in the Age of Globalization // *International Handbook of Comparative Education* / Eds. Robert Cowen, Andreas M. Kazamias. London, New York : Springer Science, 2009. P. 101—119.
5. *Flecha R.* New Educational Inequalities // *Critical Education in the New Information Age* / Ed. by M. Castells, R. Flecha, P. Freiré, et al. New York : ROWMAN & LITTLEFIELD PUBLISHERS, INC., 1999. P. 65—82.
6. *Arnové R. F.* Introduction: Reframing Comparative Education: The Dialectic of the Global and the Local // *Comparative education. The Dialectic of the Global and the Local* / Ed. by R. F. Arnove, C. A. Torres, S. Franz. Plymouth : Rowman & Littlefield, 2013. P. 7—29.
7. *Arnové R. F.* Book Review. Unequal Schools, Unequal Chances: The Challenges to Equal Opportunity in the Americas / ed. by F. Reimers. Cambridge : Harvard University Press, 2000. 464 p.

References

1. Amin S. World poverty, pauperization and capital accumulation, *Monthly Review*, 2003, vol. 55, issue 5, pp. 1—9.
2. Potapov A.S. Differentsiatsiya obucheniya s uchetom psikhofiziologicheskikh osobennostei vospriyatiya informatsii [Differentiation of training taking into account psychophysiological peculiarities of information perception], monografiya, V.M. Monakhov (ed.). Novosibirsk, NIPKi-PRO, 2001, 111 p.
3. Potapov A.S. Samostoyatel'naya rabota v vysshei shkole kak pedagogicheskaya problema [Independent work in higher education as a pedagogical problem], monografiya. Novosibirsk, NIPKiPRO, 2006, 166 p.
4. Arnove R.F. World-systems Analysis and Comparative Education in the Age of Globalization, *International Handbook of Comparative Education*, eds. Robert Cowen, Andreas M. Kazamias. London, New York, Springer Science, 2009, pp. 101—119.
5. Flecha R. New Educational Inequalities, *Critical Education in the New Information Age*, eds. M. Castells, R. Flecha, P. Freiré, et al. New York, ROWMAN & LITTLEFIELD PUBLISH-ERS, INC., 1999, pp. 65—82.
6. Arnove R. F. Introduction: Reframing Comparative Education: The Dialectic of the Global and the Local, *Comparative education. The Dialectic of the Global and the Local*, ed. by R.F. Arnove, C.A. Torres, S. Franz. Plymouth, Rowman & Littlefield, 2013, pp. 7—29.
7. Arnove R.F. Book Review. Unequal Schools, Unequal Chances: The Challenges to Equal Opportunity in the Americas, ed. by F. Reimers. Cambridge, Harvard University Press, 2000, 464 p.

Информация об авторах

Гордейчик Екатерина Александровна — старший преподаватель кафедры права и философии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Ekaterina_nsk@mail.ru

Information about the authors

Ekaterina A. Gordeychik — Senior Lecturer, Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Ekaterina_nsk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 23.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 30.01.2023.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 64—69.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):64—69.

Социально-философские и политические проблемы современного образования

Научная статья
УДК 378.091(470:575.1)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-64-69

Интеграция зарубежных вузов в образовательное пространство Республики Узбекистан (на примере Российской Федерации)

Ранохон Юсубжановна Турсунова

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан, turrena72@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в Узбекистане наблюдается высокий спрос на получение высшего образования. Для удовлетворения столь высокого спроса руководство страны проводит дополнительные меры по увеличению квот и количества высших учебных заведений. Следует отметить тесное сотрудничество с правительством Российской Федерации, способствующим пополнению рынка образовательных услуг за счет открытия филиалов ведущих российских университетов: РЭА им. Г. В. Плеханова, МГУ им. М. Ломоносова, Российского университета нефти и газа им. И. М. Губкина и др.

В открывающихся филиалах российских вузов ведется подготовка по наиболее востребованным в стране специальностям, при этом компенсируется ее недостаток в отечественных университетах. Открытию филиала российского вуза в Узбекистане предшествует глубокая аналитическая работа с министерствами, ведомствами и ведущими производственными предприятиями-заказчиками, которые предоставляют рабочие места будущим выпускникам вузов.

Ключевые слова: образование, наука, абитуриенты, студенты, квоты, университет, филиал, интеграция

Для цитирования: Турсунова Р. Ю. Интеграция зарубежных вузов в образовательное пространство Республики Узбекистан (на примере Российской Федерации) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 64—69. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-64-69.

Socio-philosophical and political problems of modern education

Original article

Integration of foreign universities into the educational space of the Republic of Uzbekistan (on the example of Russian Federation)

Ranohon Yu. Tursunova

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Republic of Uzbekistan, turrena72@mail.ru

Abstract. Nowadays, there is a high demand for higher education in Uzbekistan. To meet such a high demand, the country's leadership is taking additional measures to increase quotas and the number of higher education institutions. It is worth noting the close cooperation with the government of the Russian Federation, which contributes to the replenishment of the educational services market by opening branches of leading Russian universities.

The branches of the leading universities of the Russian Federation, including Plekhanov Russian Academy of Economics, Lomonosov Moscow State University, Gubkin Russian University of Oil and Gas, etc., were opened.

At the same time, the opening branches of Russian universities provide training in the most in-demand fields in the country, while compensating for the lack of them in domestic universities. The opening of a branch of a Russian university in Uzbekistan is preceded by in-depth analytical work with ministries, agencies and leading industrial enterprises that provide jobs for future graduates of universities.

Keywords: education, science, applicants, students, quotas, university, branch, integration

For citation: Tursunova R.Yu. Integration of foreign universities into the educational space of the Republic of Uzbekistan (on the example of Russian Federation). *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):64—69. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-64-69.

В современном мире важнейшей частью общества, его движущей силой становятся образованные граждане, способные к высокопроизводительному труду, обладающие высокими духовными и моральными качествами. Именно поэтому в XXI в. успехов в развитии смогут добиться те страны, которые избрали своим приоритетом инвестиции в человеческий капитал. Только благодаря интеллектуальному потенциалу общество будет способно преодолевать современные вызовы и решать сложные проблемы [1]. В этой связи актуальными являются вопросы, связанные с системой высшего образования в Республике Узбекистан.

В современном Узбекистане высшее образование — одна из самых быстроразвивающихся сфер. Ведь сильное государство с инновационной экономикой, справедливое гражданское общество, где обеспечиваются все права и интересы человека, невозможно построить без создания внушительного кадрового резерва. Подготовка квалифицированных специалистов, обладающих критическим мышлением и современными знаниями по самым востребованным профессиям, — первостепенная задача, поставленная президентом нашей страны [2].

За годы независимости система высшего образования в нашей республике претерпела значительные изменения, что отразилось на качестве подготовки специалистов, качественные изменения продолжаются. Так, за последние пять лет в три раза увеличены квоты приема в вузы, в итоге общий охват достиг 28 %, в то время как четыре года назад этот показатель составлял всего 9 %. Также увеличено количество государственных грантов с 21 тысячи до 47 тысяч. Второй год подряд девушкам из нуждающихся семей выделяют две тысячи грантов на учебу в вузах [3].

Кроме того, у абитуриентов появилась возможность выбрать пять отечественных вузов для поступления, тогда как раньше был только один, к тому же вступительные экзамены для абитуриентов проводились одновременно по всей стране — 1 августа, и в случае неудачной попытки нужно было ждать целый год, чтобы вновь попытаться стать студентом. В настоящее время абитуриенты могут подать заявления в пять отечественных вузов с одним условием — с одинаковыми блоками сдаваемых предметов. Помимо отечественных вузов абитуриенты имеют возможность поступать параллельно и в зарубежные филиалы, так как и в филиалах зарубежных университетов, и в частных вузах, как правило, вступительные экзамены проходят в даты, отличные от дат вступительных экзаменов в государственные вузы. Некоторые ведут набор два раз в год и чаще, а значит, абитуриент за несколько месяцев может попробовать поступить в целый ряд вузов.

Узбекистан плавно перешел к гибридной форме обучения, включая дневную, заочную, вечернюю и дистанционную. Кроме того, подать документы и зарегистрироваться теперь необходимо в онлайн-режиме, а сдать вступительное тестирование даже при поступлении в столичный вуз можно в своем регионе.

Кардинально меняется ситуация с квотами приема в вузы. До 2017 г. в течение многих лет студентами государственных высших образовательных учреждений становилось чуть более 60 тыс. человек. В этом году с учетом всех доступных форм обучения поступить могут около 111 тыс. человек на бакалавриат и 10 тыс. 688 человек в магистратуру. Десятки тысяч квот предоставляют вузы, получившие в прошлом году академическую и финансовую самостоятельность согласно постановлениям президента. Теперь они сами, исходя из собственных возможностей, решают, сколько студентов могут принять и на каких условиях. Также начиная с 2022/23 учебного года, выделяется тысяча мест для подготовки кадров на основе государственного гранта в зарубежных университетах и их филиалах, в частных вузах, действующих в стране. Еще две тысячи мест дополнительно выделяются для женщин, не имеющих высшего образования и получивших рекомендации Государственного комитета семьи и женщин. Есть и другие дополнительные квоты. В итоге, по статистике Министерства высшего и среднего специального образования, прием в вузы республики в 2022/23 учебном году составил более 200 тыс. человек [2].

Самое главное изменение — это увеличение количества вузов в стране, их стало 170 (для сравнения: в 2016 г. их было 77). Число филиалов зарубежных университетов возросло с семи до 31. Идет активное развитие негосударственного сектора в высшем образовании, в республике уже действует 27 частных вузов, 6 лет назад не было ни одного.

В Узбекистане создана отвечающая современным международным стандартам двухступенчатая система высшего образования, включающая бакалавриат и магистратуру. Программы, по которым ведется преподавание в вузах республики, разрабатываются и регулируются компетентным государственным органом — Министерством высшего и среднего специального образования.

Особое внимание заслуживает деятельность зарубежных вузов. Как было указано выше, количество филиалов зарубежных вузов в стране выросло с семи до 31. На рынок высшего образования Узбекистана пришли престижные университеты Российской Федерации, США, Великобритании, Республики Корея, Турции, Италии, Японии, Белоруссии и других государств. Счет совместных образовательных программ «двойных дипломов» идет на сотни [2].

Особую роль в интеграции в образовательное пространство играют открывшие в Узбекистане филиалы ведущие вузы России, среди которых Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова, Московский государственный университет (МГУ) им. М. Ломоносова, Российский университет нефти и газа им. И. М. Губкина, Национальный исследовательский университет «МЭИ». На сегодняшний день на образовательный рынок Узбекистана пришли такие флагманы высшей школы России, как Московский государственный институт международных отношений, Университет науки и технологий МИСИС, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Всероссийский государственный университет кинематографии и многие другие. В текущем году открылись филиалы Санкт-Петербургского государственного университета, Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. Пирогова, Казанского федерального университета.

Филиалы зарубежных вузов открывают прием студентов именно на те направления подготовки, которые наиболее востребованы в Узбекистане, но недостаточно представлены в отечественных университетах. Для этого ведется совместная работа с министерствами, ведомствами и ведущими производственными предприятиями. К примеру, открывшийся в прошлом году в Ташкенте филиал Российского государственного педагогического

университета имени А. Герцена сразу начал готовить кадры по заказу Министерства дошкольного образования [2].

В 2018 и 2021 гг. проведены I и II Российско-Узбекский образовательные форумы. В мероприятиях приняли участие сотни ректоров, проректоров и профессоров ведущих университетов двух стран. В ноябре 2021 г., выступая на II форуме, ректор МГУ, глава Российского союза ректоров Виктор Садовничий рассказал о реализации 63 дорожных карт научно-образовательного партнерства Узбекистана и Российской Федерации. Он подчеркнул, что 115 университетов наших стран реализуют 240 соглашений о сотрудничестве. На полях второго форума было подписано еще порядка 30 документов [4].

6 октября 2022 г. в Самарканде прошел III Российско-Узбекский образовательный форум «Интеграция образования, производства и науки — драйвер академической эффективности», организованный Российским союзом ректоров, Минобрнауки России, Министерством просвещения России, Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан, Министерством дошкольного образования Республики Узбекистан, Министерством народного образования Республики Узбекистан. В работе форума приняли участие более 300 руководителей научно-образовательных организаций, научно-технологического бизнеса, представителей министерств и ведомств двух стран [5].

В своем выступлении на форуме президент Российского союза ректоров, ректор МГУ Виктор Садовничий отметил: «Связи между университетами России и Узбекистана — убедительный пример того, как наука и образование могут стать локомотивами сотрудничества двух крупных экономик, двух стран, ставящих перед собой масштабные задачи в области технологического развития... Главная задача сегодняшнего дня — поддержание положительной динамики взаимного интереса научно-образовательных систем России и Узбекистана, вывод траектории партнерства на реализацию больших проектов в интересах обоих государств» [5].

Хотелось бы более подробно остановиться на деятельности филиала МГУ им. М. Ломоносова в городе Ташкенте. МГУ им. М. В. Ломоносова возглавляет рейтинг передовых вузов Европы и Центральной Азии. Лидерство этот вуз сохраняет с 2014 г. Университет получил наивысшее количество баллов по показателям академической репутации среди работодателей [6].

Ташкентский филиал является обособленным структурным подразделением МГУ им. М. В. Ломоносова. Филиал был создан в Ташкенте 24 февраля 2006 г. постановлением первого президента Узбекистана Ислама Каримова. 1 сентября того же года началось обучение. В настоящее время в структуре филиала действует четыре факультета: «Психология», «Прикладная математика и информатика», «Филология» и «Реклама и связь с общественностью». Последние два факультета были открыты в 2020 г., и в этом году был осуществлен третий набор студентов. Что касается факультетов «Психология» и «Прикладная математика и информатика», то необходимо отметить высокую востребованность выпускников, получивших указанные специальности, на рынке труда в нашей республике.

Студенты филиала получают глубокие знания по фундаментальным дисциплинам, изучают психологию, экономику, высшую математику, информатику, овладевают иностранными языками. Высокий научный потенциал коллектива позволяет сочетать специальную и гуманитарную подготовку кадров.

В университете на высоком уровне ведется физкультурная и спортивная работа со студентами. Команды университета стабильно становятся призерами городских и республиканских спортивных соревнований между филиалами зарубежных вузов.

В филиале МГУ им. М. В. Ломоносова в Ташкенте созданы все условия для эффективного процесса обучения: современные аудитории, компьютерные, лекционные залы, оснащенные мультимедийным оборудованием, информационно-ресурсный центр, содержащий не только книжный фонд, но и электронную библиотеку. Другими словами, созданы все условия для творческой самореализации личности.

В филиале на регулярной основе проводятся мастер-классы зарубежных ученых. Практикуются вахтовые лекции и семинары высококвалифицированных специалистов из Российской Федерации. Выдаваемые выпускникам филиала дипломы установленного образца признаются документом о высшем образовании в Республике Узбекистан и в Российской Федерации.

Особо хотелось бы выделить организацию образовательного процесса филиала в условиях пандемии. 16 марта 2020 г. в республике был объявлен вынужденный карантин, уже через несколько дней студенты и преподаватели университета были ознакомлены с платформой ZOOM, благодаря которой учебный год завершился вовремя. Отметим высокий уровень организации вступительных экзаменов в онлайн-режиме (во время карантина), в которых приняли участие московские специалисты и отечественные коллеги.

Таким образом, в Узбекистане за годы независимости осуществлена целенаправленная, широкомасштабная работа по реформированию и развитию образовательной сферы и подготовке высококвалифицированных специалистов в тесном сотрудничестве с учреждениями образовательной системы Российской Федерации.

Список источников

1. Итоговый документ — резолюция международной конференции «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения — как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны» 16—17 февраля 2012 года, город Ташкент // RUSSIAN.CHINA.ORG.CN. 2012. 24 февр. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-02/24/content_24721785.html (дата обращения: 25.02.2012).
2. Президент Республики Узбекистан выступает за дальнейшее расширение взаимовыгодного практического сотрудничества с зарубежными странами и международными организациями // Народное слово. 2022. 25 июля. URL: file:///C:/Users/RIO/Downloads/_Xalq%20so'zi_%20gazetasi-156-2022-07-25.pdf (дата обращения: 30.07.2022).
3. Что такое Третий Ренессанс? Президент Шавкат Мирзиёев в своем интервью пояснил, что означают концепции Третьего Ренессанса и Нового Узбекистана // ГАЗЕТА.UZ. 2021. 17 авг. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения: 20.08.2021).
4. Кооперация вузов — ступень вверх // Народное слово. 2022. 1 апр. URL: file:///C:/Users/RIO/Downloads/_Xalq%20so'zi_%20gazetasi-66-2022-04-01.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
5. Открылся III Российско-Узбекский образовательный форум // Российский союз ректоров. 2022. 26 окт. URL: <https://rsr-online.ru/events/2022/otkrylsya-iii-rossijsko-uzbekskij-obrazovatelnyj-forum/> (дата обращения: 25.02.2012).
6. Какие вузы Узбекистана вошли в международный рейтинг лучших // Sputnik Узбекистан. 2021. 15 дек. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20211215/kakie-vuzy-uzbekistana-voshli-v-mejdunarodnyy-reyting-luchshix-21807913.html> (дата обращения: 16.12.2021).

References

1. Itogovyi dokument — rezolyutsiya mezhdunarodnoi konferentsii «Podgotovka obrazovannogo i intellektual'no razvitoogo pokoleniya — kak vazhnishee uslovie ustoychivogo razvitiya i modernizatsii strany» 16—17 fevralya 2012 goda, gorod Tashkent [Final document - resolution of the international conference "Training of educated and intellectually developed generation - as the most important condition for sustainable development and modernization of the country" February 16—17, 2012, Tashkent city], RUSSIAN.CHINA.ORG.CN, 2012, 24 fevr. Available at: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-02/24/content_24721785.html (accessed: 25.02.2012).
2. Prezident Respubliki Uzbekistan vystupaet za dal'neishee rasshirenie vzaimovygodnogo prakticheskogo sotrudnichestva s zarubezhnyimi stranami i mezhdunarodnymi organizatsiyami [The Presi-

- dent of the Republic of Uzbekistan supports further expansion of mutually beneficial practical cooperation with foreign countries and international organizations], *Narodnoe slovo* [*Narodnoe slovo*], 2022, 25 iyulya. Available at: file:///C:/Users/RIO/Downloads/_Xalq%20so'zi_%20gazetasi-156-2022-07-25.pdf (accessed: 30.07.2022).
3. Chto takoe Tretii Renessans? Prezident Shavkat Mirziyev v svoem interv'yu poyasnil, chto ozna chayut kontseptsii Tret'ego Renessansa i Novogo Uzbekistana [What is the Third Renaissance? President Shavkat Mirziyoyev in his interview explained what the concepts of the Third Renaissance and New Uzbekistan mean], *GAZETA.UZ* [*GAZETA.UZ*], 2021, 17 avg. Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (accessed: 20.08.2021).
 4. Kooperatsiya vuzov — stupen' vverkh [University cooperation — a step up], *Narodnoe slovo* [*Narodnoe slovo*], 2022, 1 apr. Available at: file:///C:/Users/RIO/Downloads/_Xalq%20so'zi_%20gazetasi-66-2022-04-01.pdf (accessed: 05.04.2022).
 5. Otkrylsya III Rossiisko-Uzbekskii obrazovatel'nyi forum [III Russian-Uzbek educational forum opened] *Rossiiskii soyuz rektorov* [*Russian union of rectors*], 2022, 26 okt. Available at: <https://rsr-online.ru/events/2022/otkrylsya-iii-rossijsko-uzbeksij-obrazovatelnyj-forum/> (accessed: 25.02.2012).
 6. Kakie vuzy Uzbekistana voshli v mezhdunarodnyi reiting luchshikh [Which universities of Uzbekistan have been included in the international ranking of the best ones], *Sputnik Uzbekistan*, 2021, 15 dek. Available at: <https://uz.sputniknews.ru/20211215/kakie-vuzy-uzbekistana-voshli-v-mezhdunarodnyy-reiting-luchshix-21807913.html> (accessed: 16.12.2021).

Информация об авторе

Турсунова Ранохон Юсубжановна — доктор исторических наук, доцент кафедры политологии, Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: turrena72@mail.ru

Information about the author

Ranohon Yu. Tursunova — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Republic of Uzbekistan. E-mail: turrena72@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Социально-философские и политические проблемы
современного образования

Научная статья
УДК 378.147
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-70-76

Проектирование интегрированной образовательной программы
«магистратура—аспирантура» в Сибирском институте управления —
филиале РАНХиГС

Денис Владимирович Чернов¹, Наталья Михайловна Маркдорф²

^{1, 2} Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ chernov.de@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3022-5927>

² markdorf-nm@ranepa.ru

Аннотация. Развитие системы подготовки научных кадров — актуальная задача современной России. В статье рассматриваются вопросы активизации данной работы в высшей школе. В качестве основного инструмента усиления качества подготовки молодых исследователей предлагается интеграция магистерских и аспирантских образовательных программ по близким направлениям. В работе подробно анализируется опыт проектирования интегрированной образовательной программы магистратуры и аспирантуры в Сибирском институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Цель статьи — содержательно раскрыть задачи, условия и механизмы сквозной подготовки будущих ученых в рамках единого гуманитарного академического и научного трека.

Методологической основой исследования выступают системный и каузальный анализ ключевых элементов проекта и возможностей его реализации. В основной части исследования раскрываются особенности проектирования интегрированной образовательной программы, возможности интеграции магистерского и аспирантского этапов трека, подробно анализируются технологические особенности этой программы, раскрывается содержание этапов и их наполнение. По данному вопросу практически отсутствует научная публицистика, в связи с чем авторам приходится использовать ограниченный круг источников.

Ключевые слова: система образования, интегрированная образовательная программа, подготовка научных кадров, образовательный трек

Для цитирования: Чернов Д. В., Маркдорф Н. М. Проектирование интегрированной образовательной программы «магистратура—аспирантура» в Сибирском институте управления — филиале РАНХиГС // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 70—76. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-70-76.

Designing an integrated educational program “Master's degree—postgraduate studies” at the Siberian Institute of Management — branch of RANEPA

Denis V. Chernov¹, Natalia M. Markdorf²

^{1,2} Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹ chernov.de@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3022-5927>

² markdorf-nm@ranepa.ru

Abstract. The development of the system of scientific personnel training is an urgent task of modern Russia. This article discusses the issues of activation of this work in higher education. The integration of master's and postgraduate educational programs in similar areas is proposed as the main tool to strengthen the quality of training of young researchers. The work analyzes in detail the experience of designing an integrated educational program of Master's degree and postgraduate studies at the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. The aim of the article is to disclose meaningfully the tasks, conditions and mechanisms of cross-cutting training of future scientists within a single humanitarian academic and scientific track.

The methodological basis of the study is systemic and causal analysis of the key elements of the project and the possibilities of its implementation. The main part of the study reveals the peculiarities of designing an integrated educational program, the possibilities of integrating master's and postgraduate track stages, analyzes in detail the technological features of this program, reveals the content of stages and their filling. There is practically no scientific journalism on this issue, so the authors have to use a limited range of sources.

Keywords: education system, integrated educational program, training of scientific personnel, educational track

For citation: Chernov D.V., Markdorf N.M. Designing an integrated educational program “Master's degree—postgraduate studies” at the Siberian Institute of Management — branch of RANEPA. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):70—76. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-70-76.

Необходимость развития национальной системы образования требует от выпускников высшей школы не только готовности реализовывать универсальные и профессиональные компетенции, но и наличия у них мотивации для дальнейшего карьерного научного, академического роста. В современной Российской Федерации сохраняется потребность в высокопрофессиональных научных кадрах. Как следствие, возникает необходимость повышения в вузах эффективности институтов магистратуры и аспирантуры, ответственных за подготовку специалистов высшей научной квалификации.

В региональных условиях не в полной мере решены и решаются вопросы подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров. В Новосибирске — крупнейшем научно-образовательном центре Сибири остро ощущается дефицит высококвалифицированных научно-педагогических кадров. Программы аспирантуры недостаточно эффективны (защищается меньше половины выпускников) и непривлекательны для современной молодежи. Существуют также объективные сложности для поступления в аспирантуру соседних регионов, а именно значительная территориальная отдаленность, ведомственная принадлежность вузов, высокая конкуренция с выпускниками местных вузов, значительная стоимость обучения и накладных расходов.

Интегрированные образовательные программы (ИОП) пришли в систему высшего образования сравнительно недавно, но уже успели зарекомендовать себя среди студентов, выбирающих научную траекторию для своего развития. Возможность обучения по программе, включающей в себя магистерский и аспирантский этапы, является существенным стимулом для выпускников бакалавриата, значительно снижает трудоемкость и повышает эффективность единого академического и научного трека (ЕАНТ).

Имеющиеся в России интегрированные образовательные программы предлагаются вузами центральной части России. Опыт реализации интегрированных образовательных программ направлений магистратуры и аспирантуры в нашей стране пока ограничен столичными вузами. О потенциале интегрированных образовательных программ заявляет экономический факультет МГУ им. Ломоносова, отмечая, что они позволяют не только получить больше знаний и умений за время обучения в магистратуре, но и освоить большую часть учебного плана аспирантуры, максимально подготовившись к защите кандидатской диссертации. Кроме того, «бесшовный переход из магистратуры в аспирантуру при наличии высоких академических результатов на треке позволит освободить больше времени на педагогическую и научную деятельность» [1].

Большое внимание интеграции образовательных программ в направлении подготовки научных кадров уделяется в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет „МИСиС“». Подготовка в рамках интегрированной образовательной программы проходит по трем научным направлениям: «биоматериаловедение», «аддитивные технологии для производственной отрасли» и «квантовое материаловедение» [2].

Реализует интегрированные образовательные программы и Высшая школа экономики. Единый трек обучения «магистратура—аспирантура» рассматривается в этом вузе как гарантия успешного вхождения в научно-преподавательскую среду [3].

Для подведения итогов и определения эффективности интегрированных образовательных программ магистратуры—аспирантуры пока недостаточно данных. Среди наиболее глубоких аналитических работ исследование Б. И. Бедного и О. А. Кузнецова из Национального исследовательского нижегородского университета, представивших подробный анализ причин низкой эффективности аспирантур, среди которых наиболее значимой является отсутствие концептуальной и структурной содержательной преемственности программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре с программами второго и первого уровней высшего образования, а также малочисленность университетских программ, нацеленных на системное формирование исследовательских компетенций на разных уровнях образования [4]. Особое внимание авторы уделяют проблемам организации обучения в академических магистратурах, недостаточное развитие которых существенно снижает качество подготовки будущих аспирантов. Напрашивается логичное решение связать академическую магистратуру и аспирантуру в один трек, обеспечив не просто преемственность, построив связанную систему подготовки, включающую интеграцию учебных планов, исследовательской и преподавательской работы, реализацию сквозных модулей [4].

В Сибирском институте управления — филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СИУ — филиал РАНХиГС) разработан проект интеграции академической магистратуры и аспирантуры. Проект предусматривает объединение образовательных программ в рамках единого академического и научного трека «Гуманитарные и общественные процессы в управлении

и коммуникациях». Реализация полного цикла включает в себя нулевой цикл + 2 года магистратуры + 3 года аспирантуры. Целью реализации проекта является подготовка высококвалифицированных специалистов (научных и научно-педагогических кадров), способных к инновационной деятельности в сфере науки, культуры, образования и управления, обладающих универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями. Планируется, что реализация данного проекта будет препятствовать оттоку талантливой молодежи за рубеж, способствовать укреплению научно-педагогического состава СИУ — филиала РАНХиГС, что в перспективе сформирует ощутимые конкурентные его преимущества среди вузов Новосибирска, осуществляющих подготовку магистрантов и аспирантов.

Использование компетентностного подхода позволит добиться сопряжения целей и результатов обучения для магистерских и аспирантских программ, обеспечит концептуальную и структурно-содержательную преемственность в СИУ — филиале РАНХиГС аспирантских программ и программ второго уровня высшего образования. Вариативность интегрированной образовательной программы привлечет студентов и обеспечит финансовую оптимизацию по данному направлению.

Реализация интегрированной образовательной программы позволит решить давно существующие проблемы в системе подготовки научных кадров в России путем:

- оптимизации структуры и содержания подготовки научных работников и преподавателей высшей школы;
- привлечения талантливой, творческой молодежи к научным исследованиям на ранних стадиях обучения;
- повышения качества магистерских и диссертационных работ;
- стимулирования научной активности студентов, магистрантов, аспирантов;
- формирования навыков самостоятельной научно-исследовательской деятельности, умений и навыков в сфере научных коммуникаций, публичного обсуждения результатов научно-исследовательской деятельности, совершенствования профессионально-коммуникативной культуры будущего преподавателя-исследователя;
- формирования компетенций, необходимых для успешной научно-педагогической деятельности в различных отраслях науки и образования;
- расширения академической мобильности молодых ученых;
- активизации и дальнейшего развития международного сотрудничества с зарубежными научными и учебными учреждениями (вузы, научные фонды, ассоциации, общества и т. д.) с целью интеграции в мировую научно-образовательную систему и проведения научных исследований совместно с зарубежными партнерами на взаимовыгодных условиях.

Реализация интегрированной образовательной программы в Новосибирске имеет свои риски, которые необходимо учитывать разработчикам. В качестве наиболее существенных препятствий имеет смысл отметить:

- сложную демографическую ситуацию в регионе;
- низкий образовательный уровень выпускников школы, бакалавров, вследствие чего снижение востребованности программ магистратуры и аспирантуры среди выпускников бакалавриата;
- высокую стоимость обучения на рынке образовательных услуг при низких доходах населения, в результате — невозможность оплачивать обучение в магистратуре и аспирантуре;
- изменения в федеральном законодательстве: ФГОС, ФГТ влечет за собой модификации ЕАНТ и ИОП;
- отсутствие или недостаточное количество бюджетных мест в магистратуре и аспирантуре, не зависящее от вуза;

— высокую конкуренцию вузов, предлагающих магистратуры и аспирантуры;

— отсутствие собственных образовательных стандартов, что ограничивает дополнительные юридические возможности для модернизации систем компетенций, установленных федеральными образовательными стандартами;

Кроме того, необходимо отметить негативные факторы режима экономических санкций в текущий период.

Однако важность данной работы даже в таких непростых условиях связана с формированием научных школ и направлений, созданием сквозной академической траектории «(школа) — бакалавриат — специалитет/магистратура — аспирантура», организацией эффективной научно-образовательной среды, развитием кадрового резерва, что делает ее одной из флагманских задач СИУ — филиала РАНХиГС.

В Сибирском институте управления в настоящее время реализуется ряд актуальных магистерских программ в рамках направления 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление», 38.04.09 «Государственный аудит», 44.04.01 «Юриспруденция», а также планируется реализация магистерской программы 41.04.05 «Международные отношения». Работает аспирантура по четырем направлениям (38.06.01 «Экономика», 39.06.01 «Социологические науки», 40.06.01 «Юриспруденция», 41.06.01 «Политические науки»), разрабатывается программа аспирантуры 46.06.01 «История и археология».

Рассматривая педагогические особенности реализации интегрированных образовательных программ гуманитарной направленности, необходимо определить два ключевых понятия, которые будут использоваться в дальнейшем: ИОП и ЕАНТ.

В нашем понимании интегрированная образовательная программа — это комплекс нормативных, учебных, методических и организационных разработок, формирующий рамочные требования к проектированию и реализации единых академических и научных треков.

Единый академический и научный трек мы рассматриваем как вариативный компонент ИОП, представляющий собой технологию продвижения участника трека в рамках выбранного направления (гуманитарное, экономическое и др.) от зачисления в магистратуру до защиты кандидатской диссертации. Наличие вариативности научно-академического трека для обучающихся способствует снижению академических и финансовых рисков.

Объединение магистерских и аспирантских программ в единые академические и научные треки должно обеспечить повышение эффективности подготовки научных кадров для высшей школы, привлекательность, стратегическую устойчивость и при этом востребованную сегодня у молодежи вариативность дальнейшего научно-профессионального развития выпускников бакалавриата в научной среде вуза. Изучение содержания линейки образовательных программ (ОП) магистратуры и аспирантуры института, ФГОС и СУОС по указанным направлениям позволяет выделить в настоящий момент три единых перспективных академических и научных трека: «Гуманитарные и общественные процессы в управлении и коммуникациях», «Экономические процессы в управлении и в социальном развитии», «Правовые и политические процессы в государственном и региональном развитии». Комбинация ОП магистратуры и аспирантуры в единые академические и научные треки, как и их названия в проекте, носят модульный характер и могут быть изменены в дальнейшем. Авторы проекта разработали для этого типовые этапы-модули (соответствующие требованиям ФГОС/СУОС и ФГТ) и определили современные образовательные форматы, которые разработчики конкретного трека могут наполнить своим уникальным содержанием.

Педагогический инструментарий интегрированной образовательной программы единого академического и научного трека выстроен в виде взаимосвязанных этапов.

На нулевом этапе происходит выбор соискателем магистерской программы трека, вступительные испытания (конкурс портфолио), заключение договора и зачисление на трек через конкретную магистерскую программу: 38.04.04 ГМУ «Управление образовательными системами», 38.04.04 ГМУ «Региональное государственное и муниципальное управление», 41.04.05 МО «Международные коммуникации». На заключительном этапе защищается магистерская диссертация по социологии или истории.

На протяжении всего периода обучения участники трека взаимодействуют в различных академических и научных форматах.

Каждый модуль трека начинается с аналитической сессии его участников, предполагающей командную и групповую работу, обсуждение элементов ЕАНТ, оценку эффективности его прохождения.

Продуктивность и актуальность исследований обеспечивает бенчмаркинг научных проектов (групповая работа, в рамках которой участники трека выступают в качестве конкурентов, изучают и обсуждают научный и методический опыт друг друга, обдумывают стратегии проведения исследований, опираясь на лучший опыт научных школ и лабораторий Сибирского института управления).

Научная составляющая трека сопровождается проектированием и реализацией публикационной активности участников, исходя из содержания выбранного исследовательского направления.

Научное продвижение участника трека подкрепляется фандрайзинг-сессией, которая предполагает обучение участию в научных конкурсах и грантах с учетом направлений исследования участников трека.

Панельная дискуссия по итогам каждого этапа трека позволяет обсудить достижения участников, выявить риски и проблемы, отрефлексировать академическую и научную продуктивность, скорректировать индивидуальные маршруты исходя из содержания выбранной в качестве старта магистерской программы.

Научно-профессиональная интеграция участников трека в деятельность СИУ обеспечивается стажировкой и возможным трудоустройством в научные лаборатории и на кафедры в соответствии с выбранными направлениями исследований.

Итогом реализации трека является успешная защита кандидатской диссертации, возможное трудоустройство в качестве преподавателя института и интеграция участника трека в профессиональное сообщество вуза.

Таким образом, проектирование интегрированной образовательной программы единого академического и научного трека «магистратура—аспирантура» — значимый для развития системы подготовки научно-педагогических кадров педагогический процесс. Интегрированные образовательные программы уже зарекомендовали себя как научно-педагогические акселераторы. Их разработка и внедрение должны опираться на проектные технологии, учитывать потребности вуза и региона, научные вызовы и предпочтения обучающихся. Проект интегрированной образовательной программы Сибирского кампуса Президентской академии адаптирован под гуманитарные задачи развития управления в Сибирском регионе и будет полезен как публичной власти, так и представителям бизнеса и некоммерческого сектора региона, востребован обучающимися, ориентированными на научные карьерные стратегии.

Список источников

1. Интегрированная аспирантура // Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : [офиц. сайт]. URL: <https://www.econ.msu.ru/students/mag/iphd/> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Integrated PhD // МИСИС. Университет науки и технологий : [офиц. сайт]. URL: <https://misis.ru/applicants/admission/magistracy/iphd/> (дата обращения: 21.04.2022).
3. Единый трек обучения «магистратура-аспирантура» 2021 // НИУ ВШЭ : [офиц. сайт]. URL: <https://aspirantura.hse.ru/mastersphd2021> (дата обращения: 21.04.2022).
4. Бедный Б. И., Кузенков О. А. Интегрированные образовательные программы «академическая магистратура-аспирантура» // Высшее образование в России. 2016. № 5. С. 2—32.

References

1. Integrirovannaya aspirantura [Integrated postgraduate studies], *Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova* [Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University], ofitsial'nyi sait. Available at: <https://www.econ.msu.ru/students/mag/iphd/> (accessed: 20.04.2022).
2. Integrated PhD, *MISIS. Universitet nauki i tekhnologii* [MISIS. University of Science and Technology], ofitsial'nyi sait. Available at: <https://misis.ru/applicants/admission/magistracy/iphd/> (accessed: 21.04.2022).
3. Edinyi trek obucheniya «magistratura-aspirantura» 2021 [Unified training track "Master's Degree — Postgraduate" 2021], *NIU VShE [NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS]*, ofitsial'nyi sait. Available at: <https://aspirantura.hse.ru/mastersphd2021> (accessed: 21.04.2022).
4. Bednyi B.I., Kuzenkov O.A. Integrirovannye obrazovatel'nye programmy «akademicheskaya magistratura — aspirantura» [Integrated educational programs "academic master's degree — postgraduate studies"], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2016, no. 5, pp. 2—32.

Информация об авторе

Чернов Денис Владимирович — доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: chernov.de@mail.ru

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, директор научно-образовательного центра «Историко-политические и социокультурные процессы глобального и регионального развития», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Information about the author

Denis V. Chernov — Associate Professor, Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: chernov.de@mail.ru

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Head of the Scientific and Educational Centre “Historical, Political and Socio-Cultural Processes of Global and Regional Development”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.01.2023.

Социально-философские и политические проблемы
современного образования

Научная статья
УДК 378.048.2+ 378.2
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-77-85

Социально-гуманитарное знание в российской аспирантуре: образ, проблемы

Маргарита Алексеевна Юрченко

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, yurchenko-maa@ganepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы подготовки кадров высшей квалификационной категории социально-гуманитарного профиля на современном этапе функционирования системы высшего образования в России. Исследование выстроено на основе принципов системного подхода, а также концепции непрерывного образования, проведено с использованием таких методов, как анализ открытых статистических массивов данных, сравнение, обобщение и анализ данных актуальных педагогических исследований. С упором на социально-гуманитарные направления подготовки дана характеристика современной аспирантуры. Отобраны и проанализированы успешные практики пассивной адаптации системы организации обучения аспирантов в вузах. Предложены направления развития и распространения существующего позитивного опыта вузов, наиболее значимыми среди которых являются следующие: целевое обучение по программам аспирантуры, повышение гибкости в работе диссертационных советов, разграничение преподавательской и исследовательской деятельности при подготовке кадров высшей квалификационной категории. Предложенные пути решения существующих проблем могут быть реализованы в русле совершенствования аспирантуры, в том числе социально-гуманитарных направлений подготовки.

Ключевые слова: аспирантура в вузе, пассивная адаптация российской системы образования, кадры высшей квалификационной категории, социально-гуманитарные направления подготовки

Для цитирования: Юрченко М. А. Социально-гуманитарное знание в российской аспирантуре: образ, проблемы и перспективы пассивной адаптации // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 77—85. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-77-85.

Socio-philosophical and political problems of modern education

Original article

**Social and Humanitarian Knowledge in Russian Postgraduate Studies:
Image, Problems****Margarita A. Yurchenko**

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Abstract. The article deals with the problems of training personnel of higher qualification category of social and humanitarian profile at the present stage of functioning of the system of higher education in Russia. The research is built on the basis of the principles of system approach, as well as the concept of lifelong learning, conducted using such methods as the analysis of open statistical data sets, comparison, generalization and analysis of the data of actual pedagogical research. With a focus on social and humanitarian directions of training, the characteristic of modern postgraduate education is given. Successful practices of passive adaptation of the system of postgraduate education organization in universities are selected and analyzed. The directions of development and dissemination of the existing positive experience of higher educational institutions are proposed, the most significant among which are the following: targeted training in postgraduate programs, increasing flexibility in the work of dissertation councils, differentiation of teaching and research activities in the training of personnel of higher qualification category. The proposed ways to solve the existing problems can be realized in the context of improving postgraduate education, including socio-humanitarian areas of training.

Keywords: restoration of transport, development of industry, “price scissors”, industrialization, rationalizing workers, financing, social problems, rise of science, management problem

For citation: Yurchenko M.A. Social and Humanitarian Knowledge in Russian Postgraduate Studies: Image, Problems. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):77—85. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-77-85.

Введение и постановка проблемы

Одна из главных задач современного вуза — подготовка кадров высшей квалификационной категории, пополнение резерва специалистов, которые могут и готовы как заниматься преподавательской деятельностью в организациях высшего образования, так и проводить научные исследования.

По данным исследования НИУ ВШЭ число аспирантов неуклонно снижалось в 2010—2019 гг., с 2020 г. же наблюдается положительная динамика, однако общая численность все еще далека от уровня первого десятилетия XXI в. [1] В то время как за последние три года количество обучающихся в аспирантуре возросло, а учебные планы были неоднократно переработаны академическим сообществом с целью повышения эффективности образовательных программ, с одной стороны, наблюдается неуклонное снижение числа молодых исследователей, успешно оканчивающих обучение по программам аспирантуры, с другой стороны, ничтожно мала доля выпускающихся с защитой диссертации в том же году, этот показатель фактически стагнирует уже более 5 лет (в 2021 г. данный показатель составлял всего 10,5 % [2]) (рис. 1). При этом отмечается, что молодые ученые, работа которых непосредственно связана с темой исследования, доходят до этапа защиты с гораздо более высокой долей вероятности.

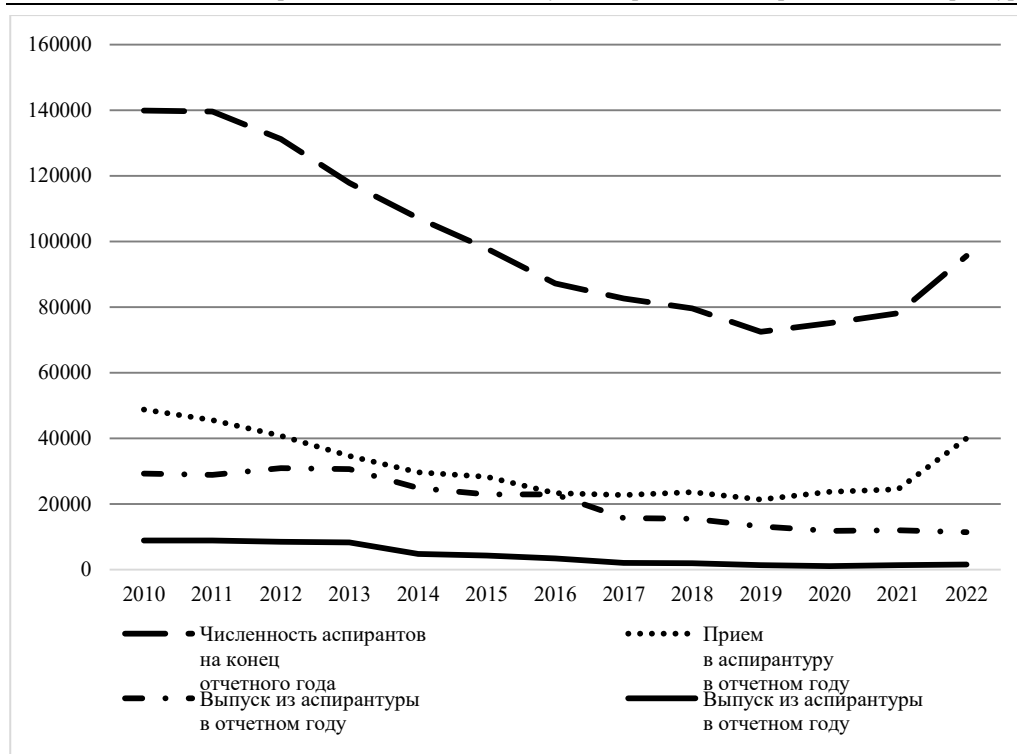

Рис. 1. Динамика численности аспирантов в вузах Российской Федерации
Dynamics of the number of postgraduate students in higher education institutions of the Russian Federation

Рассматривая более подробно распределение аспирантов по группам научных специальностей, можно отметить, что численность аспирантов, обучающихся по программам социально-гуманитарного профиля, в привлечении которых наиболее заинтересован как головной кампус РАНХиГС, так и ее филиалы, составляет от 9 до 15 % общей массы. В топе наиболее популярных научных групп последних лет — экономика, педагогика, юриспруденция. По данным за 2022 г., показатели по этим направлениям составили соответственно 1 133, 845 и 754 аспиранта [2] (рис. 2), что зеркально отражает общественный запрос на поддержку бизнеса и реализацию экономического потенциала регионов и страны, развитие системы образования на всех ее уровнях и обеспечение должной юридической поддержки разнообразных правоотношений.

В качестве главных проблемных пластов аспирантуры сегодня специалисты выделяют:

- 1) общую недостаточность финансирования программ подготовки кадров высшей квалификационной категории, слабость функционирования каналов внешнего финансирования аспирантуры;
- 2) низкий уровень вовлеченности аспирантов в грантовую деятельность и НИР, выполняемую по заказу государственного и частного секторов;
- 3) бюрократизированность процедуры выхода на защиту [3].

Представляется важным отметить также искусственное объединение функций исследователя и преподавателя высшей школы в программах аспирантуры.

Необходимость позитивных изменений в данной сфере признается государством. Так, по словам министра науки и высшего образования Российской Федерации В. Фалькова, несмотря на объявление Минобрнауки от 24 мая 2022 г. о разработке собственной системы образования с целью отказа от Болонской системы, ее элементы частично могут сохраниться в це-

лях обеспечения плавного перехода. Как было отмечено, аспирантура сохраняется, но при этом выделяется в отдельный вид подготовки кадров, вопрос места этого вида в новой системе образования пока что остается открытым. Для комплексного решения указанных проблем важно сочетать пассивные и активные механизмы адаптации системы, однако в рамках данного исследования мы концентрируемся на успехах и проблемах пассивной адаптации [4].

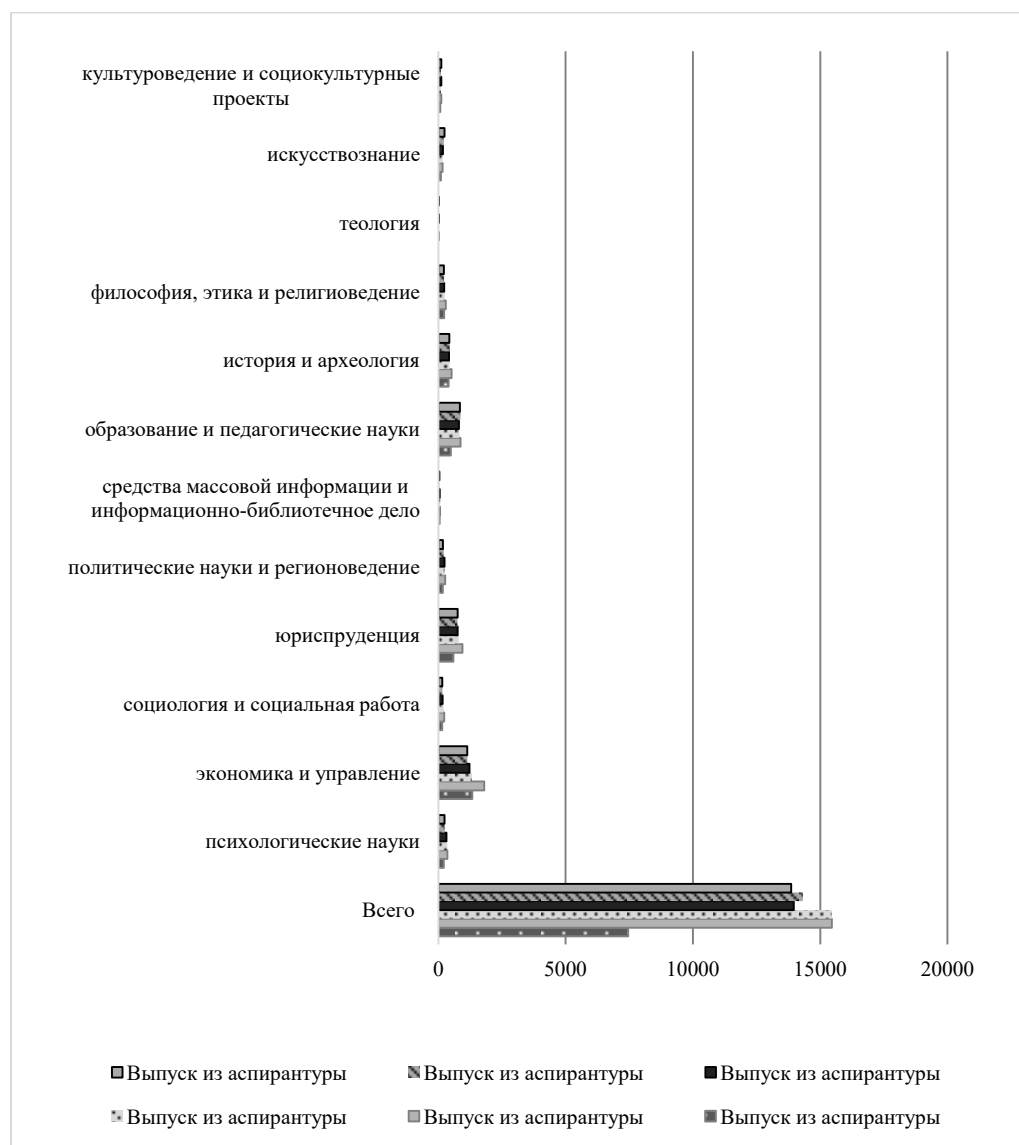

Рис. 2. Обучающиеся по программам аспирантуры социально-гуманитарного профиля
Students of postgraduate programs of social and humanitarian profile

Цель статьи — проанализировать ключевые успешные практики пассивной адаптации программ аспирантуры к современной повестке и предложить дальнейшие направления развития и распространения существующего позитивного опыта вузов.

Методы и методология

Вслед за Н. А. Морозовой [5] автор исследования для изучения проблем совершенствования системы подготовки кадров высшей квалификацион-

ной категории применяет системный подход. Методологическим основанием выступает концепция непрерывного образования за счет более пристального рассмотрения успешности вуза в аспекте гарантий устойчивости непрерывного образования на уровне подготовки кадров высшей квалификационной категории [6].

Основными методами исследования выступают анализ открытых статистических массивов данных, сформированных по результатам приема в аспирантуру, успешного окончания обучения, защиты кандидатской диссертации, а также сравнение, обобщение и анализ данных актуальных педагогических исследований, анализирующих успешные практики модернизации программ аспирантуры разных направлений подготовки.

Результаты

В ответ на объективные тренды в области подготовки кадров высшей квалификационной категории происходит многогранная пассивная адаптация системы постдипломного образования — модернизация в соответствии с требованиями рынка труда, запросами потенциальных обучающихся, новыми веяниями образовательной политики, обновлением законодательной базы, изменением стратегий работы отдельных вузов. При этом, как нам кажется, в случае активной адаптации процесс инертен, хаотичен и зачастую эклектичен, вследствие этого «мостик» между аспирантурой и другими уровнями системы высшего образования оказывается скрытым от глаз обывателя и «веревочным» по своей природе. Научная составляющая, по нашему мнению, в высшем образовании не имеет четкой преемственности и в целом достаточно слабо реализована на бакалавриате и в магистратуре: преподаватели, которые ведут активную научную деятельность, редко находят время и силы для интенсивной работы с обучающимися, ведь время- и трудозатраты при серьезной индивидуальной научной работе с магистрантом, не говоря уже о студентах 1—2 курсов бакалавриата, огромны, хотя внешний прогресс не гарантирован, а внутренний не всегда очевиден. Итог — малый процент студентов, познающих науку, который пропорционально уменьшается при переходе на следующие ступеньки образовательной системы.

1. Поддержка финансовой стабильности молодых ученых

В связи с запросом на интенсификацию продукции нового научного знания в российском обществе, безусловно, аспирант нуждается в поддержке со стороны государства и научных или образовательных институтов, на базе которых проводится исследование. Поддержку аспирантов, молодых ученых и педагогов рассматривают как шаг вперед в процессе становления профессионала — ученого и преподавателя, что требует реализации комплексных мер по содействию профессиональному и карьерному росту талантливой молодежи.

Так, аспиранты получают базовые и повышенные стипендии, в том числе президента и правительства Российской Федерации, привлекаются к грантовой работе и реализации проектов по госзаданиям. На данный момент Минобрнауки России по поручению президента разрабатывает мероприятия, направленные на поддержку аспирантов на протяжении всего срока обучения.

Наиболее перспективной технологией поддержки финансовой стабильности молодых ученых, как нам кажется, является целевая подготовка, позволяющая не только поощрять научно-исследовательскую деятельность аспирантов во время учебы, но и закреплять молодых ученых в университете на многие годы. Одним из инструментов восполнения кадрового ресурса является проект целевой подготовки студентов, заложенный в стратегию развития многих ведущих университетов (в том числе вузов, реализующих образовательные программы социально-гуманитарной направленности,

например НИУ ВШЭ, СФУ, ТГУ и др.) Как правило, целевая подготовка интегрирована в создание и развитие эффективных научно-исследовательских школ по приоритетным направлениям развития территории.

Целевая подготовка функционирует главным образом за счет согласования необходимого количества специалистов того или иного профиля учебными и административными структурными подразделениями вуза. Целевая аудитория программ целевой подготовки — перспективные студенты бакалавриата и магистратуры. При поступлении на условиях целевого набора обучающийся прикрепляется не к кафедре или научной лаборатории вуза, в связи с чем окончательное решение о приеме принимается руководителем соответствующего структурного подразделения. Обучение в рамках программы целевой подготовки обязывает аспиранта защитить диссертацию в течение календарного года после окончания аспирантуры и проработать в вузе не менее пяти лет после защиты, все обязательства должны быть закреплены в договоре. Поскольку целевой аспирант таким образом оказывается связан с университетом на длительный период времени, вуз предлагает в ответ на это систему мер поддержки, которые могут выражаться в снижении стоимости обучения вплоть до 90 %, если бюджетные места не предусмотрены, предоставлении жилья или софинансирования оплаты жилья, повышенной заработной плате по сравнению с коллегами, трудящимися на аналогичных должностях, но не обучающимися в аспирантуре, а также в единовременных стимулирующих выплатах, которые могут быть начислены по итогам высокой эффективности научной работы аспиранта [7]. В случае, если в вузе есть запрос на специалиста того направления подготовки, по которому не ведется набор, может быть заключено соглашение с вузом-партнером, по которому обучение оплачивает будущий работодатель, а соискатель учится и работает на аналогичных условиях.

2. Дебюрократизация процедуры защиты диссертаций

Наличие или же отсутствие диссертационного совета в вузе является одним из ключевых факторов, определяющих темп и успешность выхода обучающегося на защиту кандидатской диссертации. Снижение числа защит отчасти связано с сокращением числа советов и при этом возросшими требованиями к исследователю.

1 сентября 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который изменил порядок и условия обучения в аспирантуре. Согласно этому закону подготовка научных и научно-педагогических кадров будет вестись в соответствии с федеральными государственными требованиями, а также требованиями, устанавливаемыми самими образовательными организациями, с обязательной предзащитой в качестве критерия успешности ее окончания. Вместо диплома выдается свидетельство об окончании аспирантуры и заключение о соответствии диссертации установленным критериям [8].

Более того, на профессорских форумах регулярно поднимается вопрос о развитии линии сетевых диссертационных советов, работающих в дистанционном и гибридном форматах, самостоятельно контролирующих качество диссертаций. Опыт РАНХиГС, по нашему мнению, в этом вопросе можно охарактеризовать как положительный. Президентская академия наделена широким кругом полномочий. Так, ей «дано право создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, а также устанавливать критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней. Академия также может самостоятельно устанавливать порядок присуждения, лишения и восстановления ученых степеней» [9]. С одной стороны, имеется строгий контроль качества (трехступенчатый допуск диссертационного ис-

следования к защите, независимая слепая экспертиза на финальном этапе, подбор членов диссертационного совета под тему исследования, жесткие требования по отношению к потенциальным членам диссертационного совета), с другой стороны, процедура является прозрачной, открытой (для всех этапов установлены объективные сроки реализации, все документы по диссертации размещаются в открытом доступе, защита проводится в дистанционном формате, есть возможность задать вопросы соискателю, скорость документооборота значительно выше, чем в диссертационном совете ВАК).

3. Гибкость образовательных программ

Положительный опыт персонализации образовательных траекторий описывают коллеги из Волгограда, где инициатива формирования индивидуальных траекторий шла от ректора вуза. Гибкость учебных планов достигалась за счет «увеличения часов на клинических дисциплинах; запуска новых электронных и факультативных дисциплин; организации школ мастерства» [10]. То что было внедрено коллегами в медицинском вузе при подготовке ординаторов, как нам кажется, может найти применение при обучении на программах социально-гуманитарной направленности путем более широкого применения смешанного и электронного обучения, создания «мастерских» на базе существующих научных лабораторий и уделения большего внимания работе в русле выбранной темы диссертационного исследования. На практике это может означать организацию стажировок или практик в организациях, которые могут помочь молодому ученому собрать репрезентативный эмпирический материал, апробировать новое научное знание.

Отдельного внимания заслуживают представленные исследователями эмпирические данные по курсу педагогики, в рамках которого сочетались дифференцированный подход, системно-деятельностный подход, методики формирующего оценивания и индивидуально ориентированной диагностики. 97 % обучающихся на курсе были полностью удовлетворены примененной в обучении персонализацией, исследователи отмечают статистически значимый рост мотивированности обучающихся [10]. Несмотря на успешный опыт коллег, мы считаем необходимым признать и нормализовать тот факт, что далеко не все молодые ученые, даже среди исследователей социально-гуманитарного профиля, желают связать свою жизнь с преподаванием. При отсутствии должной внутренней мотивации качество подобной трудовой деятельности автоматически ставится под сомнение, а универсализация программ подготовки в русле выпуска преподавателей-исследователей в данной связи усматривается несколько искусственной. Возможно, для того чтобы нивелировать первичный отсев тех, кому преподавание не по душе, было бы уместно рассмотреть саму возможность принципиально разграничить функции преподавателя и исследователя, предусмотрев отдельный добровольно-факультативный педагогический модуль с отдельной (дополнительной) сертификацией, дающей право преподавания в высшей школе.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что университеты используют различные подходы и механизмы для привлечения перспективных молодых ученых в аспирантуру и последующего трудоустройства. Следующие ключевые направления трансформации программ подготовки кадров высшей квалификационной категории можно считать универсальными и продуктивными:

- создание привлекательных условий параллельного обучения и труда в выбранной исследователем отрасли;
- отбор и поддержку потенциальных аспирантов на этапе их обучения по программам бакалавриата и магистратуры;

— продвижение взаимовыгодных целевых программ, основанных на взаимных обязательствах исследователя и вуза;

— оценку результативности на всем периоде обучения аспирантов, работу с внутренней и внешней мотивацией обучающихся.

Результативность программ аспирантуры в целом оставляет желать лучшего. Практика подтверждает осмысленность и целесообразность модернизации программ подготовки кадров высшей квалификационной категории. Лидирующие университеты страны уже сегодня разрабатывают и применяют успешные практики, за которыми целесообразно следить и содействовать их масштабированию. Рассмотренный опыт может быть использован в качестве основы для последующей проработки стратегии продвижения программ аспирантуры любого вуза Российской Федерации с опорой на его сильные стороны и в попытке нивелировать имеющиеся недостатки.

Список источников

1. Аспирантура: наметился выход из кризиса // НИУ ВШЭ : [офиц. сайт]. 2022. 27 мая. URL: <https://issek.hse.ru/news/634783433.html> (дата обращения: 22.07.2023).
2. Образование // Федеральная служба государственной статистики: [офиц. сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (дата обращения: 22.07.2023).
3. Российская аспирантура: проблемы и ключевые факторы развития в контексте глобальных трендов / М. В. Сероштан, К. А. Артамонова, Г. З. Акимова, Е. В. Бережная, Е. В. Сероштан // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 46—66.
4. Фальков: в России сохраняют аспирантуру // Ведомости. 2023. 21 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/02/21/963871-falkov-v-rossii-sohranyat-aspiranturu> (дата обращения: 22.07.2023).
5. Морозова Н. А. Совершенствование организации деятельности современной аспирантуры: системный подход // Вестник Московского университета. Сер. 20: Педагогическое образование. 2020. № 2. С. 49—61.
6. Управленческие практики и результативность вузов в реализации непрерывного образования / И. А. Коршунов, Н. Н. Ширкова, Е. С. Сженев [и др.] // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 1. С. 9—34.
7. Петрук Г. В., Ершова Т. В. Программа целевой подготовки как инструмент формирования и развития кадрового потенциала университета // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 3. С. 116—127.
8. Старшинова Т. А. Адаптивность и самоорганизация системы подготовки кадров в аспирантуре // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 12. С. 157—166.
9. Порядок организации защит диссертаций // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: https://www.ranepa.ru/nauka/podgotovka-nauchnykh-kadrov/zashchity-dissertatsii/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 24.07.2023).
11. Артюхина А. И., Чижова В. М., Чумаков В. И. Персонализированный подход к педагогической подготовке кадров высшей квалификации в ординатуре и аспирантуре // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21. № 15. С. 7—15.

References

1. Aspirantura: nametilsya vykhod iz krizisa [Postgraduate studies: a way out of the crisis is emerging], NIU VShE [NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS], ofits. sait, 2022, 27 maya. Available at: <https://issek.hse.ru/news/634783433.html> (accessed: 22.07.2023).
2. Obrazovanie [Education], Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service], ofits. sait. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (accessed: 22.07.2023).
3. Seroshtan M.V., Artamonova K.A., Akimova G.Z., Berezhnaya E.V., Seroshtan E.V. Rossiiskaya aspirantura: problemy i klyuchevye faktory razvitiya v kontekste global'nykh trendov [Russian postgraduate education: problems and key factors of development in the context of global trends], Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia], 2022, vol. 31, no. 5, pp. 46—66.
4. Fal'kov: v Rossii sokhranyat aspiranturu [Falkov: Russia will retain postgraduate studies], Vedomosti [Vedomosti], 2023, 21 fevr. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/02/21/963871-falkov-v-rossii-sohranyat-aspiranturu> (accessed: 2.07.2023).

5. Morozova N.A. Sovershenstvovanie organizatsii deyatel'nosti sovremennoi aspirantury: sistemnyi podkhod [Improving the organization of modern postgraduate studies: a systematic approach], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20, Pedagogicheskoe obrazovanie* [Vestnik of Moscow University. Ser. 20: Pedagogical Education], 2020, no. 2, pp. 49—61.
6. Korshunov I.A., Shirkova N.N., Szhenov E.S. [i dr.]. Upravlencheskie praktiki i rezul'tativnost' vuzov v realizatsii nepreryvnogo obrazovaniya [Management practices and performance of higher education institutions in the implementation of continuing education], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2023, vol. 32, no. 1, pp. 9—34.
7. Petruk G.V., Ershova T.V. Programma tselevoi podgotovki kak instrument formirovaniya i razvitiya kadrovogo potentsiala universiteta [Targeted training program as a tool for the formation and development of human resources potential of the university], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University governance: practice and analysis], 2021, vol. 25, no. 3, pp. 116—127.
8. Starshinova T. A. Adaptivnost' i samoorganizatsiya sistemy podgotovki kadrov v aspiranture [Adaptability and self-organization of the postgraduate training system], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2021, vol. 30, no. 12, pp. 157—166.
9. Poryadok organizatsii zashchit dissertatsii [The procedure for organizing dissertation defenses], *Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii* [Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation], [ofits. sait]. Available at: https://www.ranepa.ru/nauka/podgotovka-nauchnykh-kadrov/zashchity-dissertatsii/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 24.07.2023).
10. Artyukhina A.I., Chizhova V.M., Chumakov V.I. Personalizirovannyi podkhod k pedagogicheskoi podgotovke kadrov vysshei kvalifikatsii v ordinature i aspiranture [Personalized approach to pedagogical training of higher qualification personnel in residency and postgraduate studies], *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika* [Cardiovascular therapy and prevention], 2022, vol. 21, no. 15, pp. 7—15.

Информация об авторе

Юрченко Маргарита Алексеевна — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

Information about the author

Margarita A. Yurchenko — Teacher of the Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

СПЕЦИФИКА ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

SPECIFICS OF PROMOTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE POST-SOVIET SPACE

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 86—94.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):86—94.

Специфика продвижения русского языка на постсоветском
пространстве

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-86-94

Русский язык в образовательном пространстве нового российского зарубежья: из опыта работы

Светлана Сергеевна Лопатина¹, Наталья Вадимовна Отургашева²

^{1, 2} Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ lopatina-ss@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1690-4384>

² oturgasheva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1209-7351>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности функционирования русского языка в области науки и образования в странах нового российского зарубежья, отмечены негативные тенденции сокращения ареала использования русского языка в бывших советских республиках, указаны причины данных изменений. Вместе с тем показана актуальность русского языка в качестве языка образования и науки: для молодежи из стран Центральной Азии получение высшего образования в России создает хорошие перспективы построения профессиональной карьеры.

В качестве основной проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских институтах, авторы определили языковой барьер и предложили некоторые методические инструменты для его преодоления в качестве цели исследования.

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС активно включился в работу по укреплению связей с вузами и школами Узбекистана, Таджикистана и Монголии, подготовке различных образовательных и культурных программ для старшеклассников, абитуриентов и студентов из этих стран. Обобщение данного опыта в продвижении русского языка на постсоветском пространстве позволило сделать выводы о значении выездных культурно-просветительских, образовательных и научных мероприятий не только для формирования речевых и коммуникативных навыков иностранных абитуриентов и студентов, но и для развития международного сотрудничества в сфере науки и образования.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, высшее образование, постсоветское пространство, языковой барьер, грант-проект, рекрутинг

Для цитирования: Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Русский язык в образовательном пространстве нового российского зарубежья: из опыта работы // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 86—94. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-86-94.

Specifics of promotion of the Russian language in the post-Soviet space

Original article

Russian Language in the educational space of the New Russian Abroad: from the experience of work

Svetlana S. Lopatina¹, Natalia V. Oturgasheva²

¹ Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹ lopatina-ss@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1690-4384>

² oturgasheva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1209-7351>

Abstract. The article considers the peculiarities of the Russian language functioning in the field of science and education in the countries of the new Russian abroad, the negative tendencies of the reduction of the area of the Russian language use in the former Soviet republics are noted, the reasons for these changes are indicated. At the same time the relevance of Russian as a language of education and science is shown: for young people from Central Asian countries getting higher education in Russia creates good prospects for building a professional career.

The authors identified the language barrier as the main problem of sociocultural adaptation of foreign students studying in Russian institutes and proposed some methodological tools to overcome it as a research goal.

The Siberian Institute of Management - Branch of RANEPA actively engaged in the work on strengthening ties with universities and schools of Uzbekistan, Tajikistan and Mongolia, preparation of various educational and cultural programs for high school students, applicants and students from these countries. Generalization of this experience in promoting the Russian language in the post-Soviet space allowed us to draw conclusions about the importance of outbound cultural, educational and scientific events not only for the formation of speech and communicative skills of foreign applicants and students, but also for the development of international cooperation in science and education.

Keywords: Russian as a foreign language, higher education, post-Soviet space, language barrier, grand project, recruiting

For citation: Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. Russian Language in the educational space of the New Russian Abroad: from the experience of work. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):86—94. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-86-94.

Русский язык является языком межнационального общения на значительной части постсоветского пространства (особенно в странах Центральной Азии и Белоруссии) и выполняет важную функцию посредника в коммуникации между странами, организациями, учебными заведениями и людьми, активно мигрирующими в настоящее время с целью получения образования, поиска работы, туризма.

Вместе с тем очевидны негативные тенденции сокращения ареала использования русского языка в бывших советских республиках: уменьшается количество школ с преподаванием на русском языке, сокращается количество учеников, владеющих им, принимаются законы, ограничивающие его функционирование в различных сферах общественной деятельности, включая запрет на использование в теле- и радиовещании, делопроизводстве. Особенно заметны данные тенденции в странах Балтии, Грузии и на Украине. Официальный статус русского языка изменен законодательством стран — бывших союзных республик. Так, он не определен в Азербайджане, Грузии, Литве, Узбекистане, Туркменистане, а в Латвии и Эстонии, согласно законам о государственном языке, русский язык является иностранным [1, с. 73—74]. В соответствии с законодательством русский язык является языком межнационального общения в Молдавии, Таджикистане и на Украине; в Армении — это язык национального меньшинства. И только

в Белоруссии русский язык, наряду с белорусским, имеет статус государственного, а в Казахстане и Киргизии — официального.

По данным исследователей, из 140 млн человек, составляющих население 14 бывших советских республик, а ныне — независимых государств, русским языком владеют 63,6 млн, и около 40 млн понимают речь на русском языке [2, с. 77].

Причины ослабления позиций русского языка в странах СНГ связаны с изменением социально-политических реалий после распада СССР. Среди них специалисты отмечают запрет на «использование русского языка в процессе строительства суверенных государств», его дискриминацию под видом «защиты титульных народов», языковую глобализацию, проявляющуюся в экспансии английского языка, вытеснение информационно-образовательных и культурных центров, представляющих Россию на постсоветском пространстве [2, с. 77, 85]. При этом функцию регулирования «характера соотношения языков в полилингвальном социуме» (а именно такими, полиэтническими и многоязычными, сообществами являются страны нового российского зарубежья) берут на себя не филологи, а идеологи и политики, решая при этом не коммуникативные, а политические и идеологические задачи. Определяя и закрепляя юридический статус языка, они зачастую не учитывают «не только реальные потребности различных групп населения, но и функциональные возможности самих языков» [3, с. 12]. Такое положение дел в области межнационального общения не может не вызывать серьезных опасений.

Однако в сфере образования и науки русский язык остается одним из самых востребованных, поскольку владение им открывает иностранным учащимся доступ к получению российского образования, доказавшего свою конкурентоспособность в сложных условиях постперестроечной эпохи. Важную роль играет русский язык в национальной науке Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Азербайджана [4].

По результатам исследования, проведенного Институтом Пушкина в 2021 г., русский язык занял пятое место среди 12 ведущих языков мира по совокупности параметров. При этом специалисты подчеркивают, что «в современном мире роль языков определяется не только и не столько численностью носителей», гораздо более важным фактором в определении конкурентоспособности становится «функциональная нагруженность языка, то есть его способность удовлетворять потребность человека в получении образования, информации, социальном и профессиональном взаимодействии» [5].

В качестве подтверждения сошлемся на многолетний опыт проведения конференций, посвященных юбилейным датам русских писателей, в Ереванском государственном университете им. В. Я. Брюсова. Проект получил название «Русские классики: русская и национальные литературы», а его организатором и вдохновителем стал профессор Михаил Давидович Амирханян, председатель общества «Армения — Россия» армянской общественной организации культурных связей с зарубежными странами, руководитель центра русского языка и культуры Государственного университета им. В. Я. Брюсова.

За 14 лет реализации этого масштабного проекта (с 2009 г.) было подготовлено почти 800 докладов, посвященных творчеству классиков русской литературы: А. Пушкина, А. Грибоедова, М. Лермонтова, Н. Гоголя, И. Тургенева, Н. Некрасова, М. Салтыкова-Щедрина, А. Островского, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, И. Гончарова, А. Солженицына, А. Ахматовой. В конференциях приняли участие представители 15 стран (в том числе Грузии, Германии, Индии, Испании, Италии, Китая, США, Японии), научных центров и ведущих университетов России. Усилиями М. Д. Амирханяна и его единомышленников из разных стран проект превратился в крупнейший филологический форум на всем постсовет-

ском пространстве [6, с. 3—5]. В 2022 г. конференция была посвящена 210-летию И. А. Гончарова.

Еще одно важное международное событие 2022 г. — конференция «Сохранение наследия для стабильного будущего», организованная Национальной библиотекой Армении и посвященная 510-летию армянской письменности. Ее участники из разных стран на трех языках — армянском, английском и русском — обсуждали вопросы развития читательских компетенций молодежи и библиотечного дела, анализировали роль книги в жизни современного общества. Доцент Н. В. Отургашева рассказала об одном из просветительских проектов Сибирского института управления — филиала РАНХиГС в докладе «Книжный клуб как инструмент продвижения чтения в вузе». Профессиональное сообщество в рамках работы конференций подтвердило необходимость международного сотрудничества в гуманитарной сфере и приложения дальнейших целенаправленных усилий для развития благоприятной научной и образовательной среды. Таким образом, русский язык остается востребованным языком науки и образования в странах нового российского зарубежья.

За последнее десятилетие общее число школьников, обучающихся на русском языке, стало постепенно увеличиваться, в основном за счет бывших советских республик Центральной Азии (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Казахстан) и Азербайджана. Это связано с популярностью российского образования, со стремлением молодых государств развивать собственный научно-технологический потенциал, а также с активными миграционными процессами. Иностранные абитуриенты охотно вливаются в ряды студентов российских вузов.

При этом многочисленные исследования [7—9] свидетельствуют о том, что именно новый язык выступает в качестве «основного потенциального адаптационного стрессора» для иностранных учащихся, препятствуя как их бытовому, так и академическому общению [10, с. 278]. Языковой барьер зачастую является причиной «добровольной сегрегации» иностранцев в пространстве российского вуза и в силу этого продолжает оставаться основным препятствием на пути к их успешной лингвокультурной адаптации.

По данным онлайн-анкетирования, проведенного в 2018 г. на сайте Министерством образования Новосибирской области, среди иностранных студентов, обучающихся в вузах Новосибирска, только 24 % респондентов полностью понимают учебный материал, 60 % понимают лишь частично и 16 % вообще его не понимают [11, с. 112]. Почти все опрошенные подтвердили необходимость дополнительных занятий по русскому языку для успешного продолжения учебы. Анализ анкет позволил сделать вывод о необходимости проведения образовательных и культурно-просветительских мероприятий не только для иностранных учащихся, но и для старшеклассников, потенциальных абитуриентов, с целью мотивации к изучению русского языка.

Сибирский институт управления (СИУ) — филиал РАНХиГС активно включился в работу по укреплению связей с вузами и школами Узбекистана, Таджикистана и Монголии и подготовке различных образовательных и культурных программ для старшеклассников, абитуриентов и студентов этих стран с целью преодоления языкового барьера. Сегодня в Сибирском институте управления обучается 134 иностранных студента из Узбекистана, Таджикистана, Монголии, Киргизии, Казахстана, Китая, Йемена.

Преподаватели кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества и центра русского языка нашего института подготовили и провели целый ряд образовательных и творческих мероприятий на различных площадках Монголии, Таджикистана и Узбекистана.

В 2015 г. в Монголии, в г. Баян-Ульгий (место компактного проживания этнических казахов) Сибирским институтом управления были организова-

ны занятия по русскому языку как иностранному (РКИ) для старшеклассников школы «Дарын», проведена олимпиада по русскому языку, устное собеседование с учащимися и мастер-класс по методике преподавания для педагогов. Опыт работы с монгольскими школьниками показал целесообразность проведения рекрутинга на местах: непосредственное общение со школьниками дает возможность объективно оценить уровень их владения навыками устной и письменной речи и таким образом отбирать абитуриентов, способных к успешному обучению в российском вузе.

Результатом рекрутинговых мероприятий стало поступление монгольских абитуриентов в институт, а сотрудничество СИУ с администрацией аймака и школой «Дарын» приобрело регулярный характер: подобные встречи продолжились в 2016, 2017 и в 2018 гг. Особое внимание на этих встречах было уделено внеклассным занятиям по развитию речи, посвященным разнообразным темам: «Времена года», «Дни славянской письменности и культуры», «Праздники, которые мы любим и отмечаем». На занятиях старшеклассники читали стихи, пели песни, работали с иллюстративным материалом, готовили и представляли свои презентации, осваивая при этом новые пласты лексики и работая с видами сложных предложений.

В 2017 г. филологи СИУ — филиала РАНХиГС совместно с кафедрой иностранных языков Ташкентского государственного экономического университета приняли участие в подготовке учебника РКИ для студентов экономических специальностей. Цель учебника — помочь студентам нефилологических вузов овладеть синтаксическими конструкциями русского языка, выражающими определенные смысловые отношения, и выработать у них навыки использования синтаксических конструкций в монологической речи. Учебник предназначен для студентов-нефилологов всех направлений бакалавриата. В настоящее время он получил гриф Министерства образования Республики Узбекистан.

В 2019 г. преподаватели-филологи СИУ совместно с Русским центром Таджикского национального университета организовали и провели международный форум «Содружество». Студенты вузов приняли участие в конкурсе ораторов, конкурсе чтецов, попробовали свои силы в написании диктанта, а также стали участниками IV Азиатского студенческого форума «Таджикистан — Азия — 2019», на котором обсуждались вопросы интенсификации научного и культурного сотрудничества между вузами Азии. Преподаватели выступили с докладами на международной научно-практической конференции «Россия и Таджикистан: культурно-исторические связи в контексте прошлого и настоящего».

В 2020 г. представители Сибирского института управления — директор центра русского языка, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества С. С. Лопатина, доцент этой же кафедры Н. В. Отургашева и президент интернационального клуба института Далер Алимажнов — посетили учебные заведения Узбекистана. Участники делегации провели целый ряд мероприятий для школьников из Ташкента, Самарканда и Ферганы: презентацию Сибирского института управления, олимпиады и собеседования по русскому языку, позволившие выявить старшеклассников, хорошо владеющих письменной и устной речью. Следует отметить не только высокий уровень знания русского языка узбекскими школьниками, но и их большое желание получить российское образование, в частности в СИУ — филиале РАНХиГС.

Преподаватели нашего института вместе с коллегами из Томского государственного университета приняли участие в его работе круглого стола в Самаркандском государственном университете, где обсуждались вопросы сотрудничества и партнерских отношений в сфере международного образования.

В октябре 2021 г. преподаватели центра русского языка при поддержке фонда «Русский мир» провели Дни русского языка в Узбекистане. Грант-проект включал цикл мероприятий: круглый стол «Русский язык в контексте культуры: история и современность», мастер-класс «Подготовка публичного выступления», конкурс ораторов, олимпиаду по русскому языку. Мероприятия проходили в образовательном центре *General lesson* (Ташкент), Русском культурном центре (Ургенч), школе № 2 (Бухара), в них участвовали более 150 школьников старших классов. В процессе реализации гранта проходили встречи с представителями Россотрудничества, членами союза писателей, преподавателями-русистами. Мастер-классы, творческие конкурсы и фестивали, посвященные русской культуре, пользовались большим успехом как у школьников, так и у их наставников.

Целью круглого стола «Русский язык в контексте культуры: история и современность» было дать представление об основных этапах развития русского языка в контексте истории и культуры, кроме того, сформировать отношение к языку как способу отражения картины мира народа и человека, развить внимательное отношение к языку и речи как способу проявления общей культуры личности, обратить внимание участников мероприятия на проблемы культуры речи молодежи. Мероприятие открыли Н. В. Отургашева докладом «Язык как способ отражения и формирования национальной картины мира» и С. С. Лопатина выступлением «Речь как способ проявления культуры личности». Старшеклассники подготовили выступления: «История языка как история культуры (на примере конкретной эпохи)», «Русский язык в Узбекистане», «Язык как отражение эпохи (на примере конкретной эпохи)», «Поэты и писатели России в переводах на узбекский язык», «Узбекские поэты в русских переводах», «Культура речи современной молодежи». В мероприятии приняли участие 50 старшеклассников.

Проведение мастер-класса «Подготовка публичного выступления» и конкурса ораторов позволило школьникам получить начальные теоретические знания об основах ораторского мастерства и приобрести навыки публичного выступления. В рамках мастер-класса школьники познакомились с основными этапами и способами работы над публичным выступлением с учетом цели и аудитории, со структурой и особенностями ситуации общения, что способствовало повышению общей коммуникативной культуры участников встречи и формированию таких необходимых ее качеств, как тактичность, доброжелательность, открытость. Старшеклассники подготовили выступления на социально значимые темы, в мероприятии приняли участие 65 человек.

Олимпиада по русскому языку позволила выявить уровень владения русским языком. Задания были предложены в форме тестов и упражнений, направленных на выявление творческих способностей старшеклассников. В олимпиаде приняли участие 60 школьников.

Основная идея проекта — поддержать интерес старшеклассников Республики Узбекистан к русскому языку, культуре и российскому образованию. В процессе реализации проекта школьники проверили свое знание русского языка, развили навык публичного выступления и художественной декламации, а преподаватели обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества и сформировали группу старшеклассников для участия в языковой школе в Сибирском институте управления. Результатом грант-проекта стала актуализация интереса к русскому языку, развитие коммуникативной компетентности и творческих способностей обучаемых.

Продолжением цикла мероприятий «Дни русского языка в Узбекистане: развитие устной и письменной речи старшеклассников» стало обучение победителей конкурса ораторского мастерства и олимпиады в Школе русского языка в мае 2022 г. в Ургенче. Посол Республики Узбекистан

и администрация города проявили большую заинтересованность в данном мероприятии и оказали всестороннюю поддержку его организаторам.

В рамках Школы были проведены учебные занятия по практическому курсу русского языка, коммуникативные тренинги, различные внеклассные мероприятия, на которых старшеклассники представили подготовленные ими творческие проекты. В процессе обучения школьники повысили уровень владения письменным и особенно устным русским языком.

Для общения с коллегами, преподавателями русского языка, был проведен круглый стол, на котором обсуждались результаты грант-проекта, вопросы планирования дальнейшего сотрудничества, в том числе поступления лучших школьников в Сибирский институт управления. Кроме того, рассматривалась возможность приглашения учителей из Ташкента, Бухары, Хивы на онлайн-курсы повышения квалификации по русскому языку в Сибирский институт управления, а также участие школьников, потенциальных абитуриентов, в онлайн-мероприятиях СИУ.

Сейчас идет работа над пособием «Добро пожаловать в Новосибирск!», ориентированным на иностранных студентов, абитуриентов, граждан, желающих изучать русский язык. Учебное пособие предназначено для комплексных занятий по русскому языку, а также страноведению, речевой практике по РКИ. Издание будет включать тексты для чтения, пересказа, комментирования, составления диалогов, а также задания по развитию речи. Пособие, дополненное аудио- и видеоматериалами, будет полезно для организации летних школ изучения РКИ и может быть предложено иностранным туристам, посещающим Новосибирск.

Опыт работы со старшеклассниками из стран Центральной Азии позволяет сформулировать некоторые рекомендации для дальнейшего развития международного сотрудничества в области образования и продвижения русского языка. На наш взгляд, необходимы совместные мероприятия по русскому языку, истории и культуре России: проведение мастер-классов для иностранных студентов «Эффективные стратегии публичного выступления», цикла семинарских занятий для студентов «Документная лингвистика», совместных научно-практических конференций как для студентов, так и для преподавателей; организация и проведение конкурсов эссе (студенческих работ) о культуре России и стран-партнеров, взаимные стажировки преподавателей по разным направлениям подготовки, кратковременные стажировки студентов. Весьма перспективной и важной является совместная проектная деятельность, и в частности подготовка мультимедийных проектов, например «Новосибирск — сибирский Чикаго» (для студентов СИУ) и «Самарканд — город легенд» (для студентов Самаркандского государственного университета). Кроме того, целесообразно проведение круглых столов по различным темам, например «Образование без границ (образование в эпоху глобализации)», проведение цикла лекций «Современный русский язык», совместные публикации преподавателей вузов, обмен публикациями, конкурсы чтецов, перевода, проведение «Тотального диктанта» на русском языке, совместная проверка работ, подведение итогов.

Полагаем, преодоление языкового барьера станет возможным при условии регулярного взаимодействия иностранных студентов, абитуриентов, граждан, желающих изучать русский язык, и преподавателей и студентов российских вузов. Проведение образовательных и культурных мероприятий, научно-практических конференций и круглых столов, курсов по русскому языку позволят повысить уровень владения навыками устной и письменной речи иностранных граждан, помогут отбирать абитуриентов, способных к успешному обучению в российских вузах. В целом подобная деятельность будет способствовать повышению интереса и доверия к России и укреплению международного сотрудничества в образовательном пространстве стран нового российского зарубежья.

Список источников

1. Гребенюк А. А. Русский язык и образование на русском на постсоветском пространстве // Мир образования — образование в мире. 2014. № 3 (55). С. 72—80.
2. Юдаева О. В. Статус русского языка и масштабы его функционирования на постсоветском пространстве в эпоху глобализации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. № 4. С. 77—87.
3. Боженкова Н. А., Пантелеева А. П. Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 6—15.
4. Савчук С. Узбекистан и русский язык // РИА Новости. 2021. 26 мая. URL: <https://ria.ru/20201014/yazyk-1579605843.html> (дата обращения: 30.05.2021).
5. Коротаев А. Русский язык вошел в пятерку ведущих языков мира // ТАСС. 2022. 31 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14235031> (дата обращения: 02.04.2022).
6. И. А. Гончаров: русская и национальные литературы : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Ереван, 28—30 сентября 2022 г.) / гл. ред.-сост. М. Д. Амирханян ; Ереван. гос. ун-т им. В. Я. Брюсова, Центр рус. яз. и культуры, Ин-т гуманитар. наук МГПУ. Ереван, 2022. 382 с.
7. Максимкина О. И., Терешкина О. В. Языковая и социокультурная адаптация иностранных студентов посредством текстовой деятельности // Гуманизация образования. 2019. № 1. С. 71—86.
8. Макшанцева Н. В. Лингвокультурная адаптация иностранных студентов в условиях языковой среды // Великие реки' 2018 : труды науч. конгресса 20-го Междунар. науч.-промышлен. форума (Нижегород, 15—18 мая 2018 г.) : в 3-х т. / отв. ред. А. А. Лапшин. Н. Новгород : Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2018. С. 347—348.
9. Уракова Ф. К., Пханаева С. Н., Щербашина И. В. О проблемах языковой адаптации иностранных студентов: на примере Адыгейского государственного университета // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 4—1. С. 536—541.
10. Соколова Е. В. Языковая коммуникация и адаптация иностранных студентов в условиях российского вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8 (100). С. 277—282.
11. Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 108—118.

References

1. Grebenyuk A.A. Russkii yazyk i obrazovanie na russkom na postsovetском prostranstve [Russian language and education in Russian in the post-Soviet space], *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire* [World of Education — Education in the World], 2014, no. 3 (55), pp. 72—80.
2. Yudaeva O.V. Status russkogo yazyka i masshtaby ego funktsionirovaniya na postsovetском prostranstve v epokhu globalizatsii [The status of the Russian language and the extent of its functioning in the post-Soviet space in the era of globalization], *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Dagestan State University. Series 2: Humanities], 2021, vol. 36, no. 4, pp. 77—87.
3. Bozhenkova N.A., Panteleeva A.P. Sotsiolingvisticheskiy obzor statusa russkogo yazyka na postsovetском kommunikativnom prostranstve [Sociolinguistic review of the status of the Russian language in the post-Soviet communicative space], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, seriya Lingvistika i pedagogika* [Izvestiya South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy], 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 6—15.
4. Savchuk S. Uzbekistan i russkii yazyk [Uzbekistan and the Russian language], *RIA Novosti* [RIA Novosti], 2021, 26 maya. Available at: <https://ria.ru/20201014/yazyk-1579605843.html> (accessed: 30.05.2021).
5. Korotaev A. Russkii yazyk voshel v pyaterku vedushchikh yazykov mira [Russian language entered the top five leading languages of the world], *TASS* [TASS], 2022, 31 marta. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/14235031> (accessed: 02.04.2022).
6. Amirkhanyan M.D. (ed.) I.A. Goncharov: russkaya i natsional'nye literatury [I. A. Goncharov: Russian and national literatures] : materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Erevan, 28—30 sentyabrya 2022 g.). Erevan, 2022, 382 p.
7. Maksimkina O.I., Tereshkina O.V. Yazykovaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostran-nykh studentov posredstvom tekstovoi deyatel'nosti [Language and sociocultural adaptation of foreign students through textual activities], *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of education], 2019, no. 1, pp. 71—86.

8. Makshantseva N.V. Lingvokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov v usloviyakh yazykovoi sredy [Linguocultural adaptation of foreign students in the conditions of language environment], *Velikie reki' 2018 [Great Rivers' 2018]*, trudy nauchnogo kongressa 20-go mezhdunarodnogo nauchno-promyshlennogo (Nizhnii Novgorod, 15—18 maya 2018 g.), v 3 vol., ed. A.A. Lapshin. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi arkhitekturno-stroitel'nyi universitet, 2018, pp. 347—348.
9. Urakova F.K., Pkhanaeva S.N., Shcherbashina I.V. O problemakh yazykovoi adaptatsii inostrannykh studentov: na primere Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta [On the problems of language adaptation of foreign students: on the example of Adygeya State University], *Pedagogicheskii zhurnal [Pedagogical Journal]*, 2019, vol. 9, no. 4—1, pp. 536—541.
10. Sokolova E.V. Yazykovaya kommunikatsiya i adaptatsiya inostrannykh studentov v usloviyakh rossiiskogo vuza [Language communication and adaptation of foreign students in the conditions of Russian higher education institution], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*, 2022, no. 8 (100), pp. 277—282.
11. Beregovaya O.A., Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. Bar'ery sotsiokul'turnoi adaptatsii inostrannykh studentov v rossiiskikh vuzakh [Barriers to sociocultural adaptation of international students in Russian universities], *Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives on science and education]*, 2019, no. 2 (38), pp. 108—118.

Информация об авторе

Лопатина Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: lopatina-ss@ranepa.ru

Отургашева Наталья Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: oturgasheva-nv@ranepa.ru

Information about the author

Svetlana S. Lopatina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: lopatina-ss@ranepa.ru

Natalia V. Oturgasheva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: oturgasheva-nv@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Специфика продвижения русского языка на постсоветском пространстве

Научная статья
УДК 811.161.1:378.4
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-95-103

Студенческий педагогический проект по РКИ как особая форма учебного взаимодействия

Анастасия Григорьевна Кротова

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Российская Федерация,
krotova@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1504-0887>

Аннотация. В статье описан и проанализирован опыт реализации в Новосибирском государственном техническом университете студенческого учебно-педагогического проекта по обучению русскому языку студентов-иностранцев в рамках сетевых образовательных программ с вузами ближнего зарубежья. Основными исполнителями проекта являются студенты-филологи — будущие преподаватели русского языка как иностранного, проходящие производственную практику. В работе доказывается, что такой формат практической подготовки формирует необходимые профессиональные компетенции практикантов посредством решения ими целого ряда профессионально-педагогических задач, которые актуализируются на определенных этапах проекта.

При описании проекта делается акцент на специфике учебного взаимодействия «студент-филолог — студент-иностранец»: анализируются трудности (методические, организационные), с которыми столкнулись студенты-практиканты, а также некоторые лингвокультурные особенности студентов-иностранцев, обусловленные их национальной и образовательной традицией.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, педагогический проект, производственная практика, учебное взаимодействие, профессионально-педагогические задачи

Для цитирования: Кротова А. Г. Студенческий педагогический проект по РКИ как особая форма учебного взаимодействия // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 95—103. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-95-103.

Specifics of promotion of the russian language in the post-Soviet space

Original article

Student pedagogical project on RKI (Russian as a foreign language) as a special form of educational interaction

Anastasiya G. Krotova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, krotova@corp.nstu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1504-0887>

Abstract. The article describes and analyzes the experience of implementing the student teaching and learning project on teaching Russian to foreign students studying at Novosibirsk State Technical University within the framework of network educational programs with universities of near abroad. The main executors of the project are philology students - future teachers of Russian as a foreign language, who pass their practical

training. The paper proves that this format of practical training forms the necessary professional competencies of trainees by means of solving a number of professional and pedagogical tasks, which are actualized at certain stages of the project.

When describing the project, there is a focus on the specifics of the educational interaction “student-philologist - foreign student”: the difficulties (methodological, organizational) which faced by the students-practitioners are analyzed, as well as some linguocultural peculiarities of foreign students, conditioned by their national and educational tradition.

Keywords: Russian as a foreign language, pedagogical project, teaching internship, educational interaction, professional and pedagogical tasks

For citation: Krotova A.G. Student pedagogical project on RKI (Russian as a foreign language) as a special form of educational interaction. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):95—103. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-95-103.

Положение русского языка на постсоветском пространстве сегодня нельзя назвать устойчивым. Русский язык имеет разный статус в бывших союзных республиках: государственный язык в Белоруссии, официальный язык в Казахстане и Киргизии, язык межнационального общения в Таджикистане. Отдельно упомянут, но без закрепления какого-либо статуса русский язык в конституции Молдавии. В конституциях Узбекистана, Туркмени, Азербайджана, Грузии, Армении, странах Балтии русский язык не упоминается вообще и, следовательно, особого статуса не имеет.

Экспертами Института русского языка имени А. С. Пушкина был рассчитан индекс устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) — интегральный показатель, основанный на анализе данных сферы государственных и общественных коммуникаций, науки и образования, который показывает, что русский язык наиболее устойчив в Республике Беларусь (14,29), Киргизской Республике (6,67), Республике Казахстан (6,25). Наименьший показатель УС-Индекса русский язык имеет в Литве (2,13). К этому значению приближается значение УС-Индекса в Грузии (2,38), Туркменистане (2,78), на Украине и в Эстонии (2,86).

В исследовании также отмечается, что, несмотря на непростую геополитическую ситуацию, русский язык и русскоязычное образование продолжают играть заметную роль в образовательном пространстве СНГ. В ряде стран (Абхазия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Южная Осетия) позиции русского языка как языка образования традиционно сильны, в другой группе стран (Азербайджан, Армения, Таджикистан, Узбекистан) русский язык занимает меньшую, но также стабильную нишу. При этом наиболее популярными вузовскими специальностями являются специальности инженерно-технологического направления, медицина и фармакология, экономика и управление, образование и педагогика [1].

Одной из форм взаимодействия российских университетов и вузов бывших советских республик является создание и реализация сетевых (совместных) образовательных программ, которые, позволяют организовать обучение с использованием ресурсов нескольких организаций, в том числе иностранных. Участие в таких программах дает возможность студентам развивать не только профессиональные компетенции, но и социокультурные, межкультурные и коммуникативные навыки, связанные с умениями работать в международной команде, толерантно воспринимать чужую культуру, адаптироваться в инокультурной среде, общаться на иностранном языке на различные темы, как бытовые, так и профессиональные.

Новосибирский государственный технический университет (НГТУ) реализует несколько таких программ, в том числе совместно с вузами из стран ближнего зарубежья: Казахстана (Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева) и Узбекистана (Ферганский политехнический институт). Обучение по этим программам ведется на русском языке, что является определенной проблемой для иностранцев, приехавших в НГТУ. В связи с этим возникает необходимость проведения

адаптационного и/или коррективочного курса русского языка как иностранного/неродного для данной категории студентов.

Кафедра филологии НГТУ с 2021 г. разрабатывает и реализует такой курс силами магистрантов и студентов-филологов старших курсов специализации «Методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ)», проходящих производственную практику. Такая форма практической подготовки позволяет начинающим преподавателям РКИ развить необходимые компетенции в условиях, приближенных к реальным, что, безусловно, очень ценно для их будущей профессиональной деятельности. В профессиограмме современного учителя иностранного языка отмечается, что «интегральным показателем качества профессионального образования является профессиональная компетентность, которая определяется через совокупность способностей, качеств, ценностных ориентаций, позволяющих человеку мобилизовать (разрядка наша. — А. К.) в конкретной ситуации имеющиеся знания, умения и опыт деятельности» [2]. Думаем, что участие в подобном проекте мобилизует и активизирует студентов-практикантов, заставляет их активно осмысливать свою деятельность, осознавать себя в ней и, возможно, способствует принятию решения об их профессиональном будущем.

Таким образом, адаптационно-коррективочный курс русского языка для иностранцев, принимающих участие в сетевых образовательных программах, является, по сути, учебным педагогическим проектом для студентов-филологов — будущих преподавателей РКИ. Соответственно, цели данного проекта: с одной стороны, развитие социокультурной и коммуникативной компетенций иностранцев, изучающих русский язык; с другой стороны, развитие профессиональных (методическая, психолого-педагогическая, стратегическая, социокультурная, коммуникативная и др.) компетенций студентов-филологов, преподающих русский язык [3].

Уточним, что мы рассматриваем данный проект как педагогический, поскольку перед практикантами стоит конкретная педагогическая задача, обусловленная временем (семестр), местом (НГТУ) и адресатом (студенты-иностранцы, обучающиеся в рамках сетевых образовательных программ) предполагаемого педагогического взаимодействия. Сами практиканты, являясь субъектами педагогической деятельности — преподавателями, выступают активными участниками проекта. Курируют проект сотрудники кафедры филологии, оказывающие методическую, информационную, организационную поддержку и выполняющие контролирующую функцию. Позицию координатора и наблюдателя занимает международный отдел НГТУ.

Важно подчеркнуть, что этапы данного проекта соотносятся с алгоритмом решения педагогических задач, который, в свою очередь, сводится к психологической структуре деятельности как таковой: 1) ориентировке в условиях деятельности, 2) выработке плана в соответствии с результатом ориентировки, 3) реализации этого плана и 4) контролю. На каждом этапе проекта практиканты решают целый комплекс педагогических задач, которые, как представляется, и формируют их будущий профессиональный профиль. По мнению В. В. Молчановского и Л. Шипелевич, к таким задачам относятся:

1. Функциональные задачи, связанные с профессиональными обязанностями преподавателя РКИ:

- задачи обучения коммуникативной деятельности;
- информационно-ретрансляционные задачи;
- задачи использования и адаптации средств обучения (инструментально-адаптационные задачи);
- мотивационно-стимулирующие задачи;
- задачи профессиональной самореализации и саморазвития преподавателя.

2. Стадиальные задачи, реализуемые на различных этапах профессионально-педагогической деятельности:

- гностические задачи;
- конструктивно-проектировочные задачи;
- организационные задачи;
- профессионально-коммуникативные задачи (задачи педагогического общения) [4].

Предполагается, что к началу практики студенты 4-го курса уже освоили большую часть общефилологических и необходимый минимум специальных дисциплин, таких как «Основы методики преподавания РКИ», «Виды речевой деятельности в преподавании РКИ», «Аспекты языка в обучении РКИ», «Организация учебного процесса по русскому языку как иностранному». Магистранты 2-го курса владеют более широким набором необходимых знаний, умений, навыков в области преподавания РКИ, имеют опыт практической деятельности, поэтому именно они готовят тесты и проводят входное тестирование, участвуют в формировании групп иностранцев в соответствии с их уровнем владения языком.

Таким образом, структура и содержание реализуемого нами учебного педагогического проекта, его функциональные установки имеют следующий вид.

1. Организационное собрание с практикантами.

Задачи этапа:

- познакомиться с целями, задачами, содержанием проекта;
- создать психологический настрой и необходимые установки для будущей профессиональной деятельности.

Профессионально-педагогические задачи: гностические, мотивационно-стимулирующие.

2. Разработка теста и проведение тестирования иностранцев.

Задачи этапа:

- научиться составлять входной тест по РКИ с учетом имеющихся знаний о национально-культурной и профессиональной специфике иностранцев, желающих изучать русский язык;
- провести входное тестирование: уметь объяснять задания, отвечать на вопросы, контролировать выполнение, следить за дисциплиной.

Профессионально-педагогические задачи: гностические, конструктивно-проектировочные.

3. Распределение иностранцев по группам в соответствии с уровнем владения русским языком; распределение студентов-практикантов по парам и закрепление их за группами иностранных студентов.

Задачи этапа:

- аналитические и организационные навыки;
- активизировать умения работать в команде, эффективно взаимодействовать друг с другом.

Профессионально-педагогические задачи: гностические, конструктивно-проектировочные.

4. Разработка учебно-тематического плана занятий, подбор необходимых средств обучения (УМК, учебники, учебные пособия, ИКТ и пр.).

Задачи этапа:

- развить умение проектировать и планировать учебно-педагогическую деятельность с учетом национально-культурной, профессиональной специфики, а также уровня владения языком иностранцев, желающих изучать русский язык;
- уместно и целесообразно планировать использование различных средств обучения РКИ.

Профессионально-педагогические задачи: гностические, конструктивно-проектировочные, инструментально-адаптационные.

5. Проведение занятий с иностранными студентами.

Задачи этапа: комплекс методических задач, связанных с организацией и проведением занятий по РКИ, в том числе развитие умений:

- планировать, моделировать, проводить учебное занятие по РКИ;
- отбирать, адаптировать и использовать учебные средства обучения русскому языку как иностранному;
- анализировать собственную деятельность и деятельность учащихся на занятии и вне его;
- корректировать свою деятельность и деятельность учащихся в соответствии с текущими запросами.

Профессионально-педагогические задачи: все функциональные и стадийные задачи.

6. Участие в промежуточном анкетировании практикантов.

Задачи этапа:

- оценивать адекватность своей деятельности с точки зрения лингводидактической теории, целей и задач обучения и плана реализации педагогического проекта;
- анализировать и оценивать процесс обучения, оперативно перестраивать намеченный план, исходя из сложившейся ситуации;
- обнаруживать, обсуждать и решать возникающие проблемы (методические, технические, организационные, коммуникативные и др.).

Профессионально-педагогические задачи: гностические, задачи профессиональной самореализации и саморазвития преподавателя, профессионально-коммуникативные задачи.

7. Проведение контрольного мероприятия и итогового анкетирования студентов-иностранцев (в учебных группах).

Задачи этапа:

- планировать, разрабатывать и проводить различные виды контролируемых мероприятий (тестирование, анкетирование, опрос, контрольные работы);
- соотносить цели и задачи обучения с полученными результатами, делать выводы об успешности/неуспешности выбранной стратегии обучения, обнаруживать и анализировать проблемные области в собственной деятельности и деятельности учащихся.

Профессионально-педагогические задачи: все функциональные и стадийные задачи.

8. Проведение внеаудиторного мероприятия.

Задачи этапа: планировать, организовывать, проводить и оценивать внеаудиторное мероприятие с иностранцами, изучающими русский язык.

Профессионально-педагогические задачи: все функциональные и стадийные задачи.

9. Подготовка и защита отчетов по результатам практики (проекта).

Задачи этапа:

- анализировать свою методическую деятельность: осуществлять самоанализ и саморефлексию относительно проведенных занятий, внеаудиторного мероприятия, проекта в целом;
- оценивать эффективность проделанной работы, намечать пути развития своих профессиональных компетенций.

Профессионально-педагогические задачи: гностические, задачи профессиональной самореализации и саморазвития преподавателя, профессионально-коммуникативные задачи.

В зависимости от цели проекта его результаты различны:

- 1) с позиции студентов-иностранцев — улучшение владения русским языком, снятие некоторых языковых, коммуникативных, возможно, культурных барьеров;

2) с позиции преподавателей-практикантов — развитие компетенций в области преподавания РКИ, реальное погружение в профессию, понимание плюсов и минусов выбранного профессионального пути.

Считаем, что подобная структура и содержание проекта приближают его к настоящей педагогической деятельности, моделируя процесс обучения, системообразующими понятиями которого, как известно, являются цель обучения, деятельность преподавателя, деятельность учащегося и результат обучения. Объединяющее начало всех компонентов учебного процесса — совместная учебная деятельность преподавателя и учащихся [5] — имеет в описываемом проекте определенную специфику.

Студенты-практиканты отмечали, что переключение с роли студента на роль преподавателя давалось им нелегко. Здесь и далее приведены цитаты из промежуточных и итоговых анкет, которые заполняли участники проекта: «я не ощущала себя уверенно в новом статусе, думаю, что иностранцы это тоже чувствовали», «некоторые мои ученики намного старше, и мне кажется, что я для них не авторитет», «на мои замечания они часто не реагируют и продолжают общаться на родном языке». Ответы практикантов показывают, что неуверенность в себе как в преподавателе присутствует на уровне самоощущения (страх, сомнение в собственных силах) и, более того, подкрепляется поведением учащихся (игнорирование просьб, пропуски и опоздания, нарушение дистанции и субординации на занятии и вне его). Однако стоит отметить, что в итоговых анкетах прослеживалась положительная динамика: почти все практиканты с удовлетворением констатировали, что смогли преодолеть собственную неуверенность и наладить контакт с иностранными студентами.

Для иностранцев, большую часть которых составляли узбеки, такой опыт учебного взаимодействия также был нов и необычен. Студенты-практиканты сделали следующие наблюдения:

— работа в малых группах (4—6 человек) не принята на занятиях по русскому языку в Узбекистане;

— коммуникативные задания и упражнения непривычны для узбекской аудитории, но при должной организации и психологическом настрое нравятся студентам;

— узбеки довольно закрыты в общении; они вежливы, но отстраненны, редко вступают в дискуссию и склонны скорее соглашаться, чем спорить;

— для студентов из Узбекистана очень важен их статус среди соотечественников, поэтому похвала или критика может быть достаточно сильным мотивирующим фактором.

Что касается содержания обучения, то студентов-иностранцев больше интересовала бытовая сфера общения и социально-общественная проблематика, нежели язык специальности, с которым, по исходным данным, у них наблюдаются серьезные проблемы. Многие студенты нуждались в корректировочном курсе грамматики, причем часто начиная с базовых тем одушевленности/неодушевленности и рода. Некоторые проявляли живой интерес к особым случаям русской грамматики, с удовольствием сравнивали родной язык с русским, благодаря чему студенты-практиканты узнали много нового об узбекском языке.

В целом родная культура и родной язык для студентов-узбеков имеют огромное значение и являются отличным материалом для обсуждения и налаживания контакта. При этом наши наблюдения подтверждают мнение В. В. Чеховича о том, что преподавателю не следует поднимать вопросы, являющиеся проблемными для республики Узбекистан, так как в таком случае студент замыкается и отказывается от продолжения разговора [6].

Принципиально важным было проведение внеаудиторного мероприятия, направленного на преодоление коммуникативных и социокультурных трудностей как у студентов-иностранцев, так и у студентов-практикантов,

которые часто отмечали, что «подготовка и проведение такого мероприятия потребовали значительных усилий и времени», а также удивлялись тому, «что внеаудиторное мероприятие требует такого же тщательного планирования, как и занятия». Согласимся с Д. Д. Дмитриевой, подчеркивающей, что во внеаудиторное время у студентов-иностранцев появляется возможность сотрудничества и общения в непринуждённой обстановке с русскими студентами, и это, в свою очередь, способствует формированию у них истинной внутренней мотивации к изучению русского языка, а также их аккультурации [7].

Студенты-практиканты в своих анкетах и отчетах указывали на ряд методических и организационных проблем, с которыми они столкнулись в ходе реализации проекта. К основным методическим проблемам отнесем:

- расхождение между уровнями владения грамматическими и лексическими средствами общения (словарный запас, особенно пассивный, большой, грамматика же может быть на элементарном уровне);

- неумение (или нежелание) изучать и осмысливать теоретический материал (например, грамматические таблицы), при этом интерес, увлеченность при выполнении тренировочных заданий и упражнений;

- разноуровневые группы, несмотря на их формирование с учетом результатов входного тестирования, и различные запросы на изучение русского языка, несмотря на обучение в рамках одной сетевой образовательной программы.

Интересно, что студенты-практиканты не испытывали значительных трудностей с подбором средств обучения и учебного материала: они активно использовали существующие учебники и учебные пособия по РКИ, сами создавали рабочие листы и презентации.

Как кажется, национально обусловленными помехами в учебном взаимодействии можно считать непонимание и/или системное нарушение иностранцами этикетных норм, как речевых, так и поведенческих: например, неразграничение ими ты- и вы-общения, неумение вести этикетную беседу, постоянные опоздания на 20—40 минут или пропуски без предупреждения.

К организационным недочетам можно отнести проблемы, связанные с необходимостью постоянно распечатывать материалы (нет единого учебника), отсутствием закрепленной аудитории для проведения занятий, обязанностью студента-практиканта самому составлять удобное для всей учебной группы расписание и др. Но, как отмечают специалисты, многие из этих проблем отражают, по сути, реальную деятельность преподавателя, который, особенно в системе неформального образования, должен проявлять гибкость, мобильность и клиентоориентированность, что может быть достигнуто при совмещении профессий лингвиста, методиста, андрагога, психолога, менеджера, маркетолога, разработчика учебного контента [8].

Для того чтобы разрешить некоторые методические проблемы и ответить на возникающие вопросы, для студентов-практикантов были организованы онлайн-встречи со специалистами, преподающими русский язык в Узбекистане (в Каракалпакском государственном университете им. Бердаха), которые, помимо прочего, обозначили следующие причины проблем с русским языком у студентов-узбеков:

- сокращение количества часов на изучение русского языка на неязыковых факультетах;

- несоответствие уровня владения языком учащимися вузовской программе по русскому языку;

- наличие в одной учебной группе студентов с разным уровнем владения русским языком;

- большое количество студентов в языковой группе;

- отсутствие желания изучать язык из-за усложненной и перегруженной программы по русскому языку в неязыковых вузах [9].

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на все трудности, проблемы и недочеты, данный учебный педагогический проект, с одной стороны, является удачным форматом проведения производственной практики будущих преподавателей РКИ, а с другой стороны, интересным и, хочется надеяться, полезным опытом изучения русского языка студентами-иностранцами НГТУ, обучающимися в рамках сетевых образовательных программ.

Список литературы

1. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель; под ред. М. А. Осадчего. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с.
2. Бердичевский А. Л., Тарева Е. Г., Языкова Н. В. Профессиограмма современного учителя иностранного языка. М.: ФЛИНТА, 2021. 48 с.
3. Шибко Н. Л. Профессиональная компетенция преподавателя РКИ: проблема определения, содержания, структуры // Русский язык — первый язык общения в космосе: материалы между-нар. науч.-практ. конф., Витебск, 18—19 декабря 2007 г. / Витеб. гос. ун-т; отв. ред. И. Н. Потапов. Витебск, 2007. С. 149—155.
4. Молчановский В. В., Шипелевич Л. Преподаватель русского языка как иностранного. Введение в специальность. М.: Русский язык, 2002. 320 с.
5. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов. М.: Филоматис, 2007. 480 с.
6. Чехович В. В. Особенности межкультурной коммуникации студентов среднего профессионального образования из Узбекистана // Общество. 2021. № 1 (20). С. 119—121.
7. Дмитриева Д. Д. Влияние внеаудиторной воспитательной работы на интенсификацию обучения русскому языку как иностранному (на примере кафедры русского языка и культуры речи КГМУ) // Балтийский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 3 (40). С. 9—12.
8. Занкова А. А. Преподаватель русского языка как иностранного в системе неформального образования в онлайн-среде // Преподаватель XXI век. 2019. № 1—1. С. 177—186.
9. Бекмуратова У. А. Учимся общаться, или Обучение студентов-каракалпаков видам речевой деятельности на русском языке в рамках самостоятельной работы // Язык — культура — образование: моногр. / под ред. С. В. Русановой. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. С. 167—174.

References

1. Osadchii M.A. (ed.) Indeks polozheniya russkogo yazyka v mire: indeks global'noi konkurentosposobnosti (GK-Indeks), indeks ustoichivosti v stranakh postsovetского prostranstva (US-Indeks) [Index of the position of the Russian language in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (RS-Index)], issue 2. Moscow, Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, 2022. 60 p.
2. Berdichevskii A.L., Tareva E.G., Yazykova N.V. Professiogramma sovremennogo uchitelya inostrannogo yazyka [Professionalogram of a modern foreign language teacher]. Moscow, FLINTA, 2021, 48 p.
3. Shibko N.L. Professional'naya kompetentsiya prepodavatelya RKI: problema opredele-niya, soderzhaniya, struktury [Professional competence of a teacher of Russian language teaching: the problem of definition, content, structure], Potapov I.N. (ed.) *Russkii yazyk — pervyi yazyk obshcheniya v kosmose* [Russian is the first language of communication in space], materialy mezhdu-narodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vitebsk, 18—19 dekabrya 2007 g. Vitebsk, 2007, pp. 149—155.
4. Molchanovskii V.V., Shipelovich L. Prepodavatel' russkogo yazyka kak inostrannogo. Vvedenie v spetsial'nost' [Teacher of Russian as a foreign language. Introduction to the specialty]. Moscow, Russkii yazyk, 2002, 320 p.
5. Shchukin A.N. Obuchenie inostrannym yazykam: teoriya i praktika [Foreign language teaching: theory and practice: textbook for teachers and students], uchebnoe posobie dlya prepodavatelei i studentov. Moscow, Filomatis, 2007, 480 p.
6. Chekhovich V.V. Osobennosti mezhkul'turnoi kommunikatsii studentov srednego profes-sional'nogo obrazovaniya iz Uzbekistana [Features of intercultural communication of students of secondary vocational education from Uzbekistan], *Obshchestvo* [Society], 2021, no. 1 (20), pp. 119—121.
7. Dmitrieva D.D. Vliyanie vneauditornoi vospitatel'noi raboty na intensifikatsiyu obucheniya russko-mu yazyku kak inostrannomu (na primere kafedry russkogo yazyka i kul'tury rechi KGMU) [Influ-

- ence of extracurricular educational work on intensification of teaching Russian as a foreign language (on the example of the Department of Russian Language and Culture of Speech of KSMU)], *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*, 2022, vol. 11, no. 3 (40), pp. 9—12.
8. Zankova A.A. Prepodavatel' russkogo yazyka kak inostrannogo v sisteme neformal'no-go obrazovaniya v onlainsrede [The teacher of Russian as a foreign language in the system of non-formal education in the online environment], *Prepodavatel' XXI vek [21st Century Educator]*, 2019, no. 1—1, pp. 177—186.
9. Bekmuratova U.A. Uchimsya obshchat'sya, ili Obuchenie studentov-karakalpakov vidam rechevoi deyatel'nosti na russkom yazyke v ramkakh samostoyatel'noi raboty [Learning to communicate, or Teaching Karakalpak students speech activities in Russian in the framework of independent work], Rusanova S.V. (ed.) *Yazyk — kul'tura — obrazovanie [Language — culture — education]*, monografiya. Novosibirsk, Publ. NGTU, 2021, pp. 167—174.

Информация об авторах

Кротова Анастасия Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: krotova@corp.nstu.ru

Information about the authors

Anastasiya G. Krotova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: krotova@corp.nstu.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ STATEHOOD IN THE POST-SOVIET SPACE

Siberia Humanitarian. 2023;(3):104—115.
Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 104—115.

Statehood in the post-Soviet space

Original article
УДК 32(575.3)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-104-115

The specificity of acquisition of state independence in the Central Asian Republics

Zulfiya M. Kurbonova

Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan, zukurbonova@mail.ru.
<https://orcid.org/0000-0003-3079-2419>

Abstract. The author of the article shows how difficult and specific was the path of independence of Central Asian states. After the collapse of the USSR, the independent states of the region, which had never solved domestic political issues on their own, faced many different problems. History has shown who gained independence and by what means. From both theoretical and practical points of view, all the new five states were not ready to become independent. The most bitter and bloody path was taken by Tajikistan, which was dragged into civil war for five years. Each state in the Central Asian region, which has similar traditions and culture to its neighbors, followed its own unique path of development. At the same time, all states of the Central Asian region have faced identical internal political problems: the threat of Islamic radicalism, socio-economic and intra-confessional problems, and problems of extremism, terrorism and separatism. The problem of Islamic radicalism has become particularly acute in Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. Along with internal political and internal economic problems, the newly independent states have also faced foreign policy problems, namely border settlement and water and energy regulation. At present, the region is emphasizing the establishment of close cooperation between the newly independent states.

Keywords: Central Asian region, issues of self-preservation, security issues, domestic and foreign policy

For citation: Kurbonova Z.M. The specificity of acquisition of state independence in the Central Asian Republics. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):104—115. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-104-115.

Государственность на постсоветском пространстве

Научная статья

Специфика обретения государственной независимости центральноазиатскими республиками

Зульфия Махманабиевна Курбонова

Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан,
zukurbonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3079-2419>

Аннотация. Автор статьи показывает, насколько нелегким и специфичным оказался путь становления независимости центральноазиатских государств. После распада СССР обретшие независимость государства региона, которые никогда самостоятельно не решали внутривластные вопросы, столкнулись с множеством различных проблем. История показала, кому и каким путем досталась государственная независимость. И с теоретической и с практической точек зрения все новые пять государств не были готовы стать самостоятельными. Самый горький и кровавый путь достался Таджикистану, который на долгие пять лет был втянут в гражданскую войну. Каждое государство Центрально-Азиатского региона, имеющее схожие с соседними государствами традиции и культуру, пошло по своему уникальному пути развития. При этом все государства Центрально-Азиатского региона столкнулись с идентичными внутривластными проблемами: с угрозой исламского радикализма, социально-экономическими, внутриконфессиональными проблемами, проблемами экстремизма, терроризма, сепаратизма. Особую остроту проблема исламского радикализма приобрела в Таджикистане, Узбекистане и Киргизстане. Наряду с внутривластными и внутриэкономическими перед новыми независимыми государствами встали и внешнеполитические проблемы, а именно вопросы пограничного урегулирования, водно-энергетического регулирования. В настоящее время в регионе сделан акцент на установление тесного взаимодействия между новыми независимыми государствами.

Ключевые слова: регион Центральной Азии, вопросы самосохранения, проблемы безопасности, внутренняя и внешняя политика

Для цитирования: Курбонова З. М. Специфика обретения государственной независимости центральноазиатскими республиками // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 104—115. (на англ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-104-115.

For most of the 20th century, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Uzbekistan were republics of the Soviet Union. Moscow controlled their political and economic development for decades, which did not give them a chance of self-government. When the Iron Curtain fell, the five countries were ill-prepared for a smooth transition from the old communist regime to democracy.

After the collapse of the Soviet Union in the 1990s, Central Asia was indeed considered one of the most underdeveloped, backward parts of Asia. These are traditional societies where there is no meaningful civil society that will put pressure on those in power to carry out reforms, and also, of course, the leadership has an obligation to use all means at their disposal to suppress any political pluralism or any dissent [1, c. 212].

Most people in the region do not consider themselves citizens of a single nation, but identify themselves with their families, clans, tribes, localities, or religions, and many Central Asian institutions date back to a feudal past.

These societies are largely based on kinship lines, and this social organization is very different from the more individualistic Western society. These social differences play into how institutions work, how government works, and how corruption is perceived. Business-based opposition has more potential in Kazakhstan. Tajikistan and Kyrgyzstan are more pluralistic than Uzbekistan and Turkmenistan. Kyrgyzstan went through “color revolutions”. Many researchers have

suggested that this was not a revolution, but a change of elites. But at least there has been a change of government in Kyrgyzstan, which is not seen in most other Central Asian countries.

Slow economic progress and a growing gap between the wealthy elites and the vast majority of the poor are fueling unrest in the region. Poverty, combined with a lack of institutionalized means of dissent, creates fertile ground for radical Islam [2].

The Central Asian region has been disappointing in terms of democracy building. In fact, the situation seems to be getting worse every year. Initially, Kazakhstan and Kyrgyzstan seemed to be making steady progress in developing democratic or quasi-democratic politics, but over the past two years' regimes in each country have become more authoritarian. From the very beginning Uzbekistan and Turkmenistan had strong rulers. Hopes of achieving a political opening in the first case were largely dashed after the February 1999 bombings in Tashkent.

The main reason why democracies have not developed in Central Asia is that the leaders of the region do not want it. They portray their population as unprepared for democracy, politically immature and capable of succumbing to extreme ideologies. In addition, the leaders of this region claim that the people respect strong rulers and love them [3, c. 14].

Most importantly, they argue that the region is too volatile to allow the risk of population empowerment. The latter explanation has become more popular given the apparently deteriorating security situation in and around the region. All leaders in the region argue that security concerns are of paramount importance and that the first task facing the state is to maintain stability and public order. Decisions about economic reform and building political institutions are regularly subjected to the litmus test of whether political initiatives can help the government keep the peace [4].

However, those in power invariably believe that their continuation in office is inseparable from the cause of stability. This is partly because they see themselves as the best fit to rule, but in many cases it's also because they don't want to lose the benefits of power. The latter allowed each of these people to enrich themselves, their families and their close friends. The abuse with which this occurred varied from country to country, but the pattern is regional. This, of course, exposes governments to the potential risk of their populations, especially if living conditions deteriorate. Alternative elites, denied any opportunity to share economic and political power, can take advantage of popular discontent. Thus, the behavior of leaders can have a powerful influence on the nature of security threats in the region.

The level of readiness for democratic institution-building and the level of public participation in dealing with civil society issues varied significantly in different countries. Unfortunately, many of the supporting structures needed to build a democracy are disappearing in these countries every year, including the dedicated elite and institutions needed to sustain a pluralistic or democratic society. The implications of this decision are still unclear, but they will be tested as each of the current leaders inevitably retires from the political scene. Each country's response to this challenge is likely to be quite different [5, c. 168].

All five CAR countries are becoming more and more unique. Much of this is due to the various choices regarding political, economic and social reforms. Decisions to limit democratization have reduced the number of political stakeholders in each of these societies. There is also an implicit link between political and economic reform. Economic reform also creates new political stakeholders, and the structure of economic restructuring has changed significantly. Decisions are also being made to empower traditional institutions and local governments. Thus, the potential consequences of current failures in democratic institution building vary from country to country. In general, what happens inside the country is more important than events outside it. However, important interdependen-

cies also exist across the region, and disruptions in one state can create new risks in neighboring countries.

Tajikistan. In many ways, Tajikistan has made the most progress in building a civil society, in large part because the only way out of the crisis created by the civil war was to form a coalition government. The civil war itself was partly the result of the desire of certain elite groups (including around the incumbent President Emomali Rahmon) to avoid power-sharing arrangements, especially with the Islamists. The government in Dushanbe also exercises very little control over the country's Pamir population (who live in the Badakhshan region). Tajikistan also has the most criminalized economy in the region, creating clans within the state [6, c. 32].

Uzbekistan. Events in Uzbekistan will influence events in neighboring states. Ironically, events in the neighboring state played a disproportionate role in influencing the building of political institutions in Uzbekistan. The civil war in Tajikistan dealt a serious blow to efforts to build democracy in Uzbekistan. In the last years of Gorbachev's rule, there were many signs of political ferment in Uzbekistan, and the regime felt pressure from both secular nationalists and religious activists. Uzbekistan (and especially the Fergana Valley) was the center of the Islamic revival for the entire region. There were two major political factions, Erk and Birlik, each of which was a nascent political party. In addition, there were many divisions among the top ranks of the communist party elite, with most factions reflecting regional divisions [7].

In this respect, the political map of Uzbekistan was very similar to that of Tajikistan, although the economic, political and social structure of the Uzbeks was more complex than that of the Tajiks. Most importantly, however, the quality of leadership shown by Islam Karimov, who was already President of Uzbekistan at the time of independence, far surpassed that of his counterpart in Tajikistan (Kakhar Makhkamov), who resigned in September 1991, after massive political protests crippled the political life in the capital. Political unrest in Uzbekistan has never reached such feverish heights. At the same time, the government launched a targeted campaign against secular and religious political activists starting in 1992-1993.

In many ways, Uzbekistan has had the most sophisticated state-building model in the region, although it is far from clear whether it will be able to meet the challenges that the state faces. Karimov tried to institutionalize a system that has a strong man at the top who chooses regional rulers but then allows a certain range of autonomous action and reinforces traditional institutions. This model is designed to create a wide range of stakeholders in the regime, especially at the local level. Key to the model was Karimov's support for maintaining a strong social network that was meant to stimulate mass political allegiance. Local institutions (mahallas) have a greater responsibility for overseeing social security payments, making these local officials important stakeholders [8].

The system, however, depends on the state maintaining a certain threshold of economic productivity. While Uzbekistan's official GDP data suggests that the country has not experienced the same kind of economic downturn as many of its neighboring states, the facts say otherwise.

By supporting economic reforms, the government fueled elite discontent in favor of meeting perceived mass demand. They also made it difficult for an alternative political elite to achieve economic power, which added to their frustration.

Secular nationalists suffered from the restrictions that were placed on the development of independent civic and political institutions. Islamic opposition groups were forced to go underground or flee the country. Uzbekistan has a long and rich tradition of religious debate between Islamic radicals, modernists and traditionalists, which is now being stifled by the regime. The nature of religious opposition is such that anti-regime groups have been able to better position themselves than their secular counterparts. The number of Muslim followers of

fundamentalist ideologies has increased over the past few years as the first wave of revivalists prepared their successors, allowing the number of devout believers to expand geographically. It should not be assumed that all Islamic activists are potential terrorists, they are, but there is now a serious Islamic threat in Uzbekistan that did not exist before. Part of it is the neighborhood; Islamic activists were able to receive formal training to support underground organizations in Pakistan and Afghanistan. They also found new ways to self-finance through foreign aid and take initiatives from the drug trade [9, c. 21].

This does not mean that there will be a religious revolution in Uzbekistan or that it must suppress religious opposition. In fact, quite the opposite. One of the main victims of the dispersal of Uzbekistan by unauthorized political groups is that there is still no natural agreement between the secular and religious traditions of the country. Theoretically, they can exist in relatively convenient and close proximity, but in practice the government's efforts to regulate religious life make relations between them more tense.

As a result, religious themes are much more likely to be used as a way to mobilize opposition to the regime among the population than they might otherwise be. It is not beyond the possibility that secular and religious opponents could make common cause with the weakened position of the former, increasing the likelihood that the latter would dominate.

Kyrgyzstan. The situation in Uzbekistan had a clear impact on developments in neighboring Kyrgyzstan. Southern Kyrgyzstan is very permeable, along the borders with Uzbekistan and Tajikistan. The risks associated with this permeability were clearly demonstrated during the Batken hostage crisis in the summer and fall of 1999, when a group of Uzbek militants held Kyrgyz and Japanese hostages in a remote mountainous region for several months [10—12].

These actions came at a time when the government of Kyrgyzstan was in the process of backtracking on its commitment to democratic principles and provided them with additional justification. The real motives for the Kyrgyz government's actions are indeed more complex. Like most of its neighbors, there was a nascent democratic movement in Kyrgyzstan at the time of independence, which was further supported by the putsch supporters within the Communist Party as it served their purpose in undermining the role of the leader of the Communist Party of Kyrgyzstan, Absamat Masaliev. After he came to power (by a vote of the Supreme Soviet in October 1990), Akayev became the leader of these groups, and even more in demand after the failed August 1991 coup.

Akaev, who was probably the most astute Western observer in the region, understood that advancing the cause of democracy in the country would work for both the national and his personal interests. This strategy worked for the first few years. Kyrgyzstan was considered a model in the region, a state committed to democratization and economic reform. This has led to much more than the average per capita foreign aid to the country and has attracted some foreign investment that might not have entered the country otherwise.

In the Kyrgyz context, the policy of political and economic reforms has significantly increased the number of stakeholders in the regime. Economic adjustment policies in Kyrgyzstan have had a positive impact, helping to stimulate some new business activity. The most promising reforms are in agriculture, as they create the possibility that the poorest part of the population will become economically self-sufficient.

Kazakhstan. Initially, until about 1995, the government of Kazakhstan pursued a policy of encouraging the development of pluralistic institutions, or at least did not actively attempt to limit their development [13].

Since then, the government has been on the defensive in the political arena, although it has significantly expanded the scale of independent economic activity. The executive power was strengthened, the legislative power was reduced, and the judiciary served the interests of the current regime. The Kazakh media is

also becoming less free. Economic reform has been episodic but largely linear, and it is now much easier for foreigners to do business in Kazakhstan than anywhere else in the region. This does not mean that the investment is safe or that the playing field is high. And here the presidential family is becoming more and more influential, as are those who are close to the "court". Currency is freely traded, property is relatively sacred, and the diversity of the economy is such that independent economic entities are beginning to develop throughout the country. Regional economies are also beginning to develop. So far, neither regions nor independent political entities have much political influence. They are also still too cautious to actively seek him out, but they are likely to be a force to be reckoned with as power begins to shift away from President Nazarbayev [13].

Much of Kazakhstan's future stability depends on the success of economic reforms. Growing criminalization of the economy is also a threat in Kazakhstan, although Kazakhstan is more off-limits to the risks of extremist or terrorist groups than other countries in the region. However, unrest in neighboring states could dim prospects for foreign investment in Kazakhstan and make the country's potentially diverse economy more dependent on oil and gas development, pipelines and pipeline policy. This will worry the country, as economic development is the best recipe for Kazakhstan's success and the possible development of a civil and pluralistic society.

Turkmenistan. In many ways, Turkmenistan is the opaqueness of all Central Asian countries. He has an anachronistic political system. Saparmurad Niyazov adopted the name Turkmenbashi (Head of the Turkmen) in the style of Atatürk, and created a cult of personality that made him more like a space-age version of the traditional medieval khan. His seventy-five-foot-tall golden likeness sits on the Arch of Neutrality, which rotates with the sun, casting Niyazov's shadow over much of downtown Ashgabat, the country's capital. The most prominent institutions are named after Niyazov, and his photograph is displayed at almost every important intersection and on all but the most insignificant of the Turkmen currencies. The media is tightly controlled and there is no intellectual life to speak of in the country [14].

In the early years of independence, when it seemed that oil and gas wealth was just around the corner and that there would be enough income to raise the general standard of living of this small, sparsely populated nation, the features of the Turkmen political system seemed less significant, a concern to potential political and economic stakeholders. There has never been much political opposition in that country, and Niyazov's rivals from the old communist party elite were forced to leave the country. The president has been able to use foreign interest in Turkmenistan's oil and gas resources to accumulate personal wealth for his family and close friends. However, other branches of the economy (notably the cotton sector) have allowed the leading regional families (often powerful due to their tribal origins) to continue to maintain some economic influence. Niyazov tried to keep them at arm's length by periodically turning cadres close to him (including members of these families), but these influential regional families are sure to try to assert their influence in any subsequent succession struggle. However, they will not have democratic institutions to use in these efforts [15, c. 81 ; 16].

The problem of authoritarianism in Central Asia is very complex. Its economic aspect shows that the presence of national ideologies based on the artificial combination of different ideas and views, along with the general economic underdevelopment of the region, under the auspices of protecting democracy, actually led to attempts by political groups to seize power in their own hands. The goal was simple: gain access to energy production and then redistribute very high incomes. The ideological aspect is that nationalism has become practically an official ideology in Central Asia, since authoritarianism, combined with ethnic nationalism, the criminalization of power and the underdevelopment of party systems, could not lead to anything else. A characteristic feature of the political sys-

tem: the presidential form of government, combined with authoritarianism, means constant changes in legislation for one's own convenience. Authoritarian regimes almost completely blocked political life in the region and created inefficient economic models.

Independence has brought many new problems to the states of Central Asia, and also increases the number of former crises and questions. At the same time, statehood means that the leaders of these former Soviet republics have new tools to try to solve these problems, but international assistance and statehood tools are often used unwisely or not to their full potential.

The biggest danger facing any of these states is not from Islam or the imperialism of any superpower in the region, but from the need to transfer power from current politicians to new politicians and a new generation. Few leaders are willing to voluntarily leave power, and this complicates the task of political and economic reform. Added to this are the challenges of national consolidation, which are yet to be faced everywhere, especially in Kyrgyzstan and Uzbekistan [3, c. 154].

Over the past decade, Russia, China, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Kazakhstan have been involved in negotiations to define their state borders. Strong politics, economic pressure, hidden backroom deals, nationalist sentiments, public discontent and an atmosphere of mutual distrust have characterized this process in their own way. A peaceful and transparent resolution of border issues will have a positive impact on regional security, economic cooperation, ethnic relations, and efforts to combat drug trafficking and religious extremism. But the process of resolving territorial disputes has not ended to this day, defining a new map of Central Asia [17].

Independence for the states of Central Asia has reopened a Pandora's box of border disputes. Many of the current difficulties can be attributed directly to the difficult Soviet legacy. Moscow established administrative boundaries for its Central Asian republics in the mid-1920s that followed neither natural geographic boundaries nor strict ethnic lines. Soviet planners often avoided creating more homogeneous or compact republics for fear that they would encourage separatism. In addition, given the highly centralized nature of Soviet planning, economic and transport links were designed to freely cross the borders of the republic. Goods moved mostly unhindered across these internal borders, and people would notice little more than a sign or a small police post as they moved between republics [18, c. 98].

All countries in the region are in a state of economic crisis and have a wide range of social problems. Political opposition became radical in some areas. Under these circumstances, tensions over borders are just another destabilizing issue in the complex political and security environment of the region. Solving these problems will require great perseverance, difficult compromises, intense international involvement and genuine creativity.

Recently, the focus in conflict situations in Central Asia has been on the sphere of water and energy problems, which can be explained by the specific geographical location of the region.

On the one hand, some states of the region depend on energy resources, and on the other hand, there are states that possess and import energy resources. Naturally, these conflicts can be managed, since states can determine mutual interests in negotiations. However, due to geographical conditions, a certain conflict potential will remain. This is why collaborative institutions and a climate of mutual trust are critical to preventing escalation.

At the same time, the second big topic is regional relations, primarily with Russia and China, an area for potential conflicts that naturally affect the region.

The important thing here is that China's foreign policy in Central Asia does not seem to be directed against Russia. Rather, it appears that Moscow and Beijing are cooperating to implement their policies. There is no threat of escalation in

these relations, but they still have conflict potential. And, of course, such projects as the New Silk Road affect the interests of Western powers in the region [19, c. 34].

If we consider the conflict potential in the region, then it is also necessary to take into account the development of neighboring states, namely Afghanistan and Iran. For example, in recent years, relations between Tajikistan and Iran have deteriorated sharply. And, of course, the conflict in Afghanistan affects the situation, especially in the border regions of Uzbekistan and Tajikistan.

A feature of both domestic politics and the socio-economic development of the region, the issue of presidential succession in countries such as Kazakhstan, and ethnic heterogeneity, for example, in Kyrgyzstan and Uzbekistan, can lead to instability. While it is important to note that, in particular, ethnic heterogeneity as such is not a driving force behind conflict, the question is how political elites deal with it and whether it creates group competition for limited resources or positions of power.

Finally, the reduction of space for civil society and political participation, as well as the restriction of freedom in Tajikistan, should be seen as a highly problematic development that increases tensions between the state and society.

The development of independent states in the post-Soviet space differs significantly from the European historical experience in almost all dimensions. This creates special and unique challenges for these new states.

First, sovereign territoriality was imposed by outside agents and events. The Central Asian states were formed as a result of Stalin's administrative decree during the Stalin era. Whereas Leninist nationalism was a transitory issue, but one that needs to be taken seriously for the time being. As a result, Moscow imposed arbitrary borders on the republics and autonomous territories. In Central Asia, as elsewhere in the USSR, state borders and ethnic composition, therefore, did not match. This was part of a deliberate strategy to reduce peripheral resistance.

Second, the sovereign states of Central Asia emerged from the collapse of the Soviet system, not from strong independence movements. Unlike the Baltics, Moldavia, and the states of the Transcaucasus, the Central Asian states gained their independence through imperial collapse rather than through interaction between that collapse and pro-independence nationalist mass movements.

Third, the Central Asian states appeared on the scene as late developers. They are newly formed political units in the current global system, where sovereign territorial rule is a prerequisite for recognition and respect from other states. Moreover, they face the problems of an established bureaucracy, as well as these countries are severely lacking an effective and strong government [20, c. 373].

For all these reasons, governments in Central Asia lack positive state capacity. The ability of Central Asian governments to make demands on their societies, and their legitimacy in this regard, is weak at best. Thus, the historical trajectory of Central Asia is the virtual opposite of the European one. Imperial dominance meant that the union republics did not have to mobilize their societies for frequent conflicts. When it was necessary to confront external enemies, Moscow was the center of identification. Consequently, during conflicts, the administrative power of the imperial center grew at the expense of peripheral divisions. Moreover, the governments of the union republics were economically involved in the division of labor, which was determined by the center.

Central Asia has once again become a geopolitical chessboard. Today's superpowers, the US, Russia and China, have much at stake in Central Asia. China is tapping into the region to use massive amounts of natural gas. Russia is increasing trade with many Central Asian countries for military and strategic purposes. The United States seeks to bring democracy and stability to Central Asia so that the region does not become a cradle of terrorism [21, c. 148].

And yet, what are the primary factors and causes that play a key role in super-power rivalry? Let's start in order.

Energetic resources. Central Asia has a huge reserve of natural gas. According to British Petroleum (BP), proven natural gas reserves in Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan are estimated at more than 700 trillion cubic feet, which can be considered the largest in the world. Turkmenistan is the sixth largest carrier of natural gas reserves in the world with over 618.1 trillion cubic feet.

Kazakhstan and Uzbekistan are also not far behind in terms of supplies. Kazakhstan has 45.7 trillion cubic meters. feet of proven gas reserves (about 1% of the world's gas reserves). Uzbekistan is estimated to have 39.7 trillion cubic feet of proven natural gas reserves. China is the largest consumer of natural gas in Central Asia. More than half of China's natural gas imports come from Turkmenistan. This represents 51.4% of Chinese natural gas imports. China is the main trading partner for Central Asia and can become the dominant economic influence in the region. Uzbekistan, Kazakhstan and especially Turkmenistan are important suppliers of natural gas to China. The China-Central Asia Natural Gas Pipeline is a group of four pipelines that run through Central Asia and deliver natural gas to China. China is diversifying the origins and routes of its gas pipelines to reduce its geopolitical influence and expand its presence in Central Asia. China and Russia signed a 30-year, \$400 billion natural gas deal. This deal allows Russia to withdraw from the European energy market. China benefits from diversifying sources of natural gas imports [22, c. 99].

In December 2010, the leaders of Turkmenistan, Afghanistan, Pakistan and India signed an agreement to build a gas pipeline from Turkmenistan to India. (TAPI Pipeline). The US strongly supports the pipeline as a way to diversify the flow of energy production in Central Asia. The US also approved the creation of a trans-Caspian gas pipeline linking natural gas in Central Asia with the European energy market. The US has said it supports the expansion and diversification of natural gas pipelines in Central Asia to meet global energy needs [21, c. 56].

Security. Central Asia is an extremely important region for the world's superpowers for national security purposes. The US wants stability and democracy in Central Asia in order to improve human rights and reduce hostility in Afghanistan and the region as a whole. US policy is to prevent radical terrorist groups from gaining control of the region. Russia seeks to increase its strategic influence in Central Asia in order to secure sources of energy and expand its sphere of influence. Over the past ten years, Russia has sought to strengthen its position in Central Asia through the use of economic and military agreements with the governments of Central Asian countries.

Democratization and human rights. Democratization is the process of transition from an authoritarian political regime to a democratic one. The countries of Central Asia have a long history of authoritarian governments. After the collapse of the Soviet Union, the communist leaders of most of these countries retained their power and suppressed any form of democracy. In 2011, then-Assistant Secretary of State Robert Blake said leaders in Central Asia were suspicious of democratic reform and, with few exceptions, maintained tight restrictions on political, social, religious and economic life in the countries. All CAR countries have an authoritarian regime. Although after the death of Saparmurat Niyazava and Islam Karimov, some of the cruel laws adopted by their predecessors were weakened. Tajik President Emomali Rahmon was elected in 1990. President of Tajikistan E. Rahmon remained in power, although he stated that in 2020-2021. give up power. Only in Kyrgyzstan, because of the color revolutions, the power is constantly changing [18, c. 100 ; 23].

Trade. The Central Asian republics have vast reserves of natural resources, but they could benefit greatly from increased foreign investment and additional infrastructure. Kazakhstan is the world's largest exporter of uranium. Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan have large deposits of gold and minerals. They are also major producers of cotton and wool. Turkmenistan and Kazakhstan export significant volumes of natural gas and oil. The US has consistently promoted

free market capitalism in Central Asia to open up new markets for US companies. The US maintains bilateral investment treaties with Kazakhstan and Kyrgyzstan. US trade with Central Asia accounts for less than 1% of global US trade. In 2013, the US imported oil refining equipment, agricultural products, fabrics, dried foods, and inorganic chemicals from Central Asia. The United States has exported civil aircraft, automobiles, oil and gas equipment, poultry farming and communications equipment to Central Asia. Currently, the largest trading partners in terms of volume in Central Asia are Russia, China, Turkey and Iran. Intra-regional trade will increase significantly thanks to open markets and local trade agreements. The New Silk Road Initiative was launched by the US in 2011 as a way to help integrate and connect Afghanistan and Central Asia with Europe and East Asia. The New Silk Road Initiative promotes economic ties in four key areas: regional energy markets, trade and transport, customs and border operations, and businesses and people [21, c. 148].

And finally, Central Asia will continue to be a huge energy supplier for China and Russia. The US will continue to support the creation of new gas pipelines connecting Central Asia with South Asia and Europe.

Russia is seeking support from regional leaders to create a military and economic layer in Central Asia. China is also using its economic influence to win significant privileges in Central Asia. The US is seeking greater security stabilization in the region to promote peace and democracy. Democratic reforms continue to be a problem in Central Asia. However, in the CAR, opposition political parties and international organizations do not have much influence on changing authoritative laws and stopping government corruption. Climate change in Central Asia is a growing threat due to water scarcity. The lack of water will cause the dense coastal environment to turn into a desert. Fishing and cotton growing will deteriorate due to lack of irrigation. Trade between the countries of Central Asia is extremely low. Intra-regional trade could expand exponentially. The creation of the New Silk Road initiative should help intra-regional trade, as well as strengthen the geopolitical role of Central Asia in Eurasia.

Список источников

1. СССР после распада / под общ. ред. О. Л. Маргания. СПб.: Экономическая школа ГУ ВШЭ, 2007. 570 с.
2. Масанов Н. Политическая и экономическая элита Казахстана // СА&C Press AB : [сайт]. URL: http://www.ca-c.org/journal/cac-01-1998/st_13_masanov.shtml (дата обращения: 05.09.2023).
3. Медушевский А. Н. Политические режимы Центральной Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 45—60.
4. Куртов А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная эволюция // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 2 (31). С. 2—10.
5. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии / Московский центр Карнеги; Фонд Карнеги за Международный мир. Москва; Вашингтон, 2005. 487 с.
6. Бородин Е. А. Геополитические аспекты развития Кыргызстана и политика России: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2012. 35 с.
7. Новикова Е. В Бишкеке пролилась кровь // Expert Online. 2010. 7 апр. URL: http://expert.ru/2010/04/07/prolilas_krov/ (дата обращения: 05.09.2023).
8. Республика Таджикистан // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансирования терроризма [сайт]. URL: <http://www.eurasiangroup.org/ru/Tajikistan.php> (дата обращения: 05.09.2023).
9. Урунов Р. А. Политическая элита Таджикистана на современном этапе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 26 с.
10. Малышева Д. Б. Конфликты на юге СНГ и на Ближнем и Среднем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 10. С. 32—45.
11. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: ежегодный доклад 2001 / под ред. В. А. Тишкова и Е. И. Филипповой. М., 2002. 354 с. // Демоскоп Weekly. 2003.

- № 101—102. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/biblio01.php> (дата обращения: 05.09.2023).
12. Разрешение и предупреждение конфликтов в СНГ: международный справочник организаций / ред. и сост. Л. О. Зими́на, Е. Ю. Садовская. Алматы, 2002. 504 с.
 13. Загорецкий М. Срок любит троицу // Коммерсантъ Деньги. 2008. 14 янв. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/840591> (дата обращения: 05.09.2023).
 14. Конституция Республики Туркменистан // Turkmenistan.ru : [сайт]. URL: http://www.turkmenistan.ru/?elem_id=2251&lang_id=ru&page_id=9&type=event (дата обращения: 05.09.2023).
 15. Рыблов В. Туркменская трагедия. М., 2003. 240 с.
 16. Сафронов Р. 10 лет забытому перевороту в Туркмении // Gundogar [сайт]. URL: <http://www.gundogar.org/?02470513106000000000000011000000>
 17. Беспорядки в Андижане (2005) // Академик [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/24537> (дата обращения: 05.09.2023).
 18. Кочнев А. В. Исламский экстремизм в Узбекистане // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции : материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 24 дек. 2015 г.) / [науч. ред. В. И. Михайленко]. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2016. С. 98—101.
 19. Гусейнов В. А. Центральная Азия: геополитика и экономика региона. М. : Красная звезда, 2010. 292 с.
 20. Абашин С.Н. Россия — Средняя Азия: политика и ислам. М., 2013. 480 с.
 21. Табышалиева А. Центральная Азия: новое пространство для сотрудничества. Бишкек, 2000. 148 с.
 22. Джекенкулов А. Кыргызская дипломатия в эпоху вызовов // В конце недели. 2006. 6 янв. С. 99.
 23. Террористические и экстремистские организации и материалы: единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Национального антитеррористического комитета: [сайт]. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения: 05.09.2023).

References

1. Marganiya O.L. (ed.) CCCR posle raspada [USSR after the collapse]. Saint-Petersburg, Ekonomicheskaya shkola GU VShE, 2007, 570 p.
2. Masanov N. Politicheskaya i ekonomicheskaya elita Kazakhstana [Political and economic elite of Kazakhstan], *CA&C Press AB*, sait. Available at: http://www.ca-c.org/journal/cac-01-1998/st_13_masanov.shtml (accessed: 05.09.2023).
3. Medushevskii A.N. Politicheskie rezhimy Tsentral'noi Azii: konstitutsionnye reformy v ramkakh avtoritarnoi modernizatsii [Political regimes of Central Asia: constitutional reforms within the framework of authoritarian modernization], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative constitutional review]*, 2012, no. 4, pp. 45—60.
4. Kurtov A. Demokratiya vyborov v Kazakhstane: avtoritarnaya evolyutsiya [Electoral democracy in Kazakhstan: authoritarian evolution], *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie [Constitutional law: Eastern European review]*, 2000, no. 2 (31), pp. 2—10.
5. Olcott M.B. Vtoroi shans Tsentral'noi Azii [A second chance for Central Asia]. Moscow ; Vashington, 2005, 487 p.
6. Borodin E.A. Geopoliticheskie aspekty razvitiya Kyrgyzstana i politika Rossii [Geopolitical aspects of Kyrgyzstan's development and Russia's policy], dr. polit. sci. diss. Abstr. Moscow, 2012, 35 p.
7. Novikova E.V. Bishkeke prolilas' krov' [Blood was spilled in Bishkek], *Expert Online*, 2010, 7 apr. Available at: http://expert.ru/2010/04/07/prolilas_krov/ (accessed: 05.09.2023).
8. Respublika Tadjikistan [Republic of Tajikistan], *Evrasiiskaya gruppа po protivodeistviyu legalizatsii prestupnykh dokhodov i finansirovaniya terrorizma [Eurasian group for combating money laundering and terrorist financing]*, sait. Available at: <http://www.eurasiangroup.org/ru/Tajikistan.php> (accessed: 05.09.2023).
9. Urunov R.A. Politicheskaya elita Tadjikistana na sovremennom etape [Political elite of Tajikistan at the present stage], Cand. polit. sci. diss. Moscow, 2011, 26 p.
10. Malysheva D.B. Konflikty na yuge SNG i na Blizhnem i Srednem Vostoke [Conflicts in the South of the CIS and the Near and Middle East], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 1995, no. 10, pp. 32—45.
11. Tishkov V. A. (ed.), Filippova E.I. (ed.) Mezhetnicheskie otnosheniya i konflikty v postsovetских gosudarstvakh, ezhegodnyi doklad. 2001 [Interethnic relations and conflicts in post-Soviet states: annual report 2001]. Moscow, 2002. 354 p., *Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]*, 2003,

- no. 101—102. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/biblio01.php> (accessed: 05.09.2023).
12. Zimina L.O. (ed.), Sadovskaya E.Yu. (ed.) Razreshenie i preduprezhdenie konfliktov v SNG: mezhdunarodnyi spravochnik organizatsii [Conflict resolution and prevention in the CIS: an international directory of organizations]. Almaty, 2002, 504 p.
13. Zagoretskii M. Srok lyubit troitsu [Deadline loves a trinity], *Kommersant* "Den'gi" [*Kommersant Money*], 2008, 14 yanv. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/840591> (accessed: 05.09.2023).
14. Konstitutsiya Respubliki Turkmenistan [Constitution of the Republic of Turkmenistan], *Turkmenistan.ru* [*Turkmenistan.ru*], sait. Available at: http://www.turkmenistan.ru/?elem_id=2251&lang_id=ru&page_id=9&type=event (accessed: 05.09.2023).
15. Ryblov V. Turkmen'skaya tragediya [Turkmen tragedy]. Moscow, 2003, 240 p.
16. Safronov R. 10 let zabytomu perevorotu v Turkmenii [10 years of the forgotten coup in Turkmenistan], *Gundogar*, sait. Available at: <http://www.gundogar.org/?02470513106000000000000011000000>
17. Beporyadki v Andizhane (2005) [Riots in Andijan (2005)], *Akademik* [*Academician*], sait. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/24537> (accessed: 05.09.2023).
18. Kochnev A.V. Islamskii ekstremizm v Uzbekistane [Islamic extremism in Uzbekistan], Mikhailenko V.I. (ed.) 70 let Yaltinskoi konferentsii stran antigitlerovskoi koalitsii [70th Anniversary of the Yalta conference of the anti-Hitler coalition countries], materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 24 dek. 2015 g.). Ekaterinburg, Publ. Ural'skogo universiteta, 2016, pp. 98—101.
19. Guseinov V.A. Tsentral'naya Aziya: geopolitika i ekonomika regiona [Central Asia: geopolitics and economics of the region]. Moscow, Krasnaya zvezda, 2010, 292 p.
20. Abashin S.N. Rossiya — Srednyaya Aziya: politika i islam [Russia — Central Asia: politics and Islam]. Moscow, 2013, 480 p.
21. Tabyshalieva A. Tsentral'naya Aziya: novoe prostranstvo dlya sotrudnichestva [Central Asia: a new space for cooperation]. Bishkek, 2000, 148 p.
22. Dzhekshenkulov A. Kyrgyzskaya diplomatiya v epokhu vyzovov [Kyrgyz diplomacy in an era of challenges], *V kontse nedeli* [*At the end of the week*], 2006, 6 yanv, pp. 99.
23. Terroristicheskie i ekstremistskie organizatsii i materialy: edinyi federal'nyi spisok organizatsii, v tom chisle inostrannykh i mezhdunarodnykh organizatsii, pri-znannykh v sootvetstvi s zakonodatel'stvom Rossiiskoi Federatsii terroristiche-skimi [Terrorist and extremist organizations and materials: unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation], *Natsional'nogo antiterroristicheskogo komitet* [*National Anti-Terrorism Committee*], sait. Available at: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (accessed: 05.09.2023).

Информация об авторе

Курбонова Зульфия Махманабиевна — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: zukurbonova@mail.ru

Information about the author

Zulfiya M. Kurbonova — Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and Diplomacy, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: zukurbonova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 14.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Государственность на постсоветском пространстве

Научная статья
УДК 327.8
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-116-121

Понятия «мягкая сила» и «гуманитарная дипломатия» в отечественной историографии

Алина Владимировна Казанцева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация,
lina.kazantseva.99@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются подходы к определению понятий «мягкая сила» и «гуманитарная дипломатия». Отмечается, что различия в определениях «мягкой силы» обусловлены национальными традициями понимания этого феномена. Описывается специфика западной и восточной концепций «мягкой силы». В западной трактовке «мягкая сила» представляет собой совокупность определенных инструментов, которые уже внедрены в систему коммуникаций государства. В восточной модели «мягкая сила» реализуется государством посредством трансляции культуры, а не политических или идеологических ценностей. В статье представлены подходы к пониманию гуманитарной дипломатии, а также рассмотрены основные вызовы, с которыми сталкивается мировое сообщество.

Ключевые слова: «мягкая сила», гуманитарная дипломатия, международное сотрудничество, внешняя политика, международные отношения

Для цитирования: Казанцева А. В. Понятия «мягкая сила» и «гуманитарная дипломатия» в отечественной историографии // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 116—121. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-116-121.

Statehood in the post-Soviet space

Original article

The concepts of “soft power” and “humanitarian diplomacy” in domestic historiography

Alina V. Kazantseva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, lina.kazantseva.99@mail.ru

Abstract. The paper considers approaches to the definition of the concepts of "soft power" and "humanitarian diplomacy". It is noted that the differences in the definitions of "soft power" are due to national traditions of understanding this phenomenon. The specifics of Western and Eastern concepts of "soft power" are described. In the Western interpretation "soft power" is a set of certain tools that are already implemented in the system of state communications. In the Eastern model, "soft power" is realized by the state through the transmission of culture rather than political or ideological values. The article presents approaches to understanding humanitarian diplomacy, as well as considers the main challenges faced by the global community.

Keywords: soft power, humanitarian diplomacy, international cooperation, foreign policy, international relations

For citation: Kazantseva A.V. The concepts of “soft power” and “humanitarian diplomacy” in domestic historiography. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):116—121. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-116-121.

Введение

Реалии XXI в. показывают нам, что, несмотря на провозглашение гуманизма и мирного решения конфликтов, в мире продолжают открытые столкновения. Тем важнее развивать инструменты «мягкой силы», которые играют значительную роль в системе международных отношений. Они пришли на смену так называемой жесткой силе, которая больше не удовлетворяет потребности государств во взаимодействии друг с другом. Кроме того, жесткие методы ведения внешней политики куда менее эффективны и более затратны. В настоящий момент государства прибегают к таким инструментам «мягкой силы», как гуманитарное сотрудничество, публичная дипломатия, культурные коммуникации и др.

Практика применения инструментов «мягкой силы», как и теоретическое осмысление самого феномена, берут свое начало на Западе. В 1990-х гг. Д. Най противопоставил «жесткой силе» (hard power) «мягкую» (soft power) и положил начало ее изучению [1]. Д. Най полагал, что «„мягкая сила” — «это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. <...> Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами» [2]. Ввиду того что автор концепции предложил очень обширное определение и часто использовал различные формулировки, появилось множество авторских трактовок.

Концепция «мягкой силы» не сразу была воспринята положительно, однако ее практическая значимость послужила толчком к изучению и описанию тех инструментов «мягкой силы», которые существовали на практике. Особое значение концепция приобрела после теракта 11 сентября 2001 г., когда возникла необходимость выстраивания влияния США на исламский, в особенности арабский мир. Также факторами популяризации «мягкой силы» в мире стали окончание холодной войны и формирование новой системы международных отношений, в первую очередь со странами постсоветского пространства [3]. В дальнейшем «мягкая сила» превратилась если не в обязательный, то в желаемый атрибут внешней политики развитых государств. Россия в данном случае не стала исключением.

«Мягкая сила» как инструмент влияния государства

Если говорить о сущности понятия «мягкая сила», то сегодня сложно дать единое полное определение. В широком смысле «мягкая сила» — это возможность воздействовать в своих интересах на стороннее государство посредством культурной, политической, ценностной привлекательности, а также возможность формировать положительный образ государства за рубежом. Ранее в российской и в зарубежной литературе можно было встретить сравнение «мягкой силы» с пропагандой. Такое понимание особенно часто встречалось у советских и российских авторов в конце XX в. [4]. Сегодня этот аспект практически ушел в прошлое. На данном этапе понимание «мягкой силы» расширилось до самостоятельной и немаловажной составляющей внешней политики государства.

Важно отметить, что понимание «мягкой силы» складывается в контексте того, как именно определенное государство ее использует в своей внешней политике. В западной трактовке «мягкая сила» выражена более конкретно, она представляет собой совокупность определенных инструментов, которые уже внедрены в систему коммуникаций государства. То есть описание постфактум. Большое значение в концепции западной «мягкой силы» имеет привлекательность идеологии, политических ценностей, институтов и иде-

алов (институты «настоящей» демократии, свободы слова, толерантности), которые США стремятся транслировать миру. Основная роль в реализации «мягкой силы» отводится неправительственным организациям, фондам и НКО [5]. Самым ярким примером является фонд Д. Сороса «Открытое общество»¹. Фонд функционирует по меньшей мере в 30 странах, в том числе в странах постсоветского пространства, где наращивает размеры своих грантов [6]. Фонд специализируется на грантах в области культуры, прав и свобод, равенства, защиты различных меньшинств, финансовой помощи СМИ. Еще одним институтом «мягкой силы» США является Агентство США по международному развитию (USAID)². Особенно активно Агентство действует на постсоветском пространстве (например, в Армении, Грузии). Финансирование программ USAID в 2019 г. составляло порядка 20 млрд долл. [7] Деятельность агентства включает в себя культурные программы, вопросы прав и свобод личности, демократизации и др.

В восточной модели, особенно китайской, «мягкая сила» реализуется государством посредством трансляции именно культуры, а не политических или идеологических ценностей. Она понимается как способ показать миру привлекательность страны без дискурса о «правильных» и «неправильных» формах государства. Немаловажной составляющей китайской «мягкой силы» являются предоставление финансовой помощи, а также экономическое взаимодействие в сфере образования [8]. Китайские инвестиции можно проследить во многих отраслях экономики стран Центральной Азии. Многие амбициозные проекты, такие как проект строительства железной дороги Китай — Киргизия — Узбекистан, Зеравшанской ГЭС, объектов социальной инфраструктуры — больниц, школ, создание образовательных центров (среди них, например, больничный комплекс в Оше, средние школы в Таджикистане, компьютерные классы некоторых школ Узбекистана и др.) [9], реализуются при финансовой протекции Китая. Особого внимания также заслуживает китайский пример оказания помощи в период пандемии ковида. Именно он способствовал тому, что пострадавшая репутация Китая как источника вируса была восстановлена. Более того, пример Китая с быстрым снижением заболеваемости, а также его меры борьбы с распространением вируса способствовали подъему интереса к Китаю и увеличению влияния Поднебесной в мире.

Таким образом, «мягкая сила» представляет собой неотъемлемую часть внешней политики современных государств. При этом сегодня можно четко проследить национальный окрас «мягкой силы».

Гуманитарная дипломатия как средство преодоления кризисов

Гуманитарная дипломатия в широком смысле слова представляет собой деятельность государства по обеспечению безопасности личности, защите собственных граждан и граждан иностранных государств, находящихся в уязвимом положении, а также по налаживанию многосторонних контактов с другими государствами в этой области.

В российской научной среде интерпретация понятия «гуманитарная дипломатия» нашла свое отражение в работах многих исследователей. Так, Е. С. Громогласова определяет гуманитарную дипломатию как «ненасильственную составляющую внешней политики, направленную на обеспечение безопасности и благополучия человека как биологической и социальной формы жизни» [10]. Можно сказать, что гуманитарная составляющая в политике представляется не столько классическими формами сотрудни-

¹ Фонд «Открытое общество» (Open Society Foundation) распоряжением Минюста России от 1 дек. 2015 г. № 1778-р включен в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

² Агентство США по международному развитию (USAID) с 1 октября 2012 г. по требованию МИД России прекратило работу в Российской Федерации.

чества в образовании, медицине, культуре и т. д., сколько формами обеспечения безопасности в кризисных ситуациях, а также защиты уязвимых слоев населения.

Международный комитет Красного Креста (МККК) разработал определение гуманитарной дипломатии, которое, как отмечает О. Н. Богатырева, «отражает его особый мандат в отношении жертв вооруженных конфликтов и ситуаций, связанных с применением насилия. Гуманитарная дипломатия рассматривается как „средство влияния на правительства, инструмент воздействия на мнения лидеров стран в интересах особенно уязвимой категории граждан в соответствии с фундаментальными гуманитарными принципами”» [11].

А. А. Великая подчеркивает значимость гуманитарного сотрудничества, определяя его как «эффективный инструмент международного взаимодействия, во многом определяющий престиж государства или объединения на мировой арене» [12]. Автор делает акцент на значимости научно-образовательной составляющей гуманитарного взаимодействия стран.

В рамках экспертной дискуссии круглого стола «Гуманитарная дипломатия и права человека: теория и практика» был высказан ряд подходов к видению гуманитарной дипломатии, среди них наиболее интересным представляются следующие трактовки. «...Гуманитарная дипломатия — это искусство перевода гуманитарных составляющих в политическую и практическую плоскости...». «...Концепт гуманитарной дипломатии направлен на реализацию нескольких модусов: 1) перцептивный — положительное восприятие на международном уровне страны/международной организации; 2) эмоциональный — помощь уязвимым слоям населения; забота об экологии; 3) логико-семантический — реализация и защита прав человека, выстраивание межкультурного диалога; предотвращение конфликтов» [13].

Гуманитарная дипломатия как отрасль международных отношений возникла в ответ на глобальные вызовы и кризисы. Каким же вызовам противостоит гуманитарная дипломатия? В первую очередь это производные от продовольственного и ресурсного дефицита (голод, нищета, неравенство, дефицит питьевой воды), а также природные катаклизмы и экологические кризисы (наводнения, землетрясения, пожары и др.). Также к вызовам можно отнести болезни, эпидемии, нехватку необходимых лекарств и медицинской помощи [14]. Особенно четко это прослеживается с 2019 г., когда пандемия ковида стала одним из самых ощутимых вызовом для гуманитарного сотрудничества в мире. Как итог — появление новой отрасли дипломатии — ковид-дипломатии, включившей обмен научными и медицинскими разработками в лечении вируса, поставки вакцины, средств индивидуальной защиты, приглашение врачей и медицинских специалистов. Вооруженные конфликты и рост числа беженцев — еще один глобальный вызов. Усилия гуманитарной дипломатии в этой отрасли направлены на защиту мирного населения, а также на деэскалацию конфликта и мирное урегулирование.

3 Заключение

«Мягкая сила» и гуманитарная дипломатия, по своей сути, явления не новые. Группы людей, будь то общины или государства, всегда стремились оказывать влияние друг на друга невоенным путем, так же как и оказывать помощь в кризисных ситуациях наименее защищенным слоям населения как в своих, так и в других странах. Со временем могут меняться формы воздействия, но цель остается прежней. Каждое государство стремится к поиску собственного, уникального комплекса мер по ненасильственной реализации своих интересов. И «мягкая сила», и гуманитарная дипломатия способствуют реализации этих интересов за счет привлекательности государства, его положительного образа на мировой арене. Однако эти понятия

не тождественны, «мягкая сила» включает в себе более широкий спектр задач и механизмов, чем гуманитарная дипломатия. И если деятельность по гуманитарному сотрудничеству активизируется в период обострения вызовов и кризисов, то инструменты «мягкой силы» должны действовать постоянно, более того, от степени упорядоченности и регулярности усилий в реализации мягкого влияния зависит их эффективность. «Мягкая сила» зачастую приобретает негативную коннотацию, так как воспринимается как иностранное вмешательство и даже пропаганда, в то время как гуманитарная дипломатия редко сталкивается с критикой. И наконец, гуманитарная дипломатия реализуется государственными усилиями и усилиями международных организаций, поддерживаемых правительствами (Международный комитет Красного Креста, Всемирная организация здравоохранения, «Гринпис» и др.), а «мягкая сила» опирается во многом на неформальные организации и гражданское общество (НКО, диаспоры, массовая культура).

Список литературы

1. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y. : Public Affairs, 2004. 366 p.
2. Мухаметов Р. С. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10. № 3. С. 46—57.
3. Шмидт С. Ф. Конфронтационная трактовка «мягкой силы»: трансформация американской концепции в России // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2022. Т. 29. С. 22—36.
4. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО—Университета*. 2017. № 3 (54). С. 212—223.
5. Полякова А. А. «Мягкая сила» в контексте внешней политики США: концептуально-теоретические аспекты // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2015. № 2. С. 91—102.
6. Кочетков А. П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2020. № 1. С. 19—30.
7. Матевосян А. Т. Особенности реализации «мягкой силы» США в Армении посредством Агентства США по международному развитию (USAID) // *Социально-гуманитарные знания*. 2021. № 4. С. 348—354.
8. Семедов С. А. Специфика «мягкой силы» КНР // *Обозреватель — Observer*. 2020. № 10 (369). С. 32—42.
9. Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в центральной Азии: перспективы и ограничения // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2022. № 27. С. 268—283.
10. Громогласова Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М. : ИМЭМО РАН, 2018. 124 с.
11. Богатырева О. Н., Козыкина Н. В., Табаринцева-Романова К. М. Гуманитарная дипломатия Европейского Союза в XXI веке // *Научный диалог*. 2018. № 4. С. 191—204.
12. Великая А. А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве // *Постсоветские исследования*. 2020. Т. 3. № 3. С. 235—241.
13. Блог Ксении Табаринцевой-Романовой. Итоги — рекомендации круглого стола «Гуманитарная дипломатия и права человека: теория и практика» 15.12.2021 // Российский совет по международным делам (НП РСМД). 2022. 11 янв. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/ksenia-tabarintseva-romanova/itogi-rekomendatsii-kruglogo-stola-gumanitarnaya-diplomatiya-i-prava-ch/> (дата обращения: 11.01.2023).
14. Практика современной гуманитарной дипломатии / под ред. Д. А. Кузнецова. М. : Эдитус, 2022. 206 с.

References

1. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004, 366 p.
2. Mukhametov R.S. *Sravnitel'nyi analiz «Myagkoj sily» RF i ES na postsovetском prostranstve* [Comparative analysis of the soft power of the Russian Federation and the EU in the post-Soviet space], *Sravnitel'naya politika [Comparative politics]*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 46—57.

3. Shmidt S.F. Konfrontatsionnaya traktovka «myagkoi sily»: transformatsiya amerikanskoi kontseptsii v Rossii [Confrontational interpretation of "soft power": transformation of the American concept in Russia], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya Politologiya, Religiovedenie* [Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universitet. Series: political science. Religious Studies], 2022, vol. 29, pp. 22—36.
4. Lebedeva M. M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody ["Soft power": concept and approaches], *Vestnik MGIMO—Universiteta* [Bulletin of MGIMO—University], 2017, no. 3 (54), pp. 212—223.
5. Polyakova A.A. «Myagkaya sila» v kontekste vneshnei politiki SShA: kontseptual'no-teoreticheskie aspekty ["Soft Power" in the Context of US Foreign Policy: conceptual and theoretical aspects], *Vestnik RGGU, Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye ot-nosheniya* [Vestnik RSUHU. Series: Political Science. History. International Relations], 2015, no. 2, pp. 91—102.
6. Kochetkov A.P. Transnatsional'nye elity i grazhdanskoe obshchestvo: osobennosti vzai-modeistviya [Transnational elites and civil society: peculiarities of interaction], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12, Politicheskie nauki* [Vestnik of Moscow University. Series 12. Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 19—30.
7. Matevosyan A.T. Osobennosti realizatsii «myagkoi sily» SShA v Armenii posredstvom Agentstva SShA po mezhdunarodnomu razvitiyu (USAID) [Specifics of US "soft power" implementation in Armenia through the United States Agency for International Development (USAID)], *Sotsial'nogumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2021, no. 4, pp. 348—354.
8. Semedov S.A. Spetsifika «myagkoi sily» KNR [Specifics of China's soft power], *Obozrevatel' — Observer*, 2020, no. 10 (369), pp. 32—42.
9. Makhmutova E.V. Kitaiskaya «myagkaya sila» v tsentral'noi Azii: perspektivy i ogranichiteli [Chinese "soft power" in Central Asia: prospects and constraints], *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 2022, no. 27, pp. 268—283.
10. Gromoglasova E. S. Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya [Humanitarian diplomacy in modern international relations: experience of systemic research]. Moscow, IMEMO RAN, 2018, 124 p.
11. Bogatyreva O.N., Kozykina N.V., Tabarintseva-Romanova K.M. Gumanitarnaya diplomatiya Evropeiskogo Soyuza v XXI veke [Humanitarian diplomacy of the European Union in the 21st century], *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2018, no. 4, pp. 191—204.
12. Velikaya A.A. Problemy i perspektivy razvitiya gumanitarnogo sotrudnichestva na postsovetском prostranstve [Problems and prospects for the development of humanitarian cooperation in the post-Soviet space], *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2020, vol. 3, no. 3, pp. 235—241.
13. Blog Ksenii Tabarintsevoi-Romanovoi. Itogi — rekomendatsii kruglogo stola «Gumanitarnaya diplomatiya i prava cheloveka: teoriya i praktika» 15.12.2021 [Blog of Ksenia Tabarintseva-Romanova. Results — recommendations of the round table "Humanitarian diplomacy and human rights: theory and practice" 15.12.2021], *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (NP RSMD)* [Russian Council on International Affairs (RIAC)], 2022, 11 yanv. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/ksenia-tabarintseva-romanova/itogi-rekomendatsii-kruglogo-stola-gumanitarnaya-diplomatiya-i-prava-ch/> (accessed: 11.01.2023).
14. Kuznetsov D.A. (ed.) Praktika sovremennoi gumanitarnoi diplomatii [The practice of contemporary humanitarian diplomacy]. Moscow, Editus, 2022, 206 p.

Информация об авторах

Казанцева Алина Владимировна — Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: lina.kazantseva.99@mail.ru

Information about the authors

Alina V. Kazantseva — Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: lina.kazantseva.99@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Государственность на постсоветском пространстве

Научная статья
УДК 32.019.51
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-122-133

Возвращение героя? Миллениалы: мобилизационная повестка в городах Сибири в 2020—2021 гг.

Юрий Александрович Пустовойт

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, pustovoyt1963@gmail.com

Аннотация. В центре внимания — проблема политического выбора российского поколения миллениалов, тех, кто родился после 1982 г. Согласно взглядам одних исследователей, эта когорта принципиально отличается от предыдущих своими политическими установками, так как ее юношеская социализация прошла в условиях относительного благополучия нулевых. Другие авторы делают акцент на том, что вертикальные институты власти, конструирующие общество, остались неизменными, и эти условия способствуют воспроизводству тех же поведенческих паттернов и характеристик, которые были присущи советскому человеку. На основе наблюдений, интервью, онлайн-исследований в сибирских городах, анализа хода избирательных кампаний, а также текстов и образов политиков в новогодних обращениях и предшествующих митингам полемиках в социальных сетях и на интернет-площадках («кейс 23 января») автор приходит к выводу о возможном изменении молодежной мобилизационной повестки в сторону большей эмоциональной выразительности, персонификации и сосредоточенности на настоящем. При этом политическую субъектность и конструирование властных отношений в первую очередь определяет место в системе власти, специфика региона (города) и только потом — принадлежность к тому или иному поколению.

Ключевые слова: поколения, бумеры, миллениалы, города, политическая повестка, городской режим, социальные сети, лидерство, протесты, Сибирь, идентичность

Для цитирования: Пустовойт Ю. А. Возвращение героя? Миллениалы: мобилизационная повестка в городах Сибири в 2020—2021 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 122—133. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-122-133.

Statehood in the post-Soviet space

Original article

The return of the hero? Millennials: mobilization agenda in Siberian cities in 2020—2021

Yuri A. Pustovoyt

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, pustovoyt1963@gmail.com

Abstract. The focus of attention is the problem of political choice of the Russian generation of millennials, those born after 1982. According to the views of some researchers, this cohort differs fundamentally from the previous ones in its political attitudes, since its youthful socialization took place in the conditions of relative prosperity of the noughties.

Other authors (Y. Levada) emphasize that the vertical institutions of power that construct society have remained unchanged, and these conditions contribute to the reproduction of the same behavioral patterns and characteristics that were inherent in the Soviet person. Based on observations, interviews, online research in Siberian cities, analysis of the course of election campaigns, as well as texts and images of politicians in New Year's addresses and polemics preceding the rallies in social networks and on Internet platforms ("case of January 23"), the author concludes that the youth mobilization agenda may be changing towards greater emotional expressiveness, personification and focus on the present. At the same time, political subjectivity and the construction of power relations are primarily determined by the place in the system of power, the specifics of the region (city) and only then by belonging to a particular generation.

Keywords: generations, boomers, millennials, cities, political agenda, urban regime, social networks, leadership, protests, Siberia, identity

For citation: Pustovoyt Yu.A. Hero's return? Millennials: mobilization agenda in Siberian cities in 2020—2021. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):122—133. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-122-133.

Введение

В течение ближайшего десятилетия ключевые позиции в институтах политической и экономической власти займут люди, чьи не только демографические, но и социально-культурные характеристики серьезно отличаются от бэкграунда сегодняшних носителей властных полномочий, т. е. от мировоззрения тех персон, решения которых и обеспечивают молодому корпусу возможность попадания в элитарные группы.

Как принадлежность к поколениям влияет на политические взгляды индивида и определяет избираемый им диапазон целей и средств в политике? Есть ли различия в нормах политического взаимодействия между политиками, чья юность пришлась на годы застоя и нулевые? Формируется ли специфическая поколенческая идентичность, более значимая для индивида, чем идеологическая, при принятии политических решений?

Предлагаемый здесь материал не претендует на полный и развернутый ответ на поставленные вопросы. Наша задача намного скромнее — наметить и апробировать пути исследования поставленных проблем, опираясь на опыт эмпирических наблюдений институциональной и протестной политической активности в онлайн- и офлайн-среде в городах Сибири в период с лета 2020 по март 2021 г.

Обзор научной литературы по проблеме поколений

В целом сторонники поколенческого подхода выделяют три критерия границ поколения: возрастные рамки, единые верования, ощущение причастности к своей возрастной когорте. Формирование характеристик поколения зависит от состояния институтов и выбора личных жизненных стратегий в момент юношеской социализации (18—25 лет), границы когорты обычно определяются 20-ю годами.

Наибольший интерес представляют работы, где описываются ценности, нормы, отношения и поведение поколения миллениалов (с 1982 г. р.) как лакмусовой возрастной группы. На это поколение возлагали надежды возврата к «Великой Америке» У. Штраус и Н. Хоу, обосновывая этот процесс цикличной сменой архетипов «странников» на «героев» [1]. Новое «Великое поколение побед» более толерантное, менее жестокое и не озабоченное сексуальными проблемами, создаст ту Америку, которая станет лидером в решении глобальных проблем. Миллениалы — не «продолжение» родителей, а принципиально новое поколение, ведущее здоровый, экологичный образ жизни и ориентированное на семейные ценности.

При изучении молодежных политических объединений Р. Милкман сделала близкие выводы о том, что политические активисты, «цифровые аборигены», несмотря на различия в социальных позициях, стратегии и такти-

ке политических действий, ориентированы на социальные изменения в области выравнивания классовых, половых и расовых различий, что объединяет их с левыми идеями начала XX в. [2].

Р. Инглхарт, исследуя процесс замещения ценностей каждым поколением и рассматривая культурную эволюцию как переход от ценностей выживания к ценностям самореализации, при анализе ситуации в России отмечает, что в 1991 г. наблюдался серьезный сдвиг в отношении ценностей постматериализма, но в результате реформ 1990-х гг. большинство населения вернулось к ценностям выживания. По данным 2008—2012 гг., соотношение материалистов и постматериалистов в России составляет 28 : 1. Для сравнения: в США это соотношение 1 : 2, в Швеции 1 : 5 [3, с. 96].

Другие исследователи, например Дж. Твенге, обращают внимание на то, что воспитание поколения миллениалов строилось на безусловной высокой самооценке ребенка, и это поколение — первое с самого рождения освоило комплексы цифровых технологий, радости и соблазны сетевого общения [4].

Н. П. Попов сопоставив характеристики российских и американских поколений, отмечает значимость традиций и принципов организации общественной жизни. По мнению автора, эти формальные и неформальные институты (для США — это либеральная демократия и расовое неравенство, для России — авторитаризм как элемент не только политической практики, но и массового сознания) имеют большее значение, чем разрывы между поколениями [5].

Другие исследователи обращают внимание на эмоциональные и экзистенциальные проблемы последнего советского поколения, их родителей [6] и на их стремление жить по высоким потребительским стандартам [7].

В исследовании В. Радаева сделан акцент на «социальном переломе» 2000-х гг., когда в условиях относительного благополучия у российской молодежи появилась возможность выбора собственного образа жизни, что и стало главной проблемой для самоопределения. Изобилие возможностей в условиях неопределенности, с одной стороны, создает психологическую проблему постоянной фрустрации вследствие страха ошибки, с другой — помещает область политической активности в одну из возможных и не всегда главных альтернатив жизненных проектов. В этом случае сложно найти некоторые общие темы с людьми старших возрастов, уверенными в верности избранного жизненного пути и значимости государственных решений при оценке собственного благополучия (но и неблагополучия). Ситуация приводит к межпоколенческому расколу, параллельному существованию, когда у представителей различных возрастных когорт нет общих тем для разговора. Новое поколение — действительно новое, и в их системе ценностей политика не играет особенной роли [8].

В своих последних работах Ю. Левада, напротив, утверждает, что в условиях закрытой вертикально интегрированной институциональной структуры, где нет постепенной преемственности и обновления власти, возникает проблема «беспамятства» молодых прагматиков, занимающих ключевые позиции, они лишены исторической памяти. «Это не новая молодежь, а всего лишь моложавая смена старой бюрократии, наследующая все черты и пороки своих предшественников. Они не обновляют обветшалые механизмы аппаратов управления, образования, науки и т. д., а встраиваются в них» [9, с. 684]. Причина, по его мнению, заключается в том, что все проекты модернизации (тоталитарный проект лишь один из них) инициировались вертикальными, осевыми конструирующими общество институтами. Периферийное закрытое общество, объединяемое вертикальными институтами власти, которые, по сути, не изменились, не имеет шансов на модернизацию [9, с. 41].

Теоретические основания и методы исследования

Логика исследования задана теорией интерактивных ритуалов, предложенной Р. Коллинзом, что помещает в первичный фокус внимания ситуацию на микроуровне. Ключевым понятием здесь выступает заимствованное им у И. Гофмана понятие ритуала как «сформированного взаимно сфокусированными эмоциями и вниманием механизма, который ежеминутно производит разделяемую участниками взаимодействия реальность и который, тем самым, порождает солидарность и символы членства в группе» [10, с. 31—32]. Общество сохраняет себя как единое целое в той степени, в которой ему удастся эффективно выполнять ритуалы, при этом результаты проведения ритуалов еще свежи в памяти и вызывают эмоциональный отклик.

Одним из наиболее значимых ритуалов сегодня являются выборы в органы власти и их главный компонент — мобилизационная повестка, т. е. комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащих аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью установление контроля политического сообщества над значимыми ресурсами: бюджетом, назначениями, доступом к СМИ. Здесь мы опирались на подходы Ч. Тилли, рассмотревшего процесс мобилизации и получения группового контроля как один из основных компонентов коллективного действия [11, с. 101—102], и Дж. Голдстоуна, подчеркнувшего важность реконструкции групповых эмоций и интересов для прогнозов стабильности государственных институтов и организаций [12].

Таким образом, анализ мобилизационной повестки означает на первом этапе подсчет количества сообщений и числа высказываний (единиц наблюдений) и выделение в них программных и эмоциональных составляющих (единиц анализа) — на втором. Базовым методом сбора и обработки больших данных здесь выступает киберметрия, дающая возможность сбора и анализа неспровоцированных исследователем документов [13, с. 14]. При анализе текстового материала за основу были взяты принципы метода обоснованной теории [14, с. 52—119]. Процедура качественного анализа состояла из двух этапов: сведения текста к сегменту (код, цитата, высказывание) и поиска связей между различными смысловыми единицами. Значимыми были обозначение «аудитории обращения», наименование («земляки, друзья, жители...»), интерпретация смысла кода (о чем, собственно говоря, идет речь, что находится в фокусе внимания, с какими ценностями и нормами соотносится выступление, какой эмоциональный и рациональный месседж содержится и т. д.) и вывод, призыв к действию. Работа с визуальными образами и их интерпретацией велась на основе принципов, сформулированных П. Штомпкой [15], где главный исследовательский вопрос формулировался в духе Р. Барта: какой образ власти стоит за изображением?

Офлайн- и онлайн-события в городах Сибири: результаты анализа

В качестве источников данных и эмпирической базы для сделанных выводов мы опираемся на три кейса:

1. Ход и итоги голосования на выборах в горсоветы Новосибирска (в большей степени) и Томска, сопоставление биографий кандидатов, их мобилизационные повестки и интернет-активность.

2. Сбор и сопоставление новогодних обращений и выложенных в Интернет фото политиков в сибирских городах: Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерове, Новокузнецке, Абакане (около 30 новогодних текстовых и видеоматериалов, а также 600 фотографий). Эти города мы рассматриваем как «естественные лаборатории», с одной стороны, отражающие политические процессы на федеральном уровне, а с другой, — отличающиеся собственной локальной спецификой, связанной со структурой экономики, уровнем комфорта и потребления, перспективами для молодежи, городскими режимами, протестной активностью и особенностями конструирования

ния сообщений местными СМИ [16]. Ситуацию в них мы подробно изучали в течение последних шести лет. Новогоднее обращение выступает значимым ритуалом, символизирующим связь политического деятеля с населением, его видение настоящего, прошлого и будущего, что, безусловно, находит отражение как в тиражируемых текстах, так и в конструируемом визуальном образе.

3. Кейс «23 января», в основе которого лежит митинговый призыв лидера несистемной оппозиции А. Навального¹. Известные показатели митинговой активности (число вышедших и задержанных по исследуемым городам) дали возможность сравнить объемы и тональность интернет-полюмики представителей разных поколений и сопоставить эти результаты с реальным поведением. Для отбора данных мы использовали систему IQBuzz (по сибирским городам были отобраны и обработаны качественными методами более 150 текстов сообщений [17]).

Анализ результатов городских и областных избирательных кампаний по Томску и Новосибирску в 2020 г. показывает, что новое поколение миллениалов активно участвует в политике. Из победителей «советского поколения „бумеров“» (до 1967 г. р.) прошли всего 5 (выдвинуто 40 кандидатов) от поколения реформ (1968—1981 г. р.) — 25 (выдвинуто 106 кандидатов). Поколение миллениалов, выдвинувшее сопоставимое число кандидатов (109), представлено в горсовете Новосибирска 20 депутатами («Единая Россия» — 7, КПРФ — 6, ЛДПР — 1, оппозиционная коалиция «Новосибирск 2020» — 5, независимый кандидат — 1).

Проанализировав интервью с представителями разных поколений, отметим, что различия касаются скорее тональности сообщений. Представители старших возрастных групп больше внимания и времени уделяют опасностям и проблемам, связанным с властью чиновников-силовиков, алчностью и неконтролируемостью бизнесменов, ужасам национализма (где в качестве эталона выступает Украина, и фраза «я не хочу как...» регулярно повторяется в интервью). Миллениалы чаще озвучивают этические проблемы взаимодействия с людьми, не разделяющими их политические взгляды и ценности; в дискуссиях они сравнительно меньше используют образ врага с соответствующим набором ярлыков.

Все новогодние обращения можно разделить на две группы по типу мобилизационных повесток. В первом случае (характерном для представителей власти старшего возраста) новогодняя повестка как уверенность в будущем и оптимизм достигается за счет повторения фраз о победах в прошлом и перечисления некоторых желательных эмоций и коллективных трудовых достижений. В новогодних поздравлениях представители действующей власти обращаются к населению «как к равным», подчеркивая его «ценность» и значимость близкого социального и повседневного круга взаимодействия (семья, друзья), и далее начинают конструировать или обозначать «желаемые для себя» эмоциональные состояния.

Предлагаемые фотообразы политиков — это истории предельно индивидуального (даже не семейного) успеха в достижении власти и высокого уровня благосостояния. На подавляющем большинстве фото — герой в галстук, в статусной одежде, иногда в окружении символов власти. На рис. 1 и 2 приведены примеры персональных страниц в «Инстаграме» представителей старшего поколения. На рис. 3 и 4 — персональная страница самого молодого губернатора в момент новогоднего обращения. Как видим, мобилизационные повестки, образы, представленные официальными политиками разных поколений, практически совпадают.

¹ С 9 июня 2021 г. Мосгорсуд признал экстремистскими организациями Фонд борьбы с коррупцией (ФБК, признан иноагентом) Алексея Навального, а также Фонд защиты прав граждан (ФЗПГ; юрлицо ФБК, признан иноагентом) и штабы оппозиционера.

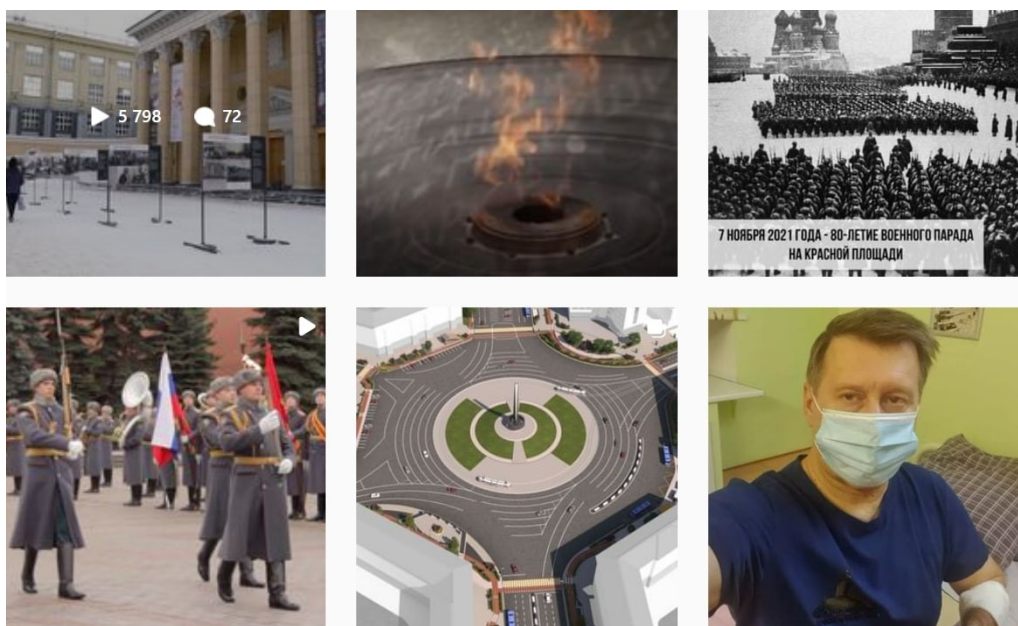

Рис. 1. Персональная страница мэра города (1959 г. р) (скриншот).
 URL: https://www.instagram.com/a_lokot/?hl=ru (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of Mayor (born in 1959) (screenshot).
 Available at: https://www.instagram.com/a_lokot/?hl=ru (accessed: 01.12.2021)

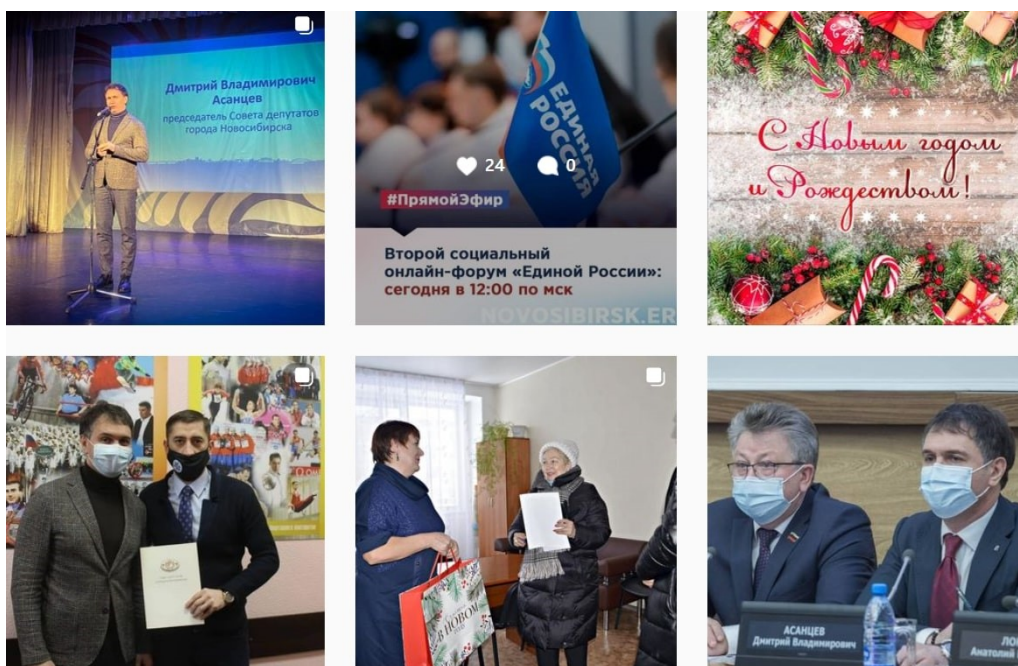

Рис. 2. Персональная страница депутата Горсовета (1968 г. р) (скриншот).
 URL: <https://www.instagram.com/asantsev.dv/> (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of the City Council deputy (born in 1968) (screenshot).
 Available at: <https://www.instagram.com/asantsev.dv/> (accessed: 01.12.2021)

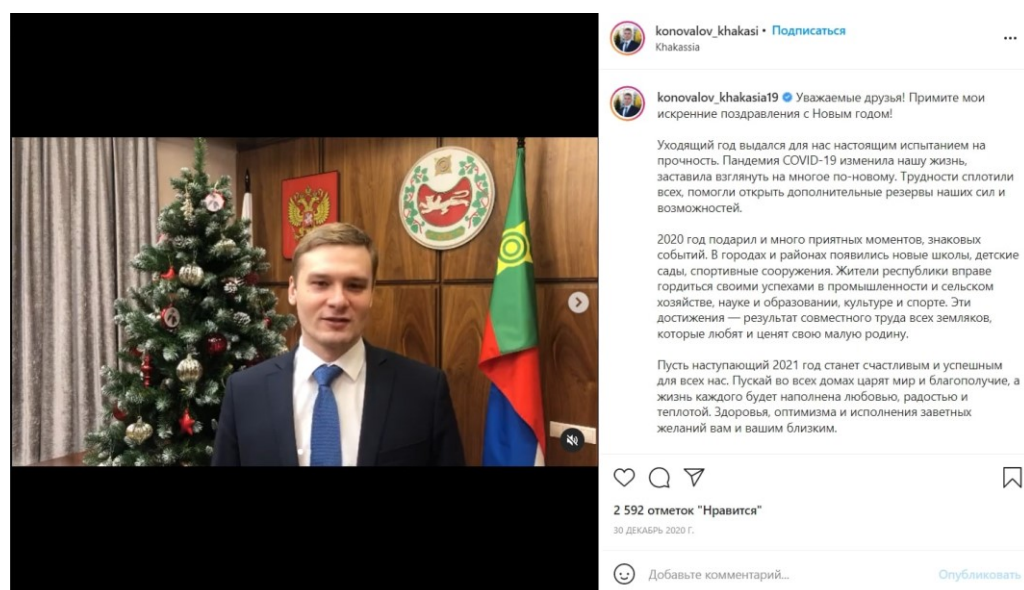

Рис. 3. Персональная страница губернатора региона (1987 г. р) (скриншот).
 URL: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of the regional governor (born in 1987) (screenshot).
 Available at: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (accessed: 01.12.2021)

Рис. 4. Персональная страница губернатора региона (1987 г. р.) (скриншот).
 URL: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (дата обращения: 01.12.2021)
 Personal page of the regional governor (born in 1987) (screenshot).
 Available at: https://www.instagram.com/kononov_khakasia19/?hl=ru (accessed: 01.12.2021)

Обращения более молодых и оппозиционных политиков сосредоточены на настоящем. Если представители власти говорят скорее о том, что должны переживать другие, то оппозиция, обращаясь к своим сторонникам, говорит о себе, своих планах, конфликтах, переживаниях и перспективах. В фокусе политического внимания — разрыв между желаемым и происходящим.

Концентрация на настоящем в этой повестке снимает необходимость точной артикуляции будущего, проговаривание испытываемых эмоций, локализация материальных проблем служат стимулом для объединения и участия в коллективных мероприятиях. Обычно визуальный ряд соответствует вербальному, декларируемые идеи и ценности отражены в фотосюжетах, в которых подчеркивается индивидуализм, свобода, спонтанность, диалог (рис. 5).

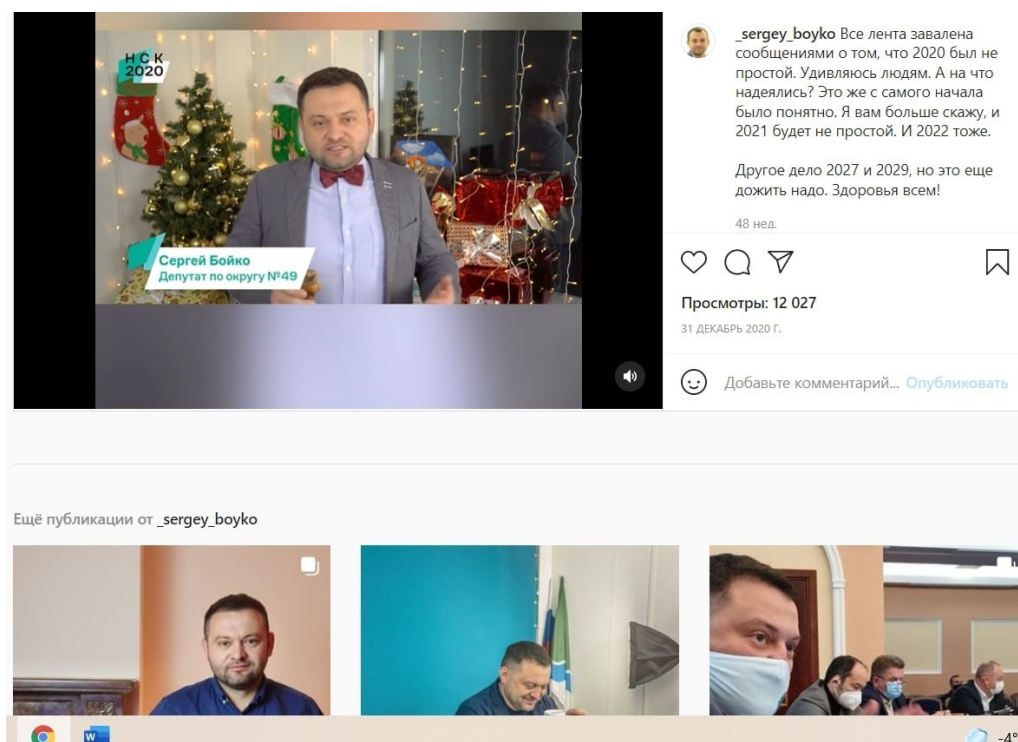

Рис. 5. Персональная страница депутата (1983 г. р) (скриншот).
URL: <https://www.instagram.com/p/CJd4x6PCzWT/> (дата обращения: 01.12.2021)
Personal page of the deputy (born in 1983) (screenshot).
Available at: <https://www.instagram.com/p/CJd4x6PCzWT/> (accessed: 01.12.2021)

На последнем этапе исследования мы обратились к способам сбора и обработки больших данных с помощью поисковой системы IQBuzz, созданной для отслеживания репутации в Интернете. Мы создали запрос, представляющий собой набор ключевых слов и хештегов (Свободу& Навальному Алексей&Навальный 23&января Навальный&живи Навальный #свободу-навалному #навальныиживи #митинг23января #протест), выбрали период с 20 по 26 января 2021 г. (три дня до митинга и три после) на русском языке по России и регионам, в которых расположены интересующие нас города.

23 января 2021 г. в 198 городах России и 95 городах за рубежом, по разным оценкам, в митингах приняли участие от 110 до 250 тыс. человек, в ходе протестов были задержаны четыре тысячи, среди них около 300 несовершеннолетних. Для нашего исследования важно знать, что часть информации (например, в сети «ВКонтакте» — 50 %) была заблокирована и удалена по требованию Генеральной прокуратуры, а потому система не учитывала ряд популярных ресурсов (например, «Фейсбук», «Твитер» и т. д.).

Общая тенденция исходя из найденных системой документов такова: чем больше сообщений, тем больше участников мероприятий, картина несколько иная в Томске, где сторонников митинга, судя по переписке, активно

блокировали. В каждом городе и регионе в фокусе внимания находилась своя группа проблем, своя мобилизационная повестка. В Новосибирске и Томске (соответственно 4 000 и 2 000 тыс. вышедших на митинг, 5 847 и 1 844 поста) доминировала агрессивная и уничижительная критика, направленная против сторонников митинга, немного разбавленная депутатскими постами с пафосной аргументацией. В Кемеровской области (данные по городам сильно расходятся — от 200 до 600 человек и 2 375 записей на регион) 23 января прошло под условным лозунгом «Защитим детей», и все усилия администрации и ее сторонников в цифровой среде были направлены на предотвращение гипотетического детского бунта. В Абакане (100 человек и 909 сообщений) представители старшей возрастной категории пытались пристыдить и осудить лидера оппозиции как нарушителя спокойствия, агента воображаемого Запада и т. д. В Барнауле (3 000 протестующих и 4 145 сообщений) критика протестующих велась в основном с классовых, марксистских позиций.

Во всех случаях в фокусе внимания была личность Навального. Ситуация и ее правовая оценка не рассматривались, содержательные дискуссии если и велись, то не набрали нужного числа участников, чтобы попасть в лидеры сообщений. Обычно тексты строились по общему алгоритму: оценка личности (герой или подлец); гипотетическая причина (возмущение несправедливостью и обличение сильных — отрабатывание денег хозяев); сторонники и их характеристики (честные бесстрашные граждане — молодые безмозглые сумасшедшие); оценка результата (неадекватные репрессии — наведение законного порядка). Особых различий в эмоциональной выразительности и аргументации авторов наиболее популярных постов, относящихся к разным поколениям, мы не обнаружили.

Результаты работы и выводы

Общие закономерности, выявленные западными учеными (в большей степени Р. Инглхардтом), действуют и в наших условиях. Тем не менее мы не обнаружили раскола, принципиального непонимания одним поколением другого, но нашли несколько различий, связанных прежде всего с более высокой самооценкой, потребностью в самовыражении и приоритете индивидуальных интересов у более молодых возрастных когорт, что можно подтвердить анализом мобилизационных повесток и наблюдениями за политической активностью молодежи в онлайн- и офлайн-среде. Итак, для миллениалов в большей степени, чем для старших поколений, близки следующие моменты: лидерство, визуализация контента, эмоциональность, экспрессия.

Лидерство. В большей степени для роста активности значима фигура воодушевляющего лидера, с которым возможно личное взаимодействие. Нет такого лидера — нет участия в политике; лидер как некоторая функциональная роль (руководитель) не воспринимается и отторгается.

Визуализация контента. Основой мобилизационной повестки выступают визуализированные высказывания. Посты и публикации миллениалов насыщены яркими образами. Типологизация проблем, логическая аргументация, уточнение понятий выполняют вспомогательную роль.

Эмоциональность. Совместно переживаемые эмоции важнее реализации групповых интересов, что делает эмпатию и эмоциональный интеллект одним из ключевых навыков для повышения организационной эффективности и существования групп, объединений. При этом, по некоторым наблюдениям, довольно значимым всегда выступает фактор монетизации усилий и знаний.

Экспрессия. Символически это достаточно радикальное поколение, границ приличия по отношению к оппонентам нет, переход на обценную лек-

сику в дискуссии происходит достаточно быстро, разрыв коммуникации как мера выяснения отношений с несогласными — обычная практика.

Поколенческий фактор выступает значимым, но не основным при конструировании мобилизационной повестки. Сопоставление собранных данных показывает, что политическая субъектность строится на основе места в системе власти, специфики региона (города) и только потом — на основе принадлежности к тому или иному поколению. Основные линии противостояния, разломы проходят между системными и несистемными политиками вне зависимости от поколенческой принадлежности. Занятие официальной «системной» политической позиции означает следование эмоциональным, рациональным и поведенческим паттернам в логике власти-контроля над происходящим, окружение себя символами, подчеркивающими государственную мощь. В отличие от выводов американских исследователей, отметим жесткую полемику между ровесниками, взаимные обвинения и практически полное отсутствие попыток найти некоторые точки соприкосновения в онлайн-дискуссиях.

В наиболее модернизированных и благополучных городах (здесь показательно Новосибирск и Томск) главным ограничителем несистемного претендента выступает не столько репрессивная активность властей и насилие (которое время от времени превентивно применяется к лидерам и активистам), сколько большее число конкурентов. В Кемеровской области со сложившимися авторитарными традициями управления официальная власть активно зачищает политическое поле от всех возможных оппонентов. В городах со сложной экономической ситуацией (Барнаул) при росте инициативы и активности оппозиции происходит обострение политической борьбы как в социальных сетях, так и на площадях, где молодежь играет весомую роль.

Рассматривая города как «естественные лаборатории», можно предположить усиление политической активности миллениалов в условиях экономического кризиса, падения уровня жизни и сужения каналов вертикальной мобильности. В этом случае наибольшие шансы на поддержку будут за политиками-популистами, строящими свои программы на основе идей национального превосходства и исключительности. Основанием для этого предположения выступают условия ранней социализации, где сочетаются детство в «лихие 90-е» с их комплексом проблем резкого расслоения относительно однородного советского общества, сменой культа труда и коллектива культом откровенного силового предпринимательства и юность в благополучных нулевых с распространением нарратива «суверенной демократии» и началом конструирования новых повествований о России как источнике альтернативного Западу культурного производства. В этом случае можно уверенно прогнозировать на всех уровнях рост трудноразрешимых конфликтов по ценностным и моральным основаниям.

Список источников

1. Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. London : Vintage, 2000. 432 p.
2. Milkman R. A new political generation: Millennials and the post-2008 wave of protest // *American Sociological Review*. 2017. Т. 82. № 1. P. 1—31.
3. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М. : Мысль, 2020. 400 с.
4. Твенге Д. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М. : Бомбора, 2020. 336 с.
5. Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 4. С. 309—323. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15> (дата обращения: 14.04.2023).

6. Анипкин М. А. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1. С. 290—308.
7. Соколов М. М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 71—91.
8. Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
9. Левада Ю. Время перемен: предмет и позиция исследователя. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 872 с.
10. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 27—39.
11. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
12. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58—103.
13. Бродовская Е., Домбровская А. Большие данные в исследованиях политических процессов. М. : МПГУ, 2019. 120 с.
14. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
15. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учеб. / пер. с польск. Н. В. Морозовой. М. : Логос, 2007. 168 с. + 32 с.
16. Пустовойт Ю. А. «Борьба» и «согласие» как медийные конструкты: опыт комплексного анализа сообщений сибирских СМИ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 6. С. 290—298.
17. Пустовойт Ю. А. Мобилизационная повестка поколений в зеркале системы «Iqbuzz» (опыт анализа протестов в сибирских городах) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2. С. 102—116.
18. Акции 23 января. Главное. Мощное выступление регионов, три тысячи задержанных (это рекорд). И уже более 10 уголовных дел // Медуза¹. 2021. 24 янв. URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/24/aktsii-23-yanvaryaya-glavnoe> (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. London, Vintage, 2000, 432 p.
2. Milkman R. A new political generation: Millennials and the post-2008 wave of protest, *American Sociological Review*, 2017, vol. 82, no. 1, pp. 1—31.
3. Ingkharth R. Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir [Cultural evolution: how human motivations are changing and how this is changing the world]. Moscow, Mysl', 2020, 400 p.
4. Tvenge D. Pokolenie selfi. Kto takie millenialy i kak naiti s nimi obshchii yazyk [The selfie generation. Who are millennials and how to find a common language with them]. Moscow, Bombora, 2020, 336 p.
5. Popov N.P. Rossiiskie i amerikanskoe pokoleniya XX veka: otкуда prishli millenialy? [Russian and American generations of the 20th century: where did millennials come from?], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social change], 2018, no. 4, pp. 309—323. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15> (accessed: 14.04.2023).
6. Anipkin M.A. Pokolenie «lishnikh lyudei»: antropologicheskii portret poslednego sovetского pokoleniya [Generation of "superfluous people": an anthropological portrait of the last Soviet generation], *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Untouchable stock. Debates on politics and culture], 2018, no. 1, pp. 290—308.
7. Sokolov M.M. Pokoleniya vmesto klassov? Vozrast i potrebitel'skaya revolyutsiya v Rossii [Generations instead of classes? Age and the consumer revolution in Russia], *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2019, vol. 31, no. 1, pp. 71—91.
8. Radaev V. Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow, Publ. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2019, 224 p.
9. Levada Yu. Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya [Time of change: subject and position of the researcher]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 872 p.
10. Kollinz R. Programma teorii rituala interaktsii [Interaction ritual theory program, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, vol. 7, no. 1, pp. 27—39.

¹ С 23 апреля 2021 г. издание «Медуза» должно ставить дисклеймер: данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

11. Tilli Ch. Ot mobilizatsii k revolyutsii [From mobilization to revolution]. Moscow, Publ. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 432 p.
12. Goldstoun Dzh. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [Toward a fourth-generation theory of revolution], *Logos [Logos]*, 2006, no. 5, pp. 58—103.
13. Brodovskaya E., Dombrovskaya A. Bol'shie dannye v issledovaniyakh politicheskikh pro-tsessov [Big Data in political process research]. Moscow, MPGU, 2019, 120 p.
14. Strauss A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki [Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 256 p.
15. Shtompka P. Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiiya kak metod issledovaniya [Visual Sociology. Photography as a research method], ucheb. Moscow, Logos, 2007, 168 p. + 32 p. (in Russ.)
16. Pustovoyt Yu. A. «Bor'ba» i «soglasie» kak mediynye konstrukty: opyt kompleksnogo analiza soobshchenii sibirskikh SMI ["Struggle" and "consent" as media constructs: experience of complex analysis of Siberian media messages], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*, 2021, vol. 20, no. 6, pp. 290—298.
17. Pustovoyt Yu. A. Mobilizatsionnaya povestka pokolenii v zerkale sistemy «Iqbuzz» (opyt analiza protestov v sibirskikh gorodakh) [Mobilization Agenda of Generations in the Mirror of the "Iqbuzz" System (Experience of Protest Analysis in Siberian Cities)], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Journal of political research]*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 102—116.
18. Aktsii 23 yanvarya. Glavnoe. Moshchnoe vystuplenie regionov, tri tysyachi zaderzhannykh (eto rekord). I uzhe bolee 10 ugolovnykh del [Stocks on Jan. 23. Main point. Powerful performance of the regions, three thousand detained (it's a record). And already more than 10 criminal cases], *Meduza [Meduza]*, 2021, 24 yanv. Available at: <https://meduza.io/feature/2021/01/24/aktsii-23-yanvarya-glavnoe> (accessed: 01.11.2021).

Информация об авторе

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения проблем современной молодежи», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель проекта «Интернет как комсомол. „Бумеры“ и „миллениалы“: особенности конструирования, обсуждения и реализации мобилизационной повестки (опыт сравнительного анализа формирования политической идентичности в сибирских городах)» (20-011-31355), Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Information about the author

Yuri A. Pustovoyt — Candidate of Political Science, leading researcher of the research laboratory “Center for the Study of Contemporary Youth Problems”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, head of the project “Internet as Komsomol. “Boomers” and “Millennials”: peculiarities of construction, discussion and implementation of mobilization agenda (experience of comparative analysis of political identity formation in Siberian cities)”, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

НОВОСИБИРСКУ 130 ЛЕТ NOVOSIBIRSK IS 130 YEARS OLD

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 134—157.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):134—157.

Новосибирску 130 лет

Научная статья
УДК 711.4(571.14)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-134-157

Меняющийся Новосибирск

Владимир Евгеньевич Зубов

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, zubov-ve@ranepa.ru

Аннотация. В статье на примере Новосибирска рассматривается эволюция организации городского пространства в период существования СССР и постсоветский период. В качестве рабочей гипотезы выдвигается утверждение о том, что характер общественного строя оказывает влияние на процесс градостроительства, стимулируя формирование комплекса идей и решений, отраженных в городской инфраструктуре — планировке, способах застройки, архитектурных решениях, ценностных установках, используемых при организации городского пространства и т. д.

Сделан вывод о неоднозначности процесса развития Новосибирска вследствие влияния множества факторов, начиная от природных условий, характера духовной культуры, уровня развития техники, внутри- и внешнеполитической ситуации и заканчивал интересами отдельных предприятий. Имевшиеся в советское время возможности для инновационного развития, связанные с отсутствием частной собственности на землю, не были реализованы вследствие недостаточной теоретической разработки феномена города, осмысления специфики его организации в социалистическом обществе и доминирования внешних по отношению к городу обстоятельств (за исключением территории Академгородка). В настоящее время развитие города подчиняется решениям, реализованным в прошлом, что не позволяет использовать целостные концептуальные решения. Ключевой проблемой является наличие частной собственности на землю и приоритет частных интересов, не позволяющие создать комфортную для жителей среду обитания.

Ключевые слова: СССР, Советский Союз, Новосибирск, история, градостроительство, история города, урбанистика

Для цитирования: Зубов В. Е. Меняющийся Новосибирск // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 134—157. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-134-157.

Novosibirsk is 130 years old

Original article

Changing Novosibirsk

Vladimir E. Zubov

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, zubov-ve@ranepa.ru

Abstract. The article considers the evolution of urban space organization in the USSR and post-Soviet period on the example of Novosibirsk. As a working hypothesis, it is argued that the nature of social order influences the process of urban planning, stimulating the formation of a set of ideas and solutions reflected in urban infrastructure - layout, methods of development, architectural solutions, values used in the organization of urban space, etc.

The conclusion is made about the ambiguity of the Novosibirsk development process due to the influence of many factors, starting from natural conditions, the nature of spiritual culture, the level of technological development, domestic and foreign policy situation and ending with the interests of individual enterprises. The opportunities for innovative development that existed in Soviet times due to the lack of private land ownership were not realized due to insufficient theoretical development of the city phenomenon, comprehension of the specifics of its organization in the socialist society and the dominance of external circumstances in relation to the city (except for the territory of Akademgorodok). At present, the development of the city is subordinated to the solutions realized in the past, which does not allow the use of holistic conceptual solutions. The key problem is the presence of private ownership of land and the priority of private interests, which do not allow creating a comfortable environment for residents.

Keywords: USSR, Soviet Union, Novosibirsk, history, urban planning, history of the city, urbanistics

For citation: Zubov V.E. Changing Novosibirsk. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):134—157. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-134-157.

Столетие создания СССР и 130-летие получения Новосибирском статуса города — хороший повод обратиться к процессу его становления и развития как одного из крупнейших научных и промышленных центров страны. Ставший городом в начале XX в., Новосибирск не имеет глубокого исторического и культурного прошлого. Его история неразрывно связана с периодом социализма: именно в это время он продемонстрировал небывалые в истории темпы роста, повлиявшие, наряду с другими факторами, на его внешний вид и породившие ряд проблем, не решенных в некоторых случаях и сегодня.

Исследователи отмечают несколько ключевых моментов в формировании и развитии городов советского и постсоветского периода, которые можно применить и к Новосибирску: упразднение института частной собственности на недвижимость в ходе социалистической революции; переход к промышленному домостроению в конце 1950-х гг.; распад СССР, переход к капитализму и восстановление частной собственности на землю и другое недвижимое имущество [1].

Первоначальная планировка и облик города формировались прежде всего под влиянием природных условий, благоприятных для строительства железнодорожной магистрали (пересечение с рекой Обью, наличие скальных массивов и небольшая ширина реки в месте строительства моста, характер рельефа и др.). Застройка происходила во многом стихийно, подчиняясь природному ландшафту, если не считать строительства объектов, связанных с обслуживанием железной дороги и речных перевозок. При этом, как отмечает Р. В. Булгач, выдерживалась прозрачная и простая планировка

«города-решетки» с некоторыми корректировками особенностями рельефа [2, с. 52]. Такой принцип организации городского пространства закладывался первыми плановыми документами еще в конце XIX в. Наиболее характерные черты облика города, заданные в то время, сохраняются на протяжении всей его истории: планировка главной улицы города — Красного проспекта, размещение официально-делового центра, движение города вдоль транспортных коммуникаций (железная дорога, река Обь), отдельные элементы квартальной застройки и др.

На внешний вид зарождающегося города влияло бурное развитие частной торговли. По словам А. Д. Крячкова, «в Новосибирске не было в то время не только архитектора, но даже техника-строителя. Проектировали сооружения землемеры, техники путей, агрономы. Архитектор городом приглашался в исключительных случаях для исправления запутанного проекта, обвалившегося при постройке или испорченного здания... Городом управляли некультурные люди из купцов, мещан и дельцов-спекулянтов, которым архитектура была далека и казалась ненужной и дорогой затеей...» [3]. Справедливость слов архитектора подтверждает современность. Сегодня мы наблюдаем аналогичную ситуацию, когда бессистемная и эклектичная застройка не дает возможности городу обрести свое лицо.

Ключевым для города моментом стало присвоение ему статуса центра Сибирского края (1921—1926) в связи с переездом из Омска Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. «Столичный» статус города настоятельно требовал нового облика. Кроме того, отсутствие частной собственности на землю, новые социальные задачи и ценности — все способствовало поиску идей и форм в планировке и архитектуре. Отметим, что искания этих лет нового образа города и способов организации жизни в нем оказались весьма противоречивы. Широко используя возможности развития города без частной собственности на землю, архитекторы «не всегда могли преодолеть представления об уравнительности и всеобщем аскетизме при социализме и коммунизме», свойственные последователям социалистов-утопистов. По оценке В. Э. Хазановой, «так возникало догматическое отношение к социалистическому идеалу и мелочная регламентация всего будущего образа жизни, которыми явно грешат архитектурные теории рубежа 20—30 гг.» [4, с. 8]. Поиски оптимального пути развития социалистического города, борьба различных течений архитектурной мысли, в частности идей урбанизма и дезурбанизма, непосредственно сказались и на Новосибирске. На стадии разработки генерального плана Новосибирска в 20—30-х гг. XX в. неоднократно менялись концептуальные подходы к организации города и его облику. Известны как минимум три разных проекта: «Во-первых, это система небольших „городов-садов“, во-вторых, это единый миллионный супергород, или так называемый „Большой Новосибирск“, и в-третьих, это децентрализованное расселение, состоящее из группы самостоятельных городов с населением 100—150 тыс. каждый» [5].

Наибольшей популярностью не только в России, но и за рубежом в конце XIX — начале XX в. пользовалась концепция города-сада в различных вариантах, вытекавшая из концепции Э. Гоуарда (Хоуарда), пытавшегося снять противоречия городской цивилизации путем создания города-деревни, сочетающей лучшие элементы городской и сельской жизни (рис. 1) [6].

Рис. 1. План города-сада по Э. Говарду
Garden City Plan by E. Howard

Обращение к этим идеям в период социализма вполне естественно, поскольку одним из ключевых условий создания Говард считал отсутствие частной собственности на землю, когда «вся земля составляет навсегда общественную собственность» [6, с. X]. В предисловии к русскому изданию, отмечая слабую заселенность пространств империи, он подчеркивал: «Успех нашей задачи в России облегчается тем, что здесь можно добиться надлежащей постановки дела с самого начала» [6]¹.

Отсутствие частной собственности на землю при социализме стимулировало интерес к идее города-сада как способа создания «города для человека». Однако реализовать идею на практике удалось только фрагментарно, поскольку оказалось невозможным выдержать второе ключевое условие: сельскохозяйственный пояс, окружающий город, ни в коем случае не должен был использоваться под городские постройки [6].

Индустриализация страны требовала иных решений, связанных, если говорить о Новосибирске, с его превращением в крупный промышленный центр. Таким образом, как отмечает В. Э. Хазанова, «из понятия „город-сад“ в советской архитектурной среде второй половины 20-х годов было полностью изъято то, что составляло основу говардовской идеи. <...> Теперь речь шла лишь о некоем романтическом типе поселения» [4, с. 22].

Необходимость индустриального развития страны стимулировала поиск новых решений организации города, высказанных, в частности, в ходе дискуссии по проблемам расселения, проходившей на рубеже 1920—1930-х гг. в связи с составлением первого генерального плана развития народного хозяйства СССР: «Социалистический город будет представлять собою производственно-жилищно-культурный комбинат, но территория предприятий в нем будет отделена от территории, на которой будет жить население»

¹ В предисловии автора к русскому изданию нумерация страниц отсутствует.

[7, с. 90]. Несмотря на сделанную попытку смещения акцентов в сторону производства, все планы развития Новосибирска эпохи социализма обращали особое внимание на наличие в городе зеленых зон и обеспечение возможности отдыха граждан и поддержания их здоровья (рис. 2).

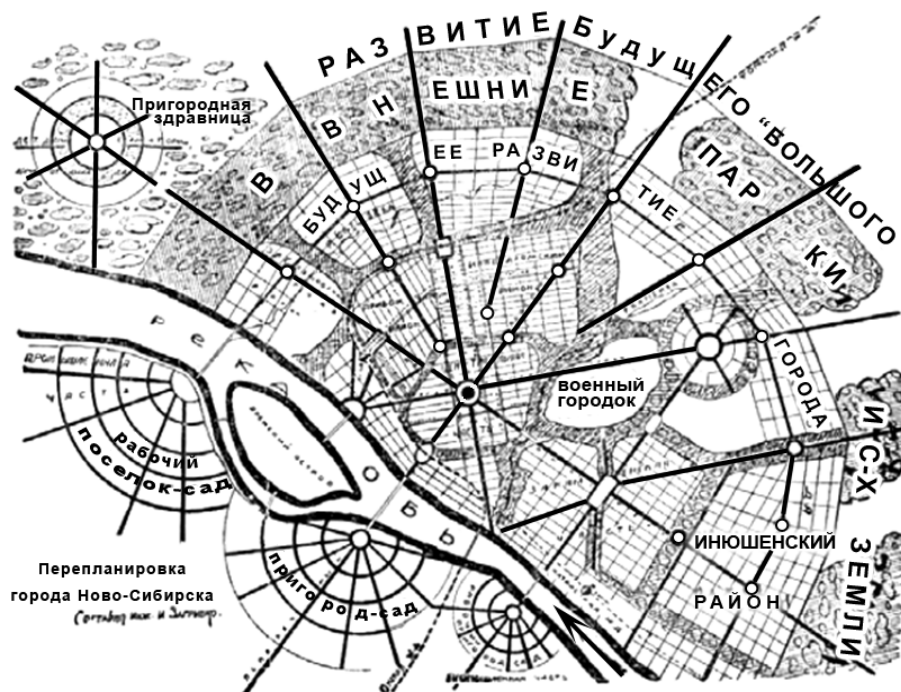

Рис. 2. Схема перепланировки города Новосибирска по принципу города-сада [приведено по: 8, с. 13]
Scheme of redevelopment of the city of Novosibirsk on the principle of a garden city [cited in: 8, p. 13]

Многие из разработанных принципов градостроительства фиксировались в официальных документах. Так, в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве населенных мест» от 1 августа 1932 г. предписывалось «районирование населенных мест по функциональному назначению», «создание системы зеленых насаждений, охранных и защитных зон между его районами, распределение всех поселений на строительные зоны по характеру застройки, организация системы обслуживания населения», т. е. питания, торговли, коммунально-бытовых, лечебно-профилактических, административных учреждений, физкультурных площадок и т. д. [4, с. 128]

Одновременно проектировалось создание общественных центров в различных частях города, включающих административные здания, учреждения бытового назначения, клубы, спортивные площадки, при сохранении общегородского центра в районе площади Ленина. В дальнейшем планировалось сохранить главную часть культурного центра как историческое ядро города и постепенно расширять административный центр в сторону Октябрьского района. Подобные планы существовали до последних лет социализма. «Развитие центра в сторону Октябрьского района с последующим планировочным и композиционным выходом его ансамблей на пространства Оби, активное включение в эту систему акватории реки — вот главная композиционно-планировочная задача, которая решалась в проекте центра Новосибирска» [9, с. 37].

Анализ трансформации представлений о внешнем облике города и его организации, отраженных в планах и проектах, может много дать в плане

характеристики развития градостроительства и архитектуры как составной части духовной культуры, но не может объяснить реальной ситуации, сложившейся в городе на сегодняшний день, и тех трудностей, которые возникают при решении вопросов его перспективы. Причина этого кроется в том, что даже утвержденных генеральных планов Новосибирска (как, впрочем, и других городов) на практике придерживались далеко не всегда. Зачастую при их реализации приоритет отдавался интересам не города, а государства, нуждавшегося в индустриализации и развитии промышленности. Так, движение города к реке, особенно в правобережной части, оказалось затрудненным из-за сети промышленных предприятий и хаотичной жилищной застройки, начавшейся еще в момент зарождения и стремительного развития города.

Усугубила ситуацию масштабная эвакуация в годы Великой Отечественной войны, когда в течение нескольких месяцев население города увеличилось на десятки тысяч человек, а число промышленных предприятий стало измеряться сотнями¹. Строительство новых домов (деревянных, бараков и т. д.), так же как и размещение промышленных предприятий, естественно, происходило на наиболее удобных площадках, что существенно осложнило развитие города в дальнейшем.

В послевоенные годы промышленное производство продолжало развиваться, соответственно, росло число предприятий, увеличивалась численность населения, что приводило к необходимости возводить новые объекты. Естественно, что говорить о целостном концептуальном решении проблемы застройки города в рассматриваемое время также не приходилось. Например, в послевоенный период в проекте реконструкции городских центров ряда городов, прежде всего в западных районах страны, нашла отражение традиционная для отечественного градостроительства идея установки «памятных архитектурных произведений, чаще высотных, в честь важнейших исторических событий». Высотные постройки, как отмечает Б. И. Оглы, «должны были определить силуэт и границы основного центра и его элементов в системе города». Однако такие проекты в Новосибирске реализовать было невозможно, поскольку их реализация потребовала бы массовый снос уже имеющихся построек со всеми вытекающими проблемами (затраты на освобождение площадей под строительство, размещение в новых домах переселяемых жителей и т. д.), на что в разрушенной и обессиленной войной стране не было ни средств, ни необходимой техники. Основные средства в это время были направлены на восстановление освобожденных районов на западе страны (Белоруссия, республики Прибалтики, Украина, Молдавия, западные области РСФСР).

Таким образом, в силу объективных сдерживающих развитие города факторов хаотичная застройка Новосибирска, подобная застройке в районе поймы рек Каменки, Верхней Ельцовки и Нижней Ельцовки, сохранилась на долгие годы², вплоть до конца XX в. — первых десятилетий XXI в. (рис. 3—6).

¹ «В течение первых пяти месяцев войны в Сибирь прибыло 322 промышленных предприятия», в том числе «50 эвакуированных заводов и вместе с ними десятки тысяч рабочих и членов их семей, население прифронтовых краев и областей» [3].

² «В 1950 г. в Новосибирске 88,5 процента всей застроенной территории в основном было занято одноэтажными деревянными домами (61,7 процента от всей застройки) [3].

Рис. 3. Склон оврага в районе пересечения улиц Нарымской и Дуси Ковальчук (остановка «Плановая». По дну оврага протекает река Ельцовка), 1998
Ravine slope near the intersection of Narymskaya Street and Dusi Kovalchuk Street (stop "Planovaya". The Yeltsovka River flows along the bottom of the ravine), 1998

Рис. 4. Застройка в районе пересечения улиц Нарымской и Дуси Ковальчук (снимок сделан с улицы Нарымской, улица Дуси Ковальчук проходит слева), 2017
Development in the area of the intersection of Narymskaya Street and Dusi Kovalchuk Street (photo taken from Narymskaya Street, Dusi Kovalchuk Street runs to the left), 2017

Рис. 5. Бараки на улице Декабристов (район метро «Октябрьская»), 2014
Barracks on Dekabristov Street (Oktyabrskaya metro area), 2014

Рис. 6. Улица Декабристов, 2022
Dekabristov Street, 2022

Суровая реальность истории нашей страны откинула Новосибирск от образа того прекрасного города-сада, который задумывали архитекторы первых десятилетий советской эпохи. Сегодня концентрация промышленности в Новосибирске сдерживает развитие малых городов, которые могли бы дополнить формирование агломерации и частично снять нагрузку с города.

Также не были реализованы планы по переносу железной дороги. Ее расположение рассматривалось как временное, предполагалось изменить его так, чтобы не сдерживать развитие города, и в частности транспортной сети. В результате сегодня положение железной дороги создает массу сложностей не только для города, но и для самой железной дороги, тормозя ее расширение, строительство новых путей и сооружений. Значительная часть территории города оказалась отрезанной и от реки и его левобережной части основной линией Транссибирской магистрали и ответвлением от нее, связывающим магистраль с Алтаем. И сегодня, несмотря на колоссальные усилия и вложения, попытки решить эту проблему сводятся к локальным изменениям, не меняя ситуацию в целом.

В качестве примеров достаточно вспомнить историю застройки Ключ-Камышенского плато, долгие годы имевшего связь с основной частью города только через улицу Выборную с железнодорожным переездом (в настоящее время это участок улицы закрыт для сквозного проезда), а также строительство связки улицы Ипподромской со строящимся новым автомобильным мостом.

Наличие железнодорожного переезда на единственной улице, позволяющей выехать с Ключ-Камышенского плато, зачастую создавало непреодолимую преграду. Поскольку в советское время поток поездов был достаточно интенсивным, переезд по преимуществу был закрыт для движения городского транспорта, что заставляло людей пешком добираться до дома или до ближайшей остановки, расположенной в основной части города. Остроту проблеме придавало то, что движение осуществлялось по улице, обладавшей малой пропускной способностью (рис. 7).

Рис. 7. Участок улицы Выборной, прилегающий к ликвидированному железнодорожному переезду, позволяет судить о ширине улицы в 1970—1980-е гг., 2022
The section of Yebornaya Street adjacent to the eliminated railroad crossing provides an indication of the width of the street in the 1970s-1980s, 2022

Решение расположить на Ключ-Камышенском плато Новосибирский государственный педагогический институт (рис. 8) серьезно обострило транспортную проблему, так как появилась необходимость доставки студентов и преподавателей к началу занятий и вывоза их после окончания. Первые годы пассажирское автотранспортное предприятие даже выделяло для этого специальные автобусы, двигавшиеся с площади К. Маркса и от Дома офицеров без остановок и привозившие студентов к началу занятий. После занятий к институту (где была сделана конечная остановка) подавалось большое количество автобусов № 12. В дальнейшем был введен второй маршрут № 31, а конечная остановка по мере застройки плато переносилась сначала к общежитиям, а затем дальше в сторону ТЭЦ-5. Но все меры, предпринятые городскими властями, не могли принципиально решить проблему железнодорожного переезда, находящегося на пути следования городского транспорта, а ежегодный рост числа жителей и обучающихся только обострял ситуацию.

Рис. 8. Ключ-Камышенское плато. Новосибирский государственный педагогический институт (ныне — университет), 1979
Klyuch-Kamyshenskoe plateau. Novosibirsk State Pedagogical Institute (now University), 1979

Строительство очередного моста через реку Обь потребовало масштабных работ по соединению улицы Ипподромской с развязкой для выезда на мост, в связи с чем пришлось значительно расширять дорогу вокруг опор пролета алтайской ветви железной дороги через реку Каменку (рис. 9, 10).

Рис. 9. Старое пролетное строение Алтайской железной дороги над рекой Каменкой (ул. Ипподромская), 1987
Old flyover of the Altai railroad over the Kamenka River (Ippodromskaya St.), 1987

Рис. 10. Это же место, май 2022 г.
The same location, May 2022

Несмотря на трудности планировки и организации городского пространства, обусловленные объективными и субъективными причинами, социальный оптимизм, свойственный послевоенному периоду истории СССР, сохранялся, хотя и не в такой степени, вплоть до конца эпохи социализма

и находил отражение в представлениях о перспективе развития города. Новый генеральный план, работа над которым началась в 1960 г., с одной стороны, сохранял традиции проектов конца 1920 — середины 1930-х гг., предусматривая обширные зеленые зоны и элементы прежней композиции городской территории, но с другой — содержал в себе новые варианты организации жилого пространства и переход к так называемой свободной планировке на основе типовых проектов [5].

Градостроители так описывали город, каким он станет через 10—15 лет:

...В старой правобережной части сетка улиц и кварталов стала более четкой, укрупненной. Исчезли тупики... Внутри каждого квартала — скверы, водоемы, спортивные площадки, детские учреждения.

Когда-то глубокие овраги, на многие километры разъединившие целый район, безобразили эту часть города. Теперь домишки, лепившиеся к склонам оврагов, занимавшие поймы рек — Первой и Второй Ельцовок и Каменки, исчезли.

Были среди градостроителей сторонники того, чтобы заключить эти речки в бетонные трубы, засыпать их миллионами кубометров земли, сравнять и застроить под общую планировку. Но в дискуссии о решении сложной проблемы одержали верх те, кто предлагал более разумное решение: очистить промышленные воды, сбрасываемые предприятиями в эти речки, перегородить овраги дамбами, создать целую систему чистых прудов, озеленить их, превратить в зону отдыха горожан. И вот овраги стали украшением города, оазисами, приносящими в жаркие летние дни прохладу, свежесть зелени и аромат цветов. Берега глубоких прудов обсажены деревьями и кустарниками. Зеленый наряд дополняют красиво устроенные цветники, тенистые аллеи и открытые площадки с верандами и эстрадами для концертов, летними кинотеатрами» [10, с. 173—174].

Следы этих идей можно было найти еще в 1980-х гг. До создания сети прудов дело не дошло, но сквер на месте оврага в районе поймы Каменки около автовокзала был разбит. Видимо, планировалось дальнейшее развитие зеленой зоны, поскольку был даже построен широкий подземный переход под улицей Большевицкой для выхода к пристани Октябрьской, где находилась остановка общественного транспорта «Речной вокзал». В настоящее время на месте сквера построен торговый центр, дороги и, видимо, будет построена транспортная развязка.

Рис. 11. Сквер на пересечении улицы Большевицкой и Красного проспекта. Бывший овраг.
На заднем плане — еще эксплуатируемый старый железнодорожный мост, 1980
*Square at the intersection of Bolshevistskaya Street and Krasniy Prospekt. Former ravine.
In the background is an old railroad bridge still in use, 1980*

Удивительно, но уже в далекие шестидесятые годы прошлого столетия специалисты, учитывая масштабы города, думали о решении проблемы городских пассажирских перевозок, предлагая весьма смелые варианты:

Красный проспект остался центральной улицей, но его разгрузили, проложив параллельные улицы, не пересекаемые на одном уровне ни с одной магистралью. По некоторым из них с большой скоростью мчатся вагоны скоростного транспорта, связывающие отдаленные районы и места отдыха с центром и Кировским районом по новому мосту через Обь [10, с. 174—175].

Привокзальная площадь стала одной из красивейших в городе. Она встречает пассажира цветником сквера с нарядными фонтанами, памятником основателю Новосибирска — инженеру-путейцу и писателю Гарину-Михайловскому. Здесь же, по обе стороны площади, сверкающие пластмассой и стеклом павильоны для посадки на автобусы, троллейбусы и вагоны скоростного транспорта. А почти в центре города — площадка на которой, точно стрекозы, стоят цветные маршрутные такси-вертолеты¹ с надписями на бортах: «Академгородок», «Толмачево», «Инская»... Несколькими минутами понадобится, чтобы попасть в самую отдаленную часть города... [10, с. 175—176]

Гармоничное соединение культуры и истории, жилых кварталов и зон отдыха, комфортная городская среда — таким представлялось развитие Новосибирска архитекторам 1960-х.

Еще замечательнее... перспектива левобережья. Там, где широченная лента асфальта, сбегая с моста, плавно переходит по озелененной дамбе на высокий берег и превращается в проспект имени Карла Маркса, взметнулся к небу высокий обелиск — памятник сибирякам, героям Великой Отечественной войны.

Вправо от обелиска, кажется, у самой кромки высокого берега, вплоть до железнодорожного полотна — кварталы многоэтажных зданий. За гущей зелени бульвара не видно движения транспорта. В середине бульвара зелень расступилась и открыла широкую каменную лестницу, спускающуюся по крутому откосу к пойме озера.

Низкий берег между дамбой и насыпью железнодорожного моста превращен в тенистый сквер. Ближе к Оби сквер переходит в обширный городской пляж.

На фоне Бутринской рощи четко вырисовывается силуэт арки моста, перекинутого из спортивного городка на остров Отдыха, песчаные отмели которого стали еще одним чудесным пляжем [10, с. 180]².

Также новосибирские архитекторы 1960-х гг. особое внимание обращали на реку Каменку, определяя ее как «самую неудобную для Новосибирска реку». После сноса расположенных по ее берегам построек предполагалось в верхнем течении реки (район Сухого Лога) создать зеленую зону для крупного жилого массива, который планировалось построить на левом берегу Каменки, на месте существующих глиняных карьеров. В среднем течении реки, там, где к ее долине выходят улицы Ипподромская и Фрунзе, отведен участок для строительства зоопарка площадью 50 га с использованием частых и бурных речных перекатов и выходов скальных пород.

¹ Здесь уместно вспомнить проект «идеального города» Ле Карбюзье: «Вокзал всего один. Он может быть расположен только в центре города. Это единственное возможное для него место и не имеет никакого смысла искать другое. Вокзал — это втулка колеса. Прежде всего вокзал должен быть подземным сооружением. Его крыша на уровне третьего этажа обычного здания является одновременно аэропортом для аэротакси. Этот аэропорт (связанный с главным городским аэропортом, который расположен в зеленой защитной зоне) должен находиться в непосредственной близости от метро, пригородных железнодорожных линий, поездов дальнего следования, от осевых автострад и административных транспортных служб» [11, с. 36]. Прослеживается сходство (мы не говорим о заимствовании).

² Мы не комментируем приведенный отрывок, предоставив читателю возможность самим оценить, что и как из этой картины реализовано на практике — В. З.

В центре будущего зоопарка находится глубокое озеро, образовавшееся на месте бывшего каменного карьера¹. <...> Таким образом, в результате создания целой системы различных назначений садов и парков долина Каменки превратится в сплошной зеленый «коридор». Он свяжет глубинные районы застройки с центром города и прогулочной набережной, которая протянется вдоль всего правого берега Оби от Заельцовского парка до нового южного парка в устье реки Ини, который проектируется в едином комплексе с существующим массивом бора в Первомайском районе [12].

Те же ценности социалистического общества отражаются в представлениях архитекторов 1980-х о том, каким станет Новосибирск к началу следующего столетия. В левобережной пойме «предусматривается создание системы садово-парковых ансамблей, где разместится городской спортивный центр со спортивной ареной, многозальным Дворцом спорта, плавательными бассейнами, многочисленными плоскостными сооружениями», площадка городской ярмарки, детский городок отдыха, обширный парк. Объекты на этой территории свяжет детская железная дорога, которая станет не только элементом детской игры, но и приемлемым транспортом для обслуживания обширной территории зоны отдыха [9, с. 38].

В центре города предполагалось озеленить территорию в районе государственного академического театра оперы и балета.

Будет ликвидирован его хозяйственный двор, размещенный в настоящее время с тыльной стороны здания, разбит сквер между зданиями театра и хореографического училища. Этот сквер получит развитие в южном направлении вдоль ул. Каменской. Пока эти территории заняты малоэтажной жилой застройкой, мелкими предприятиями и учреждениями. Создание в этой части городского центра паркового массива позволит пространственно объединить комплекс зданий театра оперы и балета и хореографического училища с новым зданием ТЮЗа. Пешеходная аллея свяжет эти два крупных узла и продлится в северном направлении через Центральный парк к комплексу стадиона «Спартак», а в южном выйдет в парк, создаваемый в долине Каменки. ...По проекту, выполненному в 1986 году архитекторами Новосибиргражданспроекта, предполагается сохранить в этой зеленой зоне (между театром оперы и балета и театром юного зрителя) несколько существующих памятников деревянного зодчества и ряд добротных домов — ровесников века, сформировав среди зелени фрагмент старой улицы города и наполнив его соответствующим содержанием: мастерские народных ремесел, сувенирные лавки, музей народного быта и тому подобное [9, с. 42].

По справедливому замечанию исследователей, идея зеленых насаждений в городе присутствовала во всех проектах развития города:

Во всех схемах генерального плана Новосибирска <...> большое значение придавалось зеленому диаметру, расположенному вдоль основной природной оси, какой является Обь. Этот зеленый ход, занимающий прибрежные территории, дополнялся целым рядом зеленых артерий, протянувшихся по долинам рек Каменки, Первой и Второй Ельцовки, Плющихи, Ини, Тулы. Эти зеленые массивы, расположенные в преобразованных поймах рек, должны обогащаться целой системой парков, скверов, садов, бульваров, находящихся непосредственно в городской застройке. Наконец, завершающей ступенью озеленения города становятся зеленые насаждения внутри микрорайонов, групп домов, кварталов, на участках школ и детских садов [9, с. 42].

Однако планы по большей части не были реализованы, а в начале 1990-х гг. начинался новый общественный этап, связанный с реставрацией буржуазных отношений и восстановлением института частной собственности

¹ Видимо, имеется в виду современное оз. Верховое — В. З.

сти на землю и другие объекты недвижимости, что не могло не сказаться на перспективах развития города, которое и без того осложнялось прошлыми решениями. Новый генеральный план, утвержденный решением Совета депутатов г. Новосибирска в 2007 г., и его корректировка, выполненная в 2022 г. (на сайте городской администрации на момент написания статьи этот документ еще не размещен), существенно меняют философию развития города. При этом ставится стратегическая задача комплексной реконструкции территории и всех ее подсистем, а «в качестве базы используются внутренние источники саморазвития города», в том числе частные инвестиционные проекты. Спорным, однако, представляется утверждение о том, что «впервые предлагается развитие общегородского центра» — рассмотренные выше идеи показывают, что эта задача ставилась практически постоянно. Предусматривается также расширение «видов и размеров зон общественно-делового использования с учетом укрепления роли города Новосибирска как полифункционального сервисного инфраструктурного центра в системе расселения Новосибирской области и Западно-Сибирского региона; формирования линейно-узловой системы общественных территорий, включая территории исторической центральной части города Новосибирска и участков вдоль существующих и планируемых магистралей, вокруг площадей и транспортно-пересадочных узлов, участков набережных по обоим берегам реки Оби» [13] и другие мероприятия.

Разработка нового плана в условиях XXI в. представляется особо сложной задачей. Преобразования начала 1990—2000-х гг. привели, с одной стороны, к упадку и деградации ряда малых, средних и моногородов, а с другой — вызвали непомерное разбухание отдельных центров, таких как Москва и Санкт-Петербург, для описания которых уже недостаточно термина «город». Исследователям (не только в России, но и за рубежом) приходится вводить специальные термины (мегаполис, метрополис, урбанистический район, постметрополис, агломерация). При этом отсутствует единая методология описания и исследования современных городов, потребность в которой исключительно велика, так как наше время характеризуется как «новый и специфический этап в развитии городской цивилизации, определяемой процессами общего переструктурирования экономической и социальной жизни на фоне процессов глобализации» [14, с. 78—79]. Одной из особенностей этого этапа стало глобальное изменение подходов к городской политике в рамках неолиберализма. Сегодня вопрос о будущем глобализации и ее перспективах решается в ходе противостояния Россия — Запад, но последние десятилетия развитие городов не только в России, но и в других странах вписывалось в ее контекст, в рамках которого происходило ослабление, если не ликвидация, социальных функций города. Происходит переход от города, озабоченного социальным воспроизводством жителей, к городу-предпринимателю. «Прежний объем вложений в социальную политику не может себе позволить ни одно городское правительство. Результат — нарастание социального напряжения, фрагментации, поляризации» [15, с. 340].

Если признать данное заключение верным, то станет понятно, что то ухудшение социального самочувствия, которое испытывают жители Новосибирска (заставшие не только последний этап его развития — с 1990-х гг.), является не случайным. Рост плотности жилой застройки без соответствующей инфраструктуры — школ, детских садов, поликлиник, больниц и т. д. — не случайное, а глубоко закономерное явление в условиях, когда каждый квадратный сантиметр городской площади должен приносить доход. При этом разрушается целостность исторического центра (не только путем сноса, но и путем бесконтрольного и бессистемного строительства новых зданий, усугубляются имеющиеся проблемы, в том числе экологиче-

ские (Новосибирск, как отмечено в генеральном плане, находится в зоне, способствующей накоплению экологических проблем), транспортные, имеющие тенденцию ко все большему обострению, несмотря на строительство в 1980—1985 гг. первых линий метрополитена, что стало громадным шагом в развитии города (рис. 12, 13).

Рис. 12. Начало работ по строительству станции метро «Речной вокзал», 1983
Beginning of works on construction of Rechnoi Vokzal metro station, 1983

Рис. 13. Станция метро «Речной вокзал», 1995
Rechnoi Vokzal metro station, 1995

К сожалению, дальнейшее развитие метро практически остановлено. Завершение строительства уже в постсоветское время двух станций — «Березовая роща» и «Золотая нива», не решило имеющихся проблем, так же как и строящаяся станция «Спортивная». Последняя станция может даже ухудшить ситуацию, вызывая беспокойство (несмотря на заявления властей) за судьбу парка, который планируется создавать в районе новой спортивной арены. Наличие станции метро — мощный стимул для развития жилищного строительства, и здесь интересы жителей города и застройщиков очевидно столкнутся. Возможно, что повторится судьба обрывистого левого берега, который в прошлом был одним из мест отдыха и проведения массовых мероприятий. В настоящее время доступ к нему перекрыт сплошными заборами жилых домов. Аналогичная ситуация существовала в последние годы и в районе Горской, между железнодорожной магистралью и дамбой Коммунального моста, где были перекрыты все пути прохода к озеру на месте бывшего карьера и другим водоемам — традиционным местам отдыха горожан в прошлом (рис. 14).

Рис. 14. Территория, прилегающая к карьеру на Горской, подходы к которому перекрыты забором ЖК «Панорама», 2022

Territory adjacent to the quarry at Gorskaya, the approaches to which are blocked by a fence Panorama Residential Complex, 2022

Отдельной проблемой традиционно выступает жилищно-коммунальное хозяйство (водопровод, канализация, газо- и электроснабжение и др.)¹. Решению этих и многих других проблем (существовавших как в прошлом, так и возникающим сегодня), помимо технических и исторических факторов, мешает введение института частной собственности, негативные последствия которого трудно перечислить. Обозначим только одну — связанную с разрушением системы коммуникаций и единого городского пространства. Сегодня почти каждый дом стремится огородить свой двор высоким забором с установкой замков на воротах, мотивируя это интересами безопасности и «священным правом частной собственности», которое поз-

¹ Мы лишены возможности даже бегло упомянуть об имеющихся в этой сфере проблемах. Только для их описания потребуется не одна статья.

воляет запрещать другим людям передвигаться по этой территории. Подобное строительство еще можно оправдать на вновь осваиваемых площадках на окраинах города или за его пределами, где система коммуникаций (включающая не только автомобильные дороги, но и пути перемещения пешеходов) еще только формируется и изначально учитывает наличие жилищной застройки, но наиболее активно современный вариант «огораживания» внедряется в давно застроенных районах, прежде всего центральных. Например, в районе, прилегающем к площади Гарина-Михайловского и улице Челюскинцев, перекрыт и разрушен единственный существовавший с момента постройки метро внутриквартальный проход ко входу на станцию около гостинцы «Новосибирск». Заборами перегораживаются даже асфальтированные тротуары и сквозные проезжие дороги (ул. Чаплыгина, территория, прилегающая к ул. Челюскинцев и др.). Такая же картина наблюдается в левобережной части (например, территория торгового университета и прилегающих к нему домов в районе НГТУ).

Еще одним ограничением для движения жителей стало устройство ограждений вдоль тротуаров, уменьшающих и без того недостаточную их ширину (рис. 15). Мотивируется это, как всегда, заботой о безопасности, однако помимо неэстетичности, возводимые заборы, наоборот, усиливают опасность и для водителей, пассажиров (выйдя из остановленного автомобиля, они должны идти до перекрестка по проезжей части), и для пешеходов (в связи с появлением «самокатной проблемы»). Суженный ограждением тротуар не позволит разминуться самокату и пешеходу, что чревато травмами и конфликтами.

Рис. 15. Участок улицы Революции между улицами Депутатской и Максима Горького, 2022
The section of Revolution Street between Deputatskaya Street and Maxim Gorky Street, 2022

К этому следует добавить, что примерно 27-50 % нового жилья, построенного в Новосибирске после 1991 г., как и в некоторых других городах, находится на расстоянии шесть-девять километров от центра [1, р. 13], что создает маятниковое перемещение жителей дважды в течение суток.

Институт частной собственности в корне изменил ценности и человеческие отношения. Конфликты, возникающие на основе частной собственности, при всей своей дикости типичны и естественны для людей, выросших в условиях приоритета частных интересов. Например, жители дома в ЖК «Тихая гавань», расположенного на краю обрыва реки Ельцовки в районе площади Калинина (ул. Овражная), заявляют, что не пустят к своим домам жителей пятиэтажек, расположенных на противоположном краю оврага, из-за того, что будет грязно и понадобится еще один дворник, и перекрывают свой двор забором, в связи с чем жителям других домов приходится идти до метро не 800 метров, а четыре километра в обход [16]. К чести городских властей следует отметить, что этот конфликт был разрешен, и на сегодняшний день проход по мосту открыт (рис. 16). Место сильно напоминает гетто времен Второй мировой войны, но это лучше, чем бетонная плита поперек моста. Хотя позиция города первоначально выглядела довольно странной: вместо того, чтобы принять решение о сносе забора, она перекрывает мост бетонной плитой, потому что за травмы, полученные пешеходами при обходе забора по кромке обрыва «отвечать пришлось бы мэрии».

Рис. 16. Проход к мосту со стороны улицы Овражной
Access to the bridge from the side of Ovrzhnaya Street

Частная собственность затрудняет не только жизнь граждан (экстраполяция ситуации в будущее и доведение ее до предела приводит к выводу, что человек должен будет всю жизнь проводить в своей собственной квартире, не имея возможности выйти из нее), но и решение общегородских проблем. Примерами могут стать строительство развязок около Бугринского моста, потребовавшее сноса частных строений (рис. 17). Начало работ сильно затянулось в связи с долгим торгом между городскими властями и собствен-

никами домов. Еще более драматично сложилась ситуация при решении проблемы ликвидации барахолки и расширения Гусинобродского шоссе: были убиты работники мэрии, связанные с этим решением.

Рис. 17. Строительство Бугринского моста, дома, подлежащие сносу в районе между улицей Большевицкой и остановочной железнодорожной платформой Камышинской, 2012
Construction of Bugrinsky Bridge, houses to be demolished in the area between Bolshevistskaya Street and Kamyshinskaya stop railway platform, 2012

По этой же причине сегодня невозможна организация перехватывающих парковок в районах станций метро, хотя такие планы и существовали. Практически потерян в этом отношении район станции метро «Октябрьская». Площади в Октябрьском районе резервировались для постепенного смещения сюда городского центра (рис. 18).

Рис. 18. Начало застройки территорий, прилегающих к станции метро «Октябрьская», 2011
Start of development of territories adjacent to Oktyabrskaya metro station, 2011

Наконец, частные интересы, находящиеся сейчас в приоритете, неизбежно разрушают внешний вид города: новые здания проектируются по желанию заказчика, единые стилевые решения оформления проспектов и улиц отсутствуют. Город все больше утрачивает свое лицо, превращается в хаотичный набор зданий, затрагивающих даже (а точнее, в первую очередь)

исторический центр¹. Негативную роль играет и обилие, несмотря на принимаемые решения, наружной рекламы. Поскольку вопрос о частной собственности на землю в городах пока не ставится², следует ожидать появления новых проблем и обострения существующих при обеспечении интересов города (рис. 19, 20).

Рис. 19. Бизнес-центр в историческом центре города (пересечение улицы Ленина и проспекта Димитрова, рядом со зданием клуба им. Октябрьской революции, театром «Красный факел» и дореволюционным зданием городского начального училища (ныне — Театр кукол), 2022

Business center in the historical center of the city (intersection of Lenina Street and Dimitrov Avenue, next to the building of the October Revolution Club, the Red Torch Theater and the pre-revolutionary building of the city elementary school (now the Puppet Theater), 2022

¹ Новосибирск характеризуется наиболее высокой плотностью застройки центральной части города — от 335 до 305 тыс. кв. метров жилья на 1 кв. км городской площади [1].

² Пока в этой сфере происходят частные изменения, как, например, принудительное изъятие жилья и переселение в ходе так называемой реновации. Мы не можем судить, чьи интересы преобладают в данном случае — застройщиков или городских властей, но очевидно, что в дальнейшем будут приняты еще более неприятные для жителей решения.

Рис. 20. Пример бессистемной застройки центральной части города в районе кинотеатра им. Маяковского (слева). 2022
Example of haphazard development of the central part of the city in the area of the Mayakovsky Cinema (left), 2022

Помимо причин социального характера, следует отметить и отсутствие обоснованной и признанной теории современного города, что не позволяет выработать адекватную стратегию.

Либеральные идеи толерантности сосуществуют с враждебностью, страхом, недовольством, которые многие «хронически» испытывают в городах. В то же время «нормативное» измерение городского существования, то есть идеи справедливости, «хорошей жизни», солидарности, почти некому представлять и исследовать. <...> Сегодня между нами гораздо меньше, чем в прошлом, согласия в том, как наилучшим образом теоретически и практически осмыслить создаваемые новые городские миры [15, с. 500—501].

Город, что называется, плывет по течению, являясь заложником решений прошлого и порождая все новые трудности, которые осложняют его существование в будущем. Абстрагируясь от реальности, можно было бы предложить построить Новый Новосибирск, используя опыт строительства Астаны в Казахстане или недавно озвученную идею о строительстве в Сибири пяти «новых городов с численностью населения до миллиона человек» [17]. Данное предложение нам представляется нереальным в настоящей ситуации, для его оценки требуется отдельное исследование и пересмотр существующих социально-экономических отношений, поскольку в России создание городов (особенно в Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке) часто являлось прерогативой государства и осуществлялось в государственных интересах. А государство последние десятилетия стремилось максимально избавиться от своих государственных (т. е. общесоциальных) функций.

Список источников

1. Koncheva E., Zalesskiy N. Spatial Development of the Largest Russian Cities During the Post-Soviet Period: Orienting Towards Transit or Maintaining Soviet Trends : basic research program working papers / National Research University Higher School of Economics. 2016. 35 p. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/07/13/1116450809/04URB2016.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).
2. Булгач Р. В. Квартальная структура г. Новосибирска. Возможности развития // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. Т. 22. № 6. С. 51—60.
3. Баландин С. Н. Новосибирск: история градостроительства 1893—1945 г. // Novosibdom.ru: Архитектура Новосибирска : [сайт]. URL: http://nsk.novosibdom.ru/balandin_1893_1945 (дата обращения: 29.09.2022).
4. Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего. М. : Наука, 1980. 373 с.
5. Оглы Б. И. Новосибирск: от прошлого к будущему // Novosibdom.ru: Архитектура Новосибирска : [сайт]. URL: <https://nsk.novosibdom.ru/node/2676> (дата обращения: 29.09.2022).
6. Гоуард Э. Города будущего / пер. с англ. А. Ю. Блоха. СПб., 1911. 176 с.
7. Сабсович Л. М. Социалистические города. М. : Госиздат РСФСР, Московский рабочий, 1930. 124 с.
8. Невзгодин И. В. Архитектура Новосибирска. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2005. 204 с.
9. Колпакова М., Туманик Г. Новосибирск: город в 2000 году. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1989. 110 с.
10. Новосибирск / Б. Братчиков, В. Быков, Е. Волков и др. ; сост. А. У. Китайник, Н. Н. Ларионов. Новосибирск : Кн. изд-во, 1961. 182 с.
11. Ле Корбюзье. Архитектура XX века / пер. с фр. В. Н. Зайцева, В. В. Фрязинова. М. : Прогресс, 1977. 303 с.
12. Шильниковская В., Сахарова Т., Гаврик М. Каменка. Какой ей быть? : завтра нашего города // Вечерний Новосибирск. 1965. 3 сент.
13. Генеральный план Новосибирска: утв. решением Совета депутатов города Новосибирска от 26 дек. 2007 г. № 824 // Официальный сайт города Новосибирска. URL: [https://novosibirsk.ru/upload/building/2007-resn-824\(2009-resn-1144\).pdf](https://novosibirsk.ru/upload/building/2007-resn-824(2009-resn-1144).pdf) (дата обращения: 05.10.2022).
14. Вершинина И. А. Теоретическое осмысление города и урбанизации в современной социологической урбанистике // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Курган : Курганский дом печати, 2015. С. 73—80.
15. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
16. Долженко И. Жителей двух новосибирских улиц рассорил пешеходный мост // БЕЗФОРМАТА. 2019. 11 янв. URL: <https://novosibirsk.bezformata.com/listnews/ulitc-rassoril-peshehodnij-most/63006017/> (дата обращения: 13.10.2022).
17. Шойгу предложил построить в Сибири города-миллионники и перенести столицу // РБК. 2021. 5 авг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/08/2021/610c0dc49a79475818b2d7f0> (дата обращения: 06.10.2022).
18. Жириновский предложил переименовать Новосибирск в Ново-Николаевск // ТАСС. 2016. 9 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/2724608> (дата обращения: 10.10.2022).
19. Мижух П. Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Петроград : Издание Т-ва А. С. Суворина, 1916. 496 с. // TEHNE. URL: <http://tehne.com/library/mizhuh-p-g-sady-goroda-i-zhilishchnyy-vopros-v-anglii-petrograd-1916> (дата обращения: 26.09.2022).

References

1. Koncheva E., Zalesskiy N. Spatial Development of the Largest Russian Cities During the Post-Soviet Period: Orienting Towards Transit or Maintaining Soviet Trends : basic research program working papers, National Research University Higher School of Economics, 2016, 35 p. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/07/13/1116450809/04URB2016.pdf> (accessed: 28.09.2022).
2. Bulgach R.V. Kvartal'naya struktura g. Novosibirska. Vozmozhnosti razvitiya [Quarterly structure of Novosibirsk. Development opportunities], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta [Vestnik of Tomsk State University of architecture and civil engineering]*, 2020, vol. 22, no. 6, pp. 51—60.
3. Balandin S.N. Novosibirsk: istoriya gradostroitel'stva 1893—1945 g. [Novosibirsk: history of urban development 1893—1945], *Novosibdom.ru: Arkhitektura Novosibirska [Novosibdom.ru: Architecture of Novosibirsk]*, sait. Available at: http://nsk.novosibdom.ru/balandin_1893_1945 (accessed: 29.09.2022).
4. Khazanova V.E. Sovetskaya arkhitektura pervoi pyatiletki: problemy goroda budushchego [Soviet architecture of the first five-year plan: problems of the city of the future]. Moscow, Nauka, 1980, 373 p.

5. Ogly B.I. Novosibirsk: ot proshlogo k budushchemu [Novosibirsk: from the past to the future], *Novosibdom.ru: Arkhitektura Novosibirska* [Novosibdom.ru: Architecture of Novosibirsk], sait. Available at: <https://nsk.novosibdom.ru/node/2676> (accessed: 29.09.2022).
6. Gouard E. Goroda budushchego [Cities of the future]. Saint-Petersburg, 1911, 176 p. (in Russ.).
7. Sabsovich L.M. Sotsialisticheskie goroda [Socialist cities]. Moscow, Gosizdat RSFSR, Moskovskii rabochii, 1930, 124 p.
8. Nevzgodin I.V. Arkhitektura Novosibirska [Architecture of Novosibirsk]. Novosibirsk: Publ. Sibirskogo otdeleniya RAN. Novosibirsk, 2005, 204 p.
9. Kolpakova M., Tumanik G. Novosibirsk: gorod v 2000 godu [Novosibirsk: the city in 2000]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 110 p.
10. Bratchikov B., Bykov V., Volkov E. i dr. Novosibirsk [Novosibirsk], ed. A.U. Kitainik, N.N. Larionov. Novosibirsk, Kn. Publ., 1961, 182 p.
11. Le Korbyuz'e. Arkhitektura XX veka [Architecture of the 20th century]. Moscow, Progress, 1977, 303 p. (in Russ.).
12. Shil'nikovskaya V., Sakharova T., Gavrik M. Kamenka. Kakoi ei byt'?: zavtra nashego goroda [Kamenka. What should she be?: tomorrow of our city], *Vechernii Novosibirsk* [Evening Novosibirsk], 1965, 3 sent.
13. General'nyi plan Novosibirska: utv. resheniem Soveta deputatov goroda Novosibirska ot 26 dek. 2007 g. № 824 [General plan of Novosibirsk: approved by the decision of the Council of Deputies of the city of Novosibirsk from December 26, 2007 № 824. 2007 г. № 824], *Ofitsial'nyi sait goroda Novosibirska* [Official website of the city of Novosibirsk]. Available at: [https://novosibirsk.ru/upload/building/2007-res-824\(2009-res-1144\).pdf](https://novosibirsk.ru/upload/building/2007-res-824(2009-res-1144).pdf) (accessed: 05.10.2022).
14. Vershinina I.A. Teoreticheskoe osmyslenie goroda i urbanizatsii v sovremennoi so-tsiologicheskoi urbanistike [Theoretical understanding of the city and urbanization in contemporary sociological urbanism], *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda* [Historical urbanism: the past and present of the city], sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Kurgan6 Kurganskii dom pečati, 2015, pp. 73—80.
15. Trubina E.G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva [The city in theory: experiments in conceptualizing space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 520 p.
16. Dolzhenko I. Zhitelei dvukh novosibirskikh ulits rassoril peshekhodnyi most [Residents of two streets in Novosibirsk are divided by a pedestrian bridge], *BEZFORMATA* [BEZFORMATA], 2019, 11 yanv. Available at: <https://novosibirsk.bezformata.com/listnews/ulitc-rassoril-peshehodnij-most/63006017/> (accessed: 13.10.2022).
17. Shoigu predlozhit postroit' v Sibiri goroda-millionniki i perenesti stolitsu [Shoigu proposed to build million-strong cities in Siberia and relocate the capital], *RBK* [RBK], 2021, 5 avg. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/05/08/2021/610c0dc49a79475818b2d7f0> (accessed: 06.10.2022).
18. Zhirinovskii predlozhit pereimenovat' Novosibirsk v Novo-Nikolaevsk [Zhirinovskiy suggested renaming Novosibirsk to Novo-Nikolaevsk], *TASS* [TASS], 2016, 9 marta. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/2724608> (accessed: 10.10.2022).
19. Mizhnev P. G. Sady-goroda i zhilishchnyi vopros v Anglii [Garden cities and housing in England]. Petrograd : Publ. T-va A. S. Suvorina, 1916, 496 p., *TEHNE*. Available at: <http://tehne.com/library/mizhnev-p-g-sady-goroda-i-zhilishchnyy-vopros-v-anglii-petrograd-1916> (accessed: 26.09.2022).

Информация об авторе

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории гуманитарно-аксиологических основ государственной службы, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Information about the author

Vladimir E. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Humanitarian-Axiological Foundations of Public Service, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 02.02.2023.

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА STARTING PLATFORM

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 158—164.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):158—164.

Стартовая площадка

Научная статья
УДК 94(37):930.2
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-158-164

Преемники Римской империи в контексте фальсификации истории

Глеб Романович Гаврилов

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, glebramanovit2004@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается история ряда государств, претендовавших на роль преемников Римской империи в идеологическом, юридическом и религиозном аспектах. Констатируется, что объявление того или иного государства правопреемником Рима давало для него существенные политические, культурные, религиозные преимущества в Европе и в Азии. Кратко проанализирован процесс падения Римской империи, причины, побудившие различные государства и претендентов на царский титул объявить себя наследниками Рима. В рамках теории правопреемства дана характеристика исторических документов, являющихся фальсификацией. Автор акцентирует внимание и на концепции «Москва есть Третий Рим» как на продолжении религиозной традиции и миссии сохранения и защиты христианства. Этой миссии были привержены до нее Рим и Константинополь, являвшиеся оплотом православной веры, впоследствии отступившие от истинного христианства.

Ключевые слова: Римская империя, фальсификация истории, правопреемство государств, преемники Рима, Византия, Западная и Центральная Европа, Россия, Москва — Третий Рим

Для цитирования: Гаврилов Г. Р. Преемники Римской империи в контексте фальсификации истории // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 158—164. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-158-164.

Successors to the Roman Empire in the context of falsification of history

Gleb R. Gavrilov

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, glebramanovit2004@gmail.com

Abstract. The article examines the history of a number of states that claimed to be the successors of the Roman Empire in ideological, legal and religious aspects. It is stated that the declaration of this or that state as the successor of Rome gave it significant political, cultural and religious advantages in Europe and in Asia. Briefly analyzed the process of the fall of the Roman Empire, the reasons that prompted various states and claimants to the royal title to declare themselves heirs of Rome. Within the framework of the theory of succession, a characterization of historical documents that are falsifications is given. The author also focuses on the characterization of the concept “Moscow is the Third Rome” as a continuation of religious tradition and the mission of preservation and protection of Christianity. This mission was committed to Rome and Constantinople, which were the strongholds of the Orthodox faith and later apostatized from true Christianity.

Keywords: Roman Empire, falsification of history, succession of states, successors of Rome, Byzantium, Western and Central Europe, Russia, Moscow — the Third Rome

For citation: Gavrilov G.R. Successors to the Roman Empire in the context of falsification of history. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):158—164. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-158-164.

Утверждая о преемственности государств Римской империи, исследователи предлагают учитывать в этом вопросе юридические, историко-идеологические и религиозные аспекты. С правовой точки зрения термин «правопреемство государств» был закреплен в Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров, принятой 23 августа 1978 г. Согласно ст. 2 этой конвенции «...правопреемство государств означало смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории; государство-предшественник означает государство, которое было сменено другим государством в случае правопреемства государств; государство-преемник означает государство, которое сменило другое государство в случае правопреемства». В этой интерпретации эти термины имеют четкие критерии и правовое оформление.

В историко-идеологическом смысле преемственность государств четко определенных критериев не имеет, границы более размыты, чем в юридическом аспекте. В данном контексте государству нужен повод для объявления себя преемником иного государства ради легитимности своих претензий. В то же время и повод и причины объявления себя преемниками того или иного государства значительно варьируются. Государство, объявляющее себя преемником другого государства, может преследовать разные цели. Например, претендуя на лидирующие позиции, правопреемник мог претендовать на территории государства-предшественника, представлять своим политическим оппонентам свою преемственность в культурной и религиозной сферах, а зачастую легализовать свой статус как империи или добиваться признания со стороны иных держав.

Способы достижения целей у государства-преемника также варьировались: от установления контроля над территориями государства-предшественника до заключения династических браков или возведения династии правителя к династии, правившей государством-предшественником, или к легендарным основателям своего государства.

Претензии того или иного государства на преемственность нашли свое отражение в разного рода фальсифицированных исторических документах, которыми их создатели пытались подтвердить, обосновать, доказать свою правопреемственность. В таких источниках, как правило, либо исторические факты искажались, подтасовывались, либо отбирались только те из них, которые не отражали историческую действительность, но так или иначе подтверждали желания и цели правящей династии. Эти документы были призваны прежде всего служить насущным интересам государства, т. е. наглядно демонстрировать, иллюстрировать идею правопреемства, восхождения к великому основателю, его великой истории. В данном случае имела место мифологизация исторического прошлого, с целью которой и создавались такие документы, не существовавшие в тот или иной период времени.

Кратко рассмотрим причины, побуждавшие различные государства объявлять себя наследниками Рима.

Во-первых, Рим был огромным государством, занимавшим значительные территории в Европе и Азии. Как следствие, он оказывал существенное влияние на культуру, религию, юриспруденцию и науку, а также на государственное устройство ряда европейских и азиатских государств.

Во-вторых, правопреемство Римской империи позволяло многим его последователям претендовать на культурное, религиозное и политическое превосходство перед политическими соперниками. Именно поэтому многие государства стремились объявить себя преемником Рима, так как это давало солидные преимущества в непростых международных взаимоотношениях.

Процесс упадка этой великой империи был длительным [1, с. 81, 258—259]. Можно выделить три основные, тесно переплетенные между собой причины:

- 1) смена римского климатического оптимума на климатический пессимум;
- 2) кризисные явления III века;
- 3) неэффективное управление государством ввиду слишком больших территорий.

Римский климатический оптимум (с 250 г. до н. э. до примерно 400 г. н. э.) характеризовался мягким климатом, способствовавшим росту и процветанию крупных государств. Изменение климата, а именно похолодание, привело к упадку сельского хозяйства, что причинило большой ущерб ослабленной иными бедствиями римской экономике.

Кризис III века — период в истории Римского государства, начавшийся с гибели императора Александра Севера в ходе мятежа солдат 19 марта 235 г. Он характеризовался рядом кризисных явлений во многих сферах жизни государства, в результате чего Рим потерял контроль над целым рядом территорий. Во многом кризис начался из-за того, что династия Северов слишком опиралась на армию, вследствие чего возникали гражданские войны, истощившие римскую экономику. С приходом к власти Диоклетиана империя все же сумела выйти из кризиса, однако полностью восстановиться она уже не смогла.

Входившие в состав Римской империи территории были огромны, что усложняло централизованное управление государством по целому ряду причин. Во-первых, приказ от столицы до дальних провинций мог передаваться неделями. Этот фактор напрямую влиял на скорость реализации решений, что было критичным в чрезвычайных обстоятельствах. Особенно это касалось военной сферы, ведь передача командования большим количеством легионов одному человеку грозила восстанием, из-за чего императору в случае крупного военного конфликта приходилось руководить войсками лично. Во-вторых, неизбежным было усиление автономии провинций, а также передача большего количества полномочий чиновникам на местах. В свою очередь это увеличивало риск восстания. Также из-за размера территорий экономика была очень хрупка вследствие некоторой спе-

циализации провинций. Например, большая часть сельского хозяйства находилась в Египте и на Сицилии. В случае разрушения цепочек поставок последствия для экономики государства могли быть весьма серьезными. В своей совокупности все названные факторы привели к тому, что в период Великого переселения народов Римская империя ослабла и не смогла сопротивляться варварским нашествиям и набегам.

Необходимо учитывать, что в тот период империя была де-факто разделена на Западную и Восточную, де-юре оставаясь единым государством. В ходе событий Великого переселения народов была уничтожена только западная часть государства. Несмотря на потерю Рима, который к тому моменту де-факто уже не являлся столицей, Римская империя продолжила свое существование. Еще до окончательного падения Запада на престол всходили марионеточные императоры, подчинявшиеся варварским военачальникам, а Рим был не раз разграблен. Однако 4 сентября 476 г. вождь германцев Одоакр свергнул последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа, не назначив нового императора, а впоследствии отправил императорские инсигнии в Константинополь, потребовав назначить себя наместником Италии. После этого, несмотря на то что Италия формально находилась под властью Римского императора, империя потеряла свои исконные земли и сместилась на восток, став впоследствии называться Византией, но при этом продолжив называть себя Римской империей. Ввиду больших различий между этими государствами Византию нельзя в полной мере считать Римской империей. В то же время она являлась ее полноправной преемницей.

Параллельно с Византией существовал и другой претендент на роль преемника Рима. Первым о претензиях на титул императора Запада заявил Карл Великий, объединивший значительные территории Западной и Центральной Европы [2, с. 112—114]. Карл поддержал Папу Римского Льва III во время мятежа против него. Лев III всегда хорошо относился к Карлу Великому и вел курс на сближение с его государством. В 800 г. Лев III возложил на голову Карла Великого императорскую корону, тем самым провозгласив его императором Запада. Этим событием были недовольны византийцы, считавшие свою империю истинной правопреемницей Рима, но под влиянием обстоятельств византийской императрице Ирине пришлось признать титул Карла. Однако впоследствии другие императоры неоднократно отказывались признавать этот титул и оспаривали законность его признания.

Карл в своих притязаниях на власть над Римом и его преемственность опирался не на согласие Византии, а на поддержку духовенства и конкретно Папы Римского. Держава Карла Великого претендовала на роль единой христианской империи, которую играла Римская империя от принятия христианства и до своего падения. Карл Великий хотел быть защитником христианского мира. Он активно воевал с язычниками. Провозглашение его императором, правителем христианской империи было продолжением этой политики. Со смертью Карла Великого пала и его держава, не стало христианской империи Запада и еще одного претендента на величие Рима.

Следующим претендентом на титул императора Запада, воплотившим в жизнь свои амбиции, был Оттон I, также именуемый Великим [3]. Он объединил земли, некогда входившие в державу Карла Великого, и 2 февраля 962 г. папа Иоанн XII даровал ему императорскую корону. В этот день была образована Священная Римская империя, а Оттон стал новым императором Запада.

Как показали последующие исторические события, византийские императоры вновь не захотели признать этот титул. Оттон Великий, как и Карл, получил этот титул от Папы Римского, что помогло легитимировать его как правителя раздробленных земель Центральной и Южной Европы. Однако

в отличие от державы Карла Великого Священная Римская империя, пусть и была, скорее, надгосударственным образованием, нежели единым государством (ввиду большой автономности вассалов императора), большую часть своей истории, смогла пережить своего основателя и просуществовать значительно дольше. Стоит также отметить, что еще при жизни Оттона Великого разгорелась борьба между ним и Папой Римским, где каждый из них претендовал на верховную власть на землях империи, как мирскую, так и религиозную.

На основании приведенных фактов можно сделать вывод о том, что и Карл, и Оттон считали главным наследием Рима именно религию. На религиозное господство на Западе были нацелены их претензии в качестве преемников Римской империи. Оба они получили возможность претендовать на корону императоров Запада, так как подчинили своей воле большие территории в Европе. Именно одобрение и поддержка Папы Римского легитимировали их притязания на этот титул. При этом ввиду существования на тот момент Византии — полноправной наследницы Римской империи, ни одна из этих держав не могла в полной мере являться правопреемницей Рима. Притязания же на преемственность в духовной сфере тоже нельзя назвать в полной мере обоснованными из-за церковных противоречий между Востоком и Западом, вылившихся в итоге в Великую схизму.

Притязания Карла и Оттона Великих поддерживали папы римские, которые, в свою очередь, тоже претендовали на религиозное, а иногда и мирское верховенство не только над западным, но и над всем христианским миром. Так, важным документом, подтверждающим папские притязания на верховную власть, стал «Константинов дар», который якобы являлся посланием императора Римской империи Константина Великого Папе Римскому Сильвестру. Этой грамотой Константин передавал ему власть над западной частью Римской империи и всеми христианскими патриархатами [4]. Этот документ является фальсификацией, о чем свидетельствуют множество разных фактов, таких как использование грубой, «варварской» латыни, отсутствие иных исторических подтверждений и невозможность таких действий лиц, чьи имена связаны с этим документом, в реальных условиях.

В 1440 г. на недостоверность этой грамоты обратил внимание деятель итальянской эпохи Возрождения Лоренцо Валла в своем трактате «Рассуждение о подложности так называемого Константинова дара». С фактами, явно указывающими на фальсификацию «Дара Константина», согласны и многие современные исследователи. Подложный документ ставит под сомнение притязания Папы Римского на высшую власть, а также притязания Карла Великого и Оттона Великого, так как их претензии были легитимированы именно через папу.

Стоит уделить внимание и другим претендентам на императорский или царский титул. Одним из претендентов на царский титул, который смог удовлетворить свои претензии, был болгарский правитель Симеон Великий. При нем Болгария достигла культурного расцвета, контролировала большие территории на Балканах и вела активную и эффективную внешнюю политику [5, с. 924]. В итоге после успешной войны Симеон смог принудить Византию признать свою царский титул. Стоит отметить, что Симеон планировал заключить династический брак между одной из своих дочерей и малолетним императором Константином VII, чтобы получить возможность править и Византией. Потерпев поражение в этих попытках, он постарался завоевать византийский престол силой. Получив царский титул и став равным императорам Византии, он захотел получить и сам титул императора Византии. Целью притязаний Симеона на царский титул было, скорее всего, не намерение объявить свою державу наследником Рима, а желание показать и утвердить политические, экономические, религиозные и культурные успехи, которых Болгария достигла при его правлении.

Именно из-за этого он добивался признания от византийского императора, желая стать равным наследнику Рима, а не объявить себя таковым. Титул царя нужен был Симеону в политических интересах и лишь косвенно отсылал к Римской империи как культурному и политическому гегемону. Сам Симеон Великий как Царь Болгарии не претендовал на титул преемника Рима, хотя и готовил планы по захвату Византийского престола.

Еще одним претендентом на преемственность Риму была Османская империя. Свои претензии она выдвинула после подчинения территорий Византии и захвата Константинополя. Легитимировала она их по большей части на основании права сильного, так как захватила земли бывшего преемника Римской империи. В отличие от претензий Карла Великого и Оттона Великого, Османская империя претендовала на преемственность Риму как новая великая держава, подчинившая себе огромные территории, как и Рим когда-то, а не как единая христианская империя, т. е. важнейшими были именно политические, нежели религиозные цели.

Последним государством, объявлявшим себя преемниками Рима, была Россия. Говоря о России как о преемнике Рима, нельзя не упомянуть концепцию «Москва — Третий Рим». Это во многом политико-религиозная концепция, заключающаяся в том, что Россия — продолжатель религиозных традиций и миссии сохранения и защиты христианства, которой были привержены до нее Рим и Константинополь, впоследствии отступившие от истинного христианства и павшие, та самая единая христианская империя, последний оплот православной веры. Россия, как и державы Карла и Оттона, претендовала на преемственность Римской империи именно в духовной сфере. Помимо этого, присутствовал еще и политический аспект, так как Российская империя, как и Рим, была государством, контролировавшим большие территории и разные народы. Путей легитимации этой претензии у России было несколько. Например, брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей Константина XI Палеолога, последнего византийского императора, принятие Иваном IV царского титула, а также тот факт, что после османских завоеваний Россия осталась единственным большим православным государством. Несмотря на достаточное количество факторов легитимации притязания на преемственность Риму, существует также факт фальсификации истории: в «Сказании о князьях Владимирских» род Рюриковичей возводится к Прусу, родственнику Октавиана Августа [6 ; 7, с. 171—213]. Возведение своей династии к роду основателя Римской империи должно было еще больше легитимировать претензии на царский титул и преемственность Риму, но даже современники не поверили в эту легенду. Никаких исторических подтверждений существования этого Пруса не найдено.

Таким образом, многие государства хотели объявить себя наследниками Рима, так как это влекло значительные преимущества, повышало авторитет в глазах других правителей, а также несло возможность претендовать на политическое, культурное и религиозное влияние, равное влиянию Римской империи времен ее расцвета. Эти государства претендовали на различные аспекты наследия Рима, и способы легитимации их претензий тоже были различны. При этом не обошлось без фальсификации истории, например подделки исторических документов. При этом стоит отметить, что факт объявления себя наследником и преемником Римской империи сам по себе мог являться примером искажения истории, так как не отражал исторической действительности и далеко не у всех государств-претендентов, даже частично удовлетворивших эти претензии, было на то право.

Список источников

1. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи : в 7 ч. / пер. с англ. В. Н. Неведомского. Ч. 7. М. : Изд. К. Т. Солдатенкова ; тип. В. Ф. Рихтер, 1886. 511 с.
2. Эйххард. Жизнь Карла Великого / вступ. ст., перевод, прим., указ. М. С. Петровой. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 304 с.
3. Балакин В. Д. Творцы священной Римской империи. М. : Молодая гвардия, 2004. 355 с.
4. Старостин Д. Н. «Житие папы Сильвестра» и поиски идеи христианской империи: проблемы рукописной традиции в контексте становления церкви в IV—VI вв. // Вестник Томского государственного ун-та. 2017. № 415. С. 119—125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhitie-papy-silvestra-i-poiski-idei-hristianskoy-imperii-problemy-rukopisnoy-traditsii-v-kontekste-stanovleniya-tserkvi-v-iv-vi-vv> (дата обращения: 17.05.2023).
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. XXIXA (58) : Семь озер — Симфония. СПб., 1990. 515 с.
6. Бычкова М. Е. Мотивы «Сказания о князьях Владимирских» в официальных документах середины XVI в. // Герменевтика древнерусской литературы. 2005. № 12. С. 661—674. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-skazaniya-o-knyazyah-vladimirskih-v-ofitsialnyh-dokumentah-serediny-xvi-v> (дата обращения: 17.05.2023).
7. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских / Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) АН СССР. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 217 с.

References

1. Gibbon E. Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii [History of the decline and destruction of the Roman Empire], v 7 part, part 7. Moscow, Publ. K.T. Soldatenkova ; tip. V. F. Rikhter, 1886, 511 p. (in Russ.).
2. Einkhard. Zhizn' Karla Velikogo [The life of Charles the Great], ed. M.S. Petrova. Moscow, In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005., 304 p. (in Russ.).
3. Balakin V.D. Tvortsy svyashchennoi Rimskoi imperii [Creators of the sacred Roman Empire]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2004, 355 p.
4. Starostin D.N. «Zhitie papy Sil'vestra» i poiski idei khristianskoi imperii: pro-blemy rukopisnoi traditsii v kontekste stanovleniya tserkvi v IV—VI vv. ["The life of Pope Sylvester" and the search for the idea of Christian empire: the problems of manu-script tradition in the context of the formation of the church in the IV—VI centuries], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta* [Vestnik of Tomsk State University], 2017, no. 415, pp. 119—125. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhitie-papy-silvestra-i-poiski-idei-hristianskoy-imperii-problemy-rukopisnoy-traditsii-v-kontekste-stanovleniya-tserkvi-v-iv-vi-vv> (accessed: 17.05.2023).
5. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [], v 86 vol., vol. XXIXA (58), Sem' ozer — Simfoniya [Brockhaus and Efron's encyclopedic dictionary]. Saint-Petersburg, 1990, 515 p.
6. Bychkova M.E. Motivy «Skazaniya o knyaz'yakh Vladimirskikh» v ofitsial'nykh dokumentakh serediny XVI v. [Motives of the "Tale of the Princes of Vladimir" in official documents of the middle of the XVI century], *Germevenitika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of ancient Russian literature], 2005, no. 12, pp. 661—674. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-skazaniya-o-knyazyah-vladimirskih-v-ofitsialnyh-dokumentah-serediny-xvi-v> (accessed: 17.05.2023).
7. Dmitrieva R.P. Skazanie o knyaz'yakh vladimirskikh [Tale of the princes of Vladimir]. Moscow ; Leningrad, Publ. Akademii nauk SSSR, 1955, 217 p.

Информация об авторе

Гаврилов Глеб Романович — студент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: glebramanovit2004@gmail.com

Information about the author

Gleb R. Gavrilov — Student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: glebramanovit2004@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Стартовая площадка

Научная статья
УДК 791.43-24:930.23
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-165-171

Фальсификация Отечественной истории в кинематографе

Семён Бауржанович Омаров

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, zimanoid@ngs.ru

Аннотация. Автор обращается к понятию фальсификации истории и рассматривает его на примере российского и зарубежного кинематографа. Дана классификация исторических фальсификаций в кино, приведены примеры различных фальсификаций в кинолентах. Решается вопрос, почему искажение действительности в киноиндустрии иногда простительно. В результате делается вывод о том, что проблемы фальсификации исторических событий и явлений приобретают особую актуальность в наши дни, так как кинематограф выступает в роли воспитателя и просветителя граждан.

Ключевые слова: фальсификация истории, кинематограф, «Константинов дар», псевдоистория

Для цитирования: Омаров С. Б. Фальсификация Отечественной истории в кинематографе // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 165—171. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-165-171.

Starting platform

Original article

Falsification of the Patriotic History in cinematography

Semyon B. Omarov

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, zimanoid@ngs.ru

Abstract. The author refers to the concept of falsification of history and considers it on the example of Russian and foreign cinematography. Classification of historical falsifications in cinema is given, examples of various falsifications in films are given. The question of why distortion of reality in the movie industry is sometimes forgivable is addressed. As a result, it is concluded that the problems of falsification of historical events and phenomena become especially relevant in our days, as the cinema acts as an educator and enlightener of citizens.

Keywords: falsification of history, cinematography, “Konstantin's Gift”, pseudohistory

For citation: Omarov S.B. Falsification of the Patriotic History in cinematography. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):165—171. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-165-171.

Фальсификация истории: понятие, взгляды, значение

Термин «фальсификация истории» употребляется преимущественно в отечественной историографии, особенно он стал популярен в последние два десятилетия. Его зарубежным аналогом является понятие *pseudohistory* («псевдоистория»), которое впервые употребили в 1815 г. для характеристики текста, известного как «Состязание Гомера и Гесиода». Первоначально представленный как исторически достоверный, он оказался вымыслом, повествующим о состязании между двумя древнегреческими поэтами [1, p. 19].

Одним из первых так называемых подложных документов стал дарственный акт Константина Великого Римскому Папе Сильвестру «Константинов дар» (*Constitutum Constantini*) [2]. Подлинность как его самого, так и содержащейся в нем информации были взяты под сомнение лишь через несколько веков после его создания. Примером исторической фальсификации в отечественной истории может считаться «Велесова книга», датированная IX в., т. е. написанная незадолго до того, как у славян появились глаголица и кириллица.

Понятие «псевдоистория» появилось раньше родственного ему понятия «псевдонаука». Однако они схожи тем, что опираются на методологию, которая не выдерживает критериев научного исследования, а их доводы либо имеют слишком мало доказательств, либо вообще не имеют их. Историки Майкл Шермер, Алекс Гробман, Артур Хертцберг определяют псевдоисторию как «переписывание прошлого в современных личных или политических целях». Это определение совпадает с трактовкой термина «фальсификация истории» [3, p. 2].

Существует и критика данного понятия. Так, доктор исторических наук И. Курилла утверждал, что есть фальсификация источников, когда речь идет об умышленном искажении тех или иных текстов, археологических находок и др. Термин же «фальсификация истории» непонятен историкам по причине того, что история — это постоянный диалог прошлого и настоящего. В результате автор задается вопросом: а как можно фальсифицировать диалог? [4].

В XX в. появился постмодернистский взгляд на фальсификацию истории. С точки зрения постмодернистов история, как любая гуманитарная (и не только) наука, стремится создать будущее. Анализ исторических источников лишь дает понимание правильности выбранного пути. Его приверженцы утверждали, что для историка важна не только подлинность того или иного источника, но в большей мере его влияние на общество в прошлом, а также его роль, которую он играл в политике, религии и культуре эпохи. В качестве примера можно привести ситуацию с упомянутым «Константиновым даром», определявшим государственно-политические отношения в Европе в Средние века. Подлинность данного документа была развенчана только в момент утраты былого влияния этого текста [4].

Трудно согласиться с позицией постмодернистов в этом вопросе. И все же сторонники теории обращали внимание исследователей на очень важный аспект: в современном обществе история играет роль инструмента для достижения различных целей, в угоду которых прошлое можно изменить, истолковать по-иному, а может, и вовсе что-либо утаить или приукрасить.

На протяжении всей истории человечества мы можем отследить попытки манипулирования различными явлениями, событиями, фактами (теории о происхождении того или иного этноса, религиозные споры авраамических религий и т. д.). В XXI в. благодаря технологическому прогрессу информацию стало легче и быстрее находить. В то же время общество нуждается в фильтрации информации, подтверждении ее различными авторитетными источниками. В этой связи важны не только подлинность историче-

ского источника, но и доверие общества к содержащейся в нем информации. Зачастую это социальное доверие основано на авторитете харизматической личности. Если какие-либо личности имеют авторитет, хорошую репутацию, то источник, подтверждающий эти качества, будет тепло встречен обществом, его будут использовать в других источниках, даже если он является подделкой.

Кинематограф и фальсификация истории

Художественное творение может быть посвящено как вечным ценностям (например, любви или красоте), так и вполне реальным личностям, событиям или явлениям. Искусство не просто дарит человеку возможность самовыражения, но и накладывает на него определенную ответственность. Оно всегда оказывало и оказывает воздействие на людей, и чем более понятным и ярким будет произведение, тем большую аудиторию своим влиянием оно охватит. Искусство можно назвать инструментом манипуляции сознанием, так как оно в любом случае несет какую-либо информацию, которая оседает в умах людей, пробуждает в них чувства и эмоции. Этот принцип лежит в основе появления массовой культуры в начале XX в., которая непосредственно связана с изобретением кинематографа. Известно мнение, приписываемое, по воспоминаниям наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского, В. И. Ленину: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино».

Кино служит наиболее наглядным и максимально полным способом познакомить зрителя с какой-либо исторической эпохой или событием, так как само по себе является сплетением визуальной составляющей (декорации, макеты зданий, одежда и прочий реквизит), музыки, текста и устной речи. Это дает возможность показать особенности описываемого временного промежутка, уделить внимание деталям, создать соответствующую атмосферу той эпохи. Все это позволяет снизить работу человеческого воображения и сфокусироваться на информации, транслируемой через киноэкраны.

В работах Д. Ю. Кувшинова, А. И. Фурсова дана классификация исторических фальсификаций в кино: полное противопоставление, грубое высказывание точки зрения, прямо противоположной авторитетной в данный момент времени позиции по данному вопросу; очеловечивание, гуманизация врага; неуместная стилистика; исторические неточности и недочеты.

Полное противопоставление, грубое высказывание точки зрения, прямо противоположной авторитетной в данный момент времени позиции по данному вопросу. Самым ярким примером являются пропагандистские фильмы Геббельса «Красный террор», «Возвращение» и т. п. Здесь нацисты представляют светлую сторону, а Красная армия — злодеев. Сюда же можно отнести фильмы Олеся Янчука «Непокоренный» (2000), в котором прославляется лидер бандеровского подполья Роман Шухевич, или «Железная сотня» (2004) о «бойцах» УПА. Примером исторической фальсификации в отечественном кинематографе может служить российский фильм «Сволочи» (2006) режиссера Александра Атанесяна, в котором рассказывается о подростках 14—15 лет, осужденных за преступления и готовившихся НКВД для совершения диверсий. В фильме есть сцена, где седой фашистский офицер, сняв фуражку, убивается от горя над трупами русских диверсантов: «Боже мой! Это же дети! Что за война? Что же мы все делаем?!» [5, с. 11—14] Здесь присутствует не только гуманизация врага, но и очернение репутации НКВД. После выхода фильма им заинтересовалась ФСБ, которая провела исследование архивов НКВД, и ее сотрудники пришли к выводу, что в реальности таких школ не существовало. А вот прототипом данной школы послужила фашистская школа диверсантов

«Гемфурт», или «Абверкоманда—203», вербовавшая для тех же целей подростков 13—17 лет из детских домов Орши и Смоленска.

Очеловечивание, гуманизация врага. Данный тип фальсификации чаще всего встречается в фильмах, посвященных Великой Отечественной войне — пожалуй, самому масштабному и горячо обсуждаемому событию мировой истории. Не все документы о войне до сих пор рассекречены. Здесь можно говорить об эволюции образа немцев в кино и привести примеры из кинематографа. В довоенные годы и в начале Второй мировой войны образ немца-врага был преимущественно прост и понятен советскому человеку. Немец — глупый, неотесанный, злой и мерзкий, в какой-то мере жалкий. Ему противопоставлялся героический образ советского солдата, его личностно превосходящего (например, фильм «Танкисты», 1939 г.). В послевоенные годы в отечественной военной литературе и кинематографе произошли изменения в трактовке военного противника, так как создателями фильмов были непосредственные участники войны, люди, пережившие эту трагедию («В бой идут одни старики», «Они сражались за Родину» и др.). Теперь враг был другим: умным, злым, беспощадным. Но при этом враг не имел лица, а был образом, силуэтом, который противостоял героям. Так, в кинофильме «...А зори здесь тихие» (1972) лица фашистов зрителям показывали лишь в одной из финальных сцен, где Федот Евграфович Васков берет их в плен. До этого внимание зрителя никогда не обращали на лица врагов.

В современном отечественном кинематографе хотелось бы отметить фильм «Цитадель» (2012). В картине есть сцена, где немец упрекает своего сослуживца, виновного в расстреле мирных жителей фразой: «Ты что, эсэсовец?». То есть по логике создателей фильма: все то ужасное, что творили нацистские войска, — вина СС, а обычные солдаты в военных злодеяниях не виноваты [5]. В другом российском фильме «Т-34» (2018) присутствует образ «благородного» штандартенфюрера Клауса Ягера, которому перед гибелью советский офицер-танкист Николай Ивушкин в конце фильма уважительно жмет руку.

По мнению многих кинокритиков, стремление показать «серую мораль войны», оправдать положение рядовых участников с той и с другой противоборствующих сторон зачастую приводит к тому, что враг в подобных сценах выглядит более притягательно и благородно, чем истинный герой.

Неуместная стилистика. Это один из самых распространенных приемов в кино. Например, в фильме «Штрафбат» (2004) священник стреляет из винтовки, не снимая рясы. Или фильм «Викинг» (2016), в котором, помимо известного киноштампа о грязном, мрачном Средневековье, где чем древнее, тем хуже, и плохо подобранных костюмов (эта проблема существует в большинстве фильмов о Средних веках), также присутствует полное безразличие к устной речи персонажей, а именно к ее стилистике. Великий князь Владимир иногда говорит чуть ли не на молодежном сленге. В противовес этому можно привести фильмы Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» или «Иван Грозный», где стилистика эпохи передана намного лучше, чем в фильме Андрея Кравчука. Или же английский фильм «Генрих V», где Том Хиддлстон и другие разговаривают репликами из пьес Шекспира.

Исторические неточности и недочеты. Таким термином можно обозначить ситуации, когда режиссеры «поскупились на команду исторических консультантов». Примером может служить фильм «Союз спасения» (2019), в котором имеются исторические неточности: неправильно пошитые костюмы, неверно расположенные ордена на орденской ленте. Можно сравнить экранизации повести Б. Васильева «А зори здесь тихие» 1972 и 2015 гг. В трейлере к фильму 2015 г. немцы, летящие в самолете, показаны в знаменитых «рогатых шлемах», которые они носили еще в период Первой мировой войны. Однако для немецких парашютистов были разработаны специальные шлемы без характерных «рогов», которые можно ви-

деть на актерах в версии фильма 1972 г. Эти незначительные огрехи заметны не только историкам, но и простым зрителям.

Почему искажение действительности в некоторых случаях простительно? Здесь мы сталкиваемся с различием понятий интерпретации и фальсификации, исторического кино и киноисточника. Интерпретация предполагает определенную художественную свободу, основанную на личном понимании автора произведения. Зрителю всегда сложно оценивать: удачна интерпретация или нет. Однако где та грань, когда переосмысление чего-либо становится фальсификацией, и не является ли такой удобный термин, как «интерпретация», ширмой для продвижения определенных идей в массы? [6]

Автор художественного произведения не создает научное знание, претендующее на абсолютную или относительную истину. Он лишь берет исторические вкрапления в виде прямых упоминаний или отсылок на существовавшие события, места, личности и на основе этого создает произведение. У автора художественного произведения нет задачи документально воссоздать действительность, возможно только вдохновиться ею, взять ее за основу [7]. Для примера можно рассмотреть художественный фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», где есть ряд исторических неточностей. Например, кадеты никогда не натирали полы, для этого была прислуга. А противогазы, в которых появляются американские кадеты в начале картины, были изобретены лишь в 1915 г., хотя события фильма происходят в 1905 г. Но так ли важны эти детали в фильме? Насколько они изменяют общее представление о картине, становится ли она после этого плохой? Нет. А все потому, что автор позиционирует свое произведение не как историческое, а как художественное, его главная цель — рассказать историю. В таких случаях исторические неточности не являются примером фальсификации истории, так как цель у произведения иная.

Есть две главные проблемы современного исторического кинематографа. Первая проблема заключается в том, что он крайне политизирован, служит целям конкретных групп людей, что превращает кино в оружие информационной войны. Особенно это опасно, когда при поддержке государства выходит фильм, противоречащий официальным авторитетным источникам или отражающий непопулярные в обществе точки зрения. Когда под видом патристического кино про героев нашей страны, про выдающихся личностей, про значимые события на экранах показывают «серую мораль», героев, которые либо противоречат своим историческим прототипам, либо вовсе не вызывают симпатии. Так, фильм «Викинг», в рекламной компании которого участвовали федеральные каналы и РПЦ, пусть и окупился, но ни как художественный, ни тем более документальный фильм не имеет никакой ценности. С другой стороны, фильм «28 панфиловцев» (2016), снятый на пожертвования населения, является примером хорошего произведения и исторического источника, который, может быть, не во всем верен, но поднимает важную общественную тему и является частью кинематографической истории о подвиге советских бойцов при обороне Москвы в 1941 г.

Второй немаловажной проблемой, перекликающейся с первой, является позиционирование фильмов. Часто, когда выходит фильм, посвященный какой-то исторической теме, в его рекламной кампании можно услышать реплики в духе «правда, о которой все молчали...», «было изучено множество секретных архивов...» и «такую историю вы еще не видели...» Однако, как правило, после холодной встречи его историческими критиками люди, причастные к созданию киноленты, говорят о художественности фильма, взгляде режиссера и «непонимании художника». С самого начала рекламной кампании зрителя готовят к исторической правде, однако на выходе мы часто имеем фальсифицированную историю, в лучшем случае — с безобидными недочетами, а в худшем — целенаправленным искажением

исторической правды. И к создателям фильмов не возникало бы претензий, если бы они позиционировали свое произведение как художественное, вдохновленное реальными событиями, основанное на них, но никак не претендующее на документальность.

Эти проблемы особенно актуальны в настоящее время в ситуации ведущейся против России, против ее исторического наследия информационной войны. В ходе проделанной работы нами были изучены исследования, в которых показано, как с 2014 г. в социальных сетях возрастает количество упоминаний термина «победобесие», высказываний «нам нечем гордиться» и других, чаще всего относящихся к Великой Отечественной войне, к событию, которое имеет огромное значение в современной геополитической обстановке. И кто как не кинематограф, как средство взаимодействия, воспитания и просвещения граждан, может и должен помочь справиться со сложившейся ситуацией.

Список литературы

1. Elton C. A. The Remains Of Hesiod, The Ascræan, Including The Shield Of Hercules: With A Dissertation On The Life And Aera, The Poems And Mythology Of Hesiod (1815). Whitefish : Kessinger Publishing, 2010. 340 p.
2. Ульянов О. Г. О времени зарождения на Руси концепции «Москва — Третий Рим. («Donatio Cjstantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») // Терминология исторической науки. Историописание. М. : ИВИ РАН, 2010. С. 164—204.
3. Shermer M., Grobman A., Hertzberg A. Denying History: Who Says the Holocaust Never Happened and Why Do They Say It? Oakland : University of California Press, 2009. 360 p.
4. Курилла И. Зачем фальсифицируют историю // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/189> (дата обращения: 15.05.2023).
5. Кувшинов Д. Ю. Искажение исторических фактов о Великой Отечественной войне в современном игровом кино // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 4. С. 11—14.
6. Шарифова С. Ш. Интерпретация и фальсификация в художественно-исторической романистике // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-falsifikatsiya-v-hudozhestvenno-istoricheskoy-romanistike/viewer> (дата обращения: 16.05.2023).
7. Бычков С. П. Особенности исторического фильма: взгляд с точки зрения исторической науки // Вестник Омского университета. 2003. № 4. С. 55—58.

References

1. Elton C.A. The Remains Of Hesiod, The Ascræan, Including The Shield Of Hercules: With A Dissertation On The Life And Aera, The Poems And Mythology Of Hesiod (1815). Whitefish, Kessinger Publishing, 2010, 340 p.
2. Ul'yanov O.G. O vremeni zarozhdeniya na Rusi kontseptsii «Moskva — Tretii Rim. («Donatio Cjstantini Magni» i «Povest' o belom klobuke») [About the time of origin in Russia of the concept "Moscow is the Third Rome" ("Donatio Cjstantini Magni" and "The Tale of the White Clobuk")], *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie* [Terminology of historical science. Historiography]. Moscow, IVI RAN, 2010, pp. 164—204.
3. Shermer M., Grobman A., Hertzberg A. Denying History: Who Says the Holocaust Never Happened and Why Do They Say It? Oakland, University of California Press, 2009, 360 p.
4. Kurilla I. Zachem fal'sifitsiruyut istoriyu [Why falsify history], *Arzamas*. Available at: <https://arzamas.academy/materials/189> (accessed: 15.05.2023).
5. Kuvshinov D.Yu. Iskazhenie istoricheskikh faktov o Velikoi Otechestvennoi voine v sovremennom igrovom kino [Distortion of historical facts about the Great Patriotic War in modern feature films], *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Vestnik of social sciences and humanities], 2020, vol. 1, no. 4, pp. 11—14.
6. Sharifova S.Sh. Interpretatsiya i fal'sifikatsiya v khudozhestvenno-istoricheskoi romanistike [Interpretation and falsification in fiction-historical novelism], *KiberLeninka* [CyberLeninica]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-falsifikatsiya-v-hudozhestvenno-istoricheskoy-romanistike/viewer> (accessed: 16.05.2023).
7. Bychkov S.P. Osobennosti istoricheskogo fil'ma: vzglyad s tochki zreniya istoricheskoi nauki [Features of historical film: a view from the point of view of historical science], *Vestnik Omskogo universiteta* [Vestnik of Omsk University], 2003, no. 4, pp. 55—58.

Информация об авторах

Омаров Семён Бауржанович — студент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: zimanoid@ngs.ru

Information about the authors

Semyon B. Omarov — Student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: zimanoid@ngs.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

КРУГ ЧТЕНИЯ READING CIRCLE

Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 172—174.
Siberia Humanitarian. 2023;(3):172—174.

Круг чтения

Рецензия на книгу

**Росси М. Советские партизаны и освобождение Италии / пер. с ит.,
науч. ред. и коммент. М. Г. Талалая. СПб. : Алетеия, 2023. 216 с., ил.**

Наталья Михайловна Маркдорф

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация, markdorf-nm@ranepa.ru

Reading circle

Review of the book

**Rossi M. Soviet partisans and the liberation of Italy / translation from It.,
scientific ed. and comment. M.G. Talalai. SPb. Aleteia, 2023. 216 p., ill.**

Natalia M. Markdorf

Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, markdorf-nm@ranepa.ru

История советских партизан на Северной Адриатике, где действовали также итальянские и югославские патриоты, по-прежнему интересна для современных российских и зарубежных исследователей европейского движения Сопротивления. Советские партизаны (около 6 000 человек) составляли половину иностранного контингента в итальянском Сопротивлении. Они пользовались заслуженным уважением среди соратников по борьбе по целому ряду причин. Советские граждане были идейно вооружены против фашизма, олицетворяли в Италии победоносную, в особенности после Сталинградской битвы, Красную Армию. В отличие от большинства военнопленных других национальностей, например англичан, американцев, они отвергали предлагаемую возможность ухода в нейтральную Швейцарию, предпочитая оставаться в боевом строю даже после тяжелого ранения. Они имели большой военный опыт и часто выступали как наставники для других партизан.

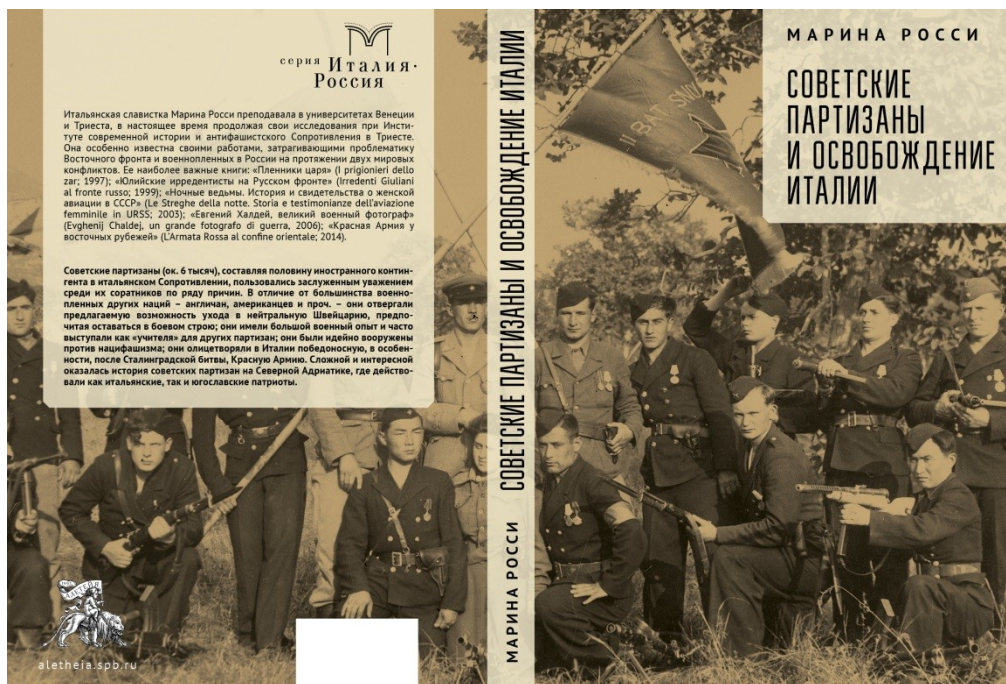
Историк из Триеста Марина Росси изучает сложные вопросы русистики и славистики, историю своего родного края, Северной Адриатики. Научному сообществу хорошо известны ее работы, освещающие малоизученные сюжеты мировых войн и конфликтов.

В Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя» увидела свет монография М. Росси «Советские партизаны и освобождение Италии», освещающая вопросы итальянской военной истории и славистики. В ее основе — предыду-

щая книга на итальянском языке «Soldati dell'Armata Rossa al confine orientale» («Солдаты Красной Армии у восточных рубежей»), опубликованная в 2014 г., дополненная новыми архивными изысканиями автора.

Монография «Советские партизаны и освобождение Италии» посвящена движению Сопротивления в Италии. Она написана на основе архивных материалов, собираемых и изучаемых автором в течение многих лет как в России, так и в странах постсоветского пространства, в том числе в Азербайджане.

М. Росси пишет об обстоятельствах появления и действиях советских партизан на Апеннинах. Особое внимание исследователя сосредоточено на зоне Триеста, где геополитическая обстановка являлась особенно сложной. Накануне падения нацифашизма на эти края претендовали как освобожденная Италия, так и Югославия. Автор констатирует, что советские партизаны (среди которых было много бывших восточных легионеров) сражались преимущественно в словенском Сопротивлении. Этот фактор определил их забвение в итальянской историографии.

Автор обращается к исследованию сложных и неоднозначно рассматриваемых в европейской историографии вопросов, таких как организация итальянского и словенского сопротивления на восточных рубежах, роль союзников на итало-словенских пограничных землях, нацистская пропаганда среди пленных, проблемы их репатриации, характеризует партизанскую печать и многие другие интересные аспекты деятельности партизан в итальянском Сопротивлении. Для удобства читателей книга снабжена указателем имен.

Высокий научный уровень перевода был обеспечен историком-итальянистом М. Г. Талалаем, опубликовавшим множество работ о советских партизанах, действовавших в Италии. Его перу принадлежит послесловие к этому изданию на русском языке.

Безусловно, монография Марины Росси «Советские партизаны и освобождение Италии» вносит большой вклад в изучение итальянского движения Сопротивления и будет интересна широкому кругу читателей как в нашей стране, так и за рубежом.

Информация об авторе

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, директор научно-образовательного центра «Историко-политические и социокультурные процессы глобального и регионального развития», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Information about the author

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Head of the Scientific and Educational Centre “Historical, Political and Socio-Cultural Processes of Global and Regional Development”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALITIES

Олег Николаевич Катионов: ученый, педагог, организатор

Олег Николаевич Катионов родился в г. Добеле Латвийской ССР. В 1975 г. окончил Новосибирский государственный педагогический институт (НГПИ) по специальности «учитель истории и обществоведения, методист по воспитательной работе». Работал учителем в Мирновской и Репьевской средних школах Тогучинского района Новосибирской области; с 1977 по 1980 г. — заведующим кабинетом философии и научного коммунизма, ассистентом кафедры истории СССР НГПИ. С 1980 по 1983 г. обучался в аспирантуре при кафедре истории СССР НГПИ.

В 1980-х гг. О. Н. Катионов, работая в вузе, по заданию Управления культуры Новосибирской области занимался составлением свода памятников истории и культуры области, что дало возможность объехать ее большую часть и собрать обширный материал по истории населенных пунктов региона. Итоги работы были опубликованы в «Своде памятников истории и культуры Новосибирской области».

В 1985 г. Олег Николаевич был назначен заместителем декана исторического факультета НГПИ, в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Московско-Сибирский тракт во второй половине XIX в.», в 1989 г. избран деканом исторического факультета НГПИ. При непосредственном участии Олега Николаевича на факультете был существенно расширен круг специальностей высшего образования, направлений подготовки бакалавриата, магистратуры, по которым ведется обучение. Он инициировал лицензирование ряда аспирантур, создание научно-исследовательских лабораторий при кафедрах.

В 2004 г. при активном участии Олега Николаевича Катионова исторический факультет был преобразован в Институт истории, гуманитарного и социального образования (ИИГСО) НГПУ.

Олег Николаевич разработал и в разное время преподавал курсы истории СССР дооктябрьского периода, правоведения, истории Сибири, истории государства и права России, новейшей истории России и др. Под его руководством студенты участвуют в научных конференциях, публикуют статьи, защищают выпускные квалификационные работы и диссертации.

Эрудиция, широкий кругозор, культура общения преподавателя, проблемное изложение на научной основе, — все это создает условия для заинтересованного восприятия учебного материала студентами, стимулирует их познавательную активность. Неподдельный интерес студентов к его лекциям объясняется еще и тем, что рассмотрение проблем, как правило, подкрепляется оригинальными материалами, личными впечатлениями.

Диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири (30-е гг. XVIII — 90-е гг. XIX в.)» Олег Николаевич защитил в 2006 г. в диссертационном совете при Омском государственном

педагогическом университете (научный консультант — доктор исторических наук, профессор Е. И. Соловьева). Работа над кандидатской и докторской диссертациями, а также исследовательскими проектами по грантам Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) потребовали изучения большого количества материалов из архивов, библиотек, краеведческих музеев 16 городов от Санкт-Петербурга и Москвы до Владивостока.

С 2007 по 2017 г. Олег Николаевич был руководителем и исполнителем работ по четырем научным проектам, выполняемым по грантам РГНФ. С 2019 по 2021 г. являлся руководителем проекта «Электронный архив карт Сибири с XVII в. по 1941 г.», поддерживаемого РФФИ. Коллективом исследователей, включавшем как опытных преподавателей, так и студентов, был подготовлен, отредактирован и издан в 2019 г. «Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока с XVII в. по 1917 г.». Ведется работа по созданию каталога карт Сибири и Дальнего Востока с 1917 по 1941 г. В 2021 г. опубликованы «Материалы к каталогу карт Сибири и Дальнего Востока с 1917 по 1941 г.» (составители О. Н. Катионов, В. И. Баяндин, Т. В. Мжельская и др.). Все три каталога послужат основой «Электронного архива карт Сибири до 1941 г.». Есть замысел подготовить материалы к каталогу карт Сибири с 1941 по 1993 г., т. е. с охватом всего советского периода.

В сфере научных интересов О. Н. Катионова исследования по истории крестьянства Сибири и научно-картографическое изучение Сибири. За период 2000—2020 гг. он принял участие в работе 30 научно-практических конференций, в том числе международных.

За годы руководства Олега Николаевича у института сложились устойчивые научные связи с академическими центрами России (ИВИ РАН, институты СО РАН, Государственный Эрмитаж, многочисленные классические университеты, в том числе НГУ, РГГУ, ТГУ, ОПГУ и др.) и зарубежья (Педагогический университет Хоккайдо (Япония), Шаньдунский педагогический университет (Китай), Даляньский университет иностранных языков (Китай)). Ключевую роль в этом сыграл авторитет ученого. Так, в поздравительном адресе Института истории СО РАН к 70-летию О. Н. Катионова отмечено: «Заслуженная репутация серьезного исследователя, автора и соавтора популярных и востребованных в научном мире индивидуальных и коллективных монографий стала основой для налаживания плодотворного сотрудничества с Институтом истории СО РАН, подключения к работе в качестве автора и члена редколлегии фундаментального издания „Историческая энциклопедия Сибири”». О. Н. Катионов является членом совместного с Институтом филологии СО РАН совета по защите докторских диссертаций по филологии в НГПУ, а также совместного с Омским государственным педагогическим и Омским государственным университетами совета по истории и историографии в Институте истории СО РАН. Многолетний опыт исследований и преподавания Олега Николаевича повышает качество проводимых с его участием защит. В готовящемся к изданию совместно с Институтом истории СО РАН третьем томе «Истории Сибири» отмечается его роль: «Благодаря компетентным суждениям и замечаниям, стремлению к поддержанию научной полемики, процедура защиты диссертаций приобретает неформальный характер, а соискатели получают опыт ведения публичной дискуссии».

О. Н. Катионов являлся экспертом Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований. К настоящему времени им проведена экспертиза свыше 110 проектов РГНФ, что позволяет находиться в курсе актуальных исторических, историко-географических, экономико-географических, литературных исследований.

С 2000 по 2022 г. было подготовлено около 100 публикаций в российских журналах из перечня ВАК. В РИНЦ представлены 130 работ, число цитирований — 518, индекс Хирша — 9.

О. Н. Катионов выступает в СМИ по проблемам гражданского воспитания и сохранения исторической памяти. Руководит архивно-поисковой работой студентов, возвращающих имена воинов-сибиряков, захороненных в неизвестных братских могилах. Организует поездки со студентами по местам воинской славы. По приглашению Центра патриотического воспитания при Министерстве региональной политики Новосибирской области студенты из поисковой группы О. Н. Катионова являются экспертами онлайн-ресурса «Бессмертный полк».

Институт ведет серьезную совместную работу с органами образования Новосибирской области и города Новосибирска. На базе ИИГСО и при непосредственном участии О. Н. Катионова проводятся курсы повышения квалификации для преподавателей школ по истории и обществознанию.

Вся трудовая жизнь О. Н. Катионова связана с Новосибирским государственным педагогическим университетом. В коллективе, руководимом им, сохраняются традиции института, создаются условия для творческого роста. Олег Николаевич пользуется заслуженным уважением не только в университете, но и среди научно-педагогической общественности Сибири.

Около десяти лет ученый возглавляет общественный совет при Архивной службе Новосибирской области. За это время им совместно с Архивной службой, Государственным архивом Новосибирской области проведены региональные конференции, посвященные памятным датам в районных центрах Новосибирской области (Колывань, Сузун, Искитим, Куйбышев) с привлечением учащихся школ и вузов, а также коллег из научно-исследовательских институтов, вузов, музеев, библиотек.

О. Н. Катионов являлся членом редколлегии, а также соавтором ряда научных и справочных изданий по истории области и города, в частности «От истоков в будущее», посвященного 80-летию Новосибирской области, «Новосибирск — город трудовой доблести».

Олегу Николаевичу Катионову присвоено почетное звание «Отличник народного просвещения Российской Федерации» (1995), «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2011). Награжден медалями, почетными грамотами различных уровней, имеет большое количество благодарственных писем, памятных знаков, отмечающих его вклад в развитие города, области, а также Золотой Почетный знак «Достояние Сибири» за большой вклад в развитие Сибири (2010).

*О. Н. Сидорчук
заместитель директора по учебно-методической работе, Институт истории,
гуманитарного и социального образования,
Новосибирский государственный педагогический университет*

*О. М. Хлытина
доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории,
Институт истории, гуманитарного и социального образования,
Новосибирский государственный педагогический университет*

*Н. В. Диденко
специалист по учебно-методической работе, Институт истории,
гуманитарного и социального образования,
Новосибирский государственный педагогический университет*

*Н. В. Кашкадарова
ведущий библиотекарь библиотеки, Новосибирский государственный
педагогический университет*

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 21.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 21.01.2023.

Профессор В. М. Кириллов: возвращение имен

Виктор Михайлович родился в Муроме Владимирской области, но вся жизнь его связана с Уралом. В 1976 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета (УрГУ) им. А. М. Горького (Екатеринбург). После окончания учебы в 1976—1979 гг. работал школьным учителем истории (с. Аятское, Невьянского района Свердловской области, Нижний Тагил), с 1979 г. по совместительству преподавал на историческом факультете Нижнетагильского пединститута.

В 1979—1982 гг. обучался в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории Московского областного пединститута (МОПИ) им. Н. К. Крупской. Итогом стала кандидатская диссертация на тему «Проблема единства трудящихся различных расово-этнических групп США в борьбе против монополий. 1960—1970 гг.» (1983 г., научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Е. А. Кургиян).

В 1996 г. в диссертационном совете УрГУ им. А. М. Горького Виктор Михайлович защитил докторскую диссертацию «История репрессий на Урале 1920-е — начало 50-х гг. (на материале Нижнетагильского региона)», (научный консультант — доктор исторических наук, профессор Т. И. Славко). Это была первая докторская диссертация в России, освещавшая репрессивную политику сталинизма. В 2001 г. В. М. Кириллову присвоено ученое звание профессора.

С декабря 1982 г. основным местом работы В. М. Кириллова стал Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (НТГСПИ). До 2013 г. он возглавлял кафедры истории, всеобщей истории, истории, теории и методики обучения. С 2014 г. — профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук социально-гуманитарного факультета НТГСПИ — филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ). В течение многих лет читал курсы лекций по новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Азии и Африки, всеобщей истории, истории России, историографии, источниковедению, теории и методологии истории, а также разработал и вел спецкурсы: «Национализм в современном мире», «История Коминтерна», «История репрессий и правозащитного движения в России». В 2003—2015 гг. руководил аспирантурой НТГСПИ по специальности «отечественная история», под руководством Виктора Михайловича успешно защитились шесть соискателей научной степени кандидата исторических наук.

Преподавательская работа Виктора Михайловича сочетается с активной научной и общественной деятельностью. С начала 1990-х гг. основной проблематикой его научных исследований стала история политических ре-

прессий в СССР. Исследовательская деятельность ведется в рамках научного направления «историческая информатика», начало которому положили И. Д. Ковальченко, В. З. Дробижев, развивают его последователи Л. И. Бородин, Т. И. Славко, Л. Н. Мазур и многие другие.

В 1989 г. В.М. Кириллов принял участие в создании нижнетагильского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» и был одним из трех его сопредседателей (до 2005 г.), руководил научно-исследовательским центром «Мемориала».

С 1993 г. является членом ассоциации «История и компьютер». В 1996 г. создал и возглавляет проблемную научно-исследовательскую лабораторию (ПНИЛ) «Историческая информатика», которая весьма результативно действует по настоящее время. Приоритетным направлением ее деятельности является издание книг памяти жертв политических репрессий. Книги издаются в печатном и электронном виде.

С 1998 г. участвует в конференциях, проводимых Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН), в 1999 г. включен в состав редколлегии энциклопедии «Немцы России», в 2000 г. вошел в рабочую группу проекта «*Gedenkbuch*: Электронная книга памяти российских немцев», направленного на сохранение памяти о жертвах политических репрессий, участниках войн и конфликтов, в 2010 г. избран в правление МАИИКРН.

К этому времени относится осуществление уникального проекта по спасению и разработке материалов архива Тагиллага, массовой реабилитации узников лагерей Урала и созданию всероссийского банка данных жертв репрессий, а также по изданию книги памяти «Советские немцы — узники Тагиллага». В результате крупнейший лагерный архив Урала (более 400 тыс. учетных карточек заключенных) был переведен из разрушающегося здания бывшего следственного изолятора во вновь созданный архив социально-правовых документов и сформированы электронные базы данных на 18 тыс. персоналий политзаключенных и 28 тыс. российских немцев-трудармейцев. С 2000 г. по настоящее время изданы книги памяти немцев-трудармейцев, содержащихся в шести исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) Урала (Тагиллаг, Богословлаг, ИТЛ «Бакалстрой — Челябинметаллургстрой», Севураллаг, Востураллаг, Ивдельлаг); создано два электронных ресурса с базой данных объемом более 100 тыс. персоналий трудармейцев разных национальностей.

Электронные версии книг выставлены на портале *Rusdeutsch*. Ежедневно сотрудники лаборатории отвечают на запросы родных и близких репрессированных и получают от них благодарные отзывы. Находятся энтузиасты, которые за свой счет переводят книги на немецкий язык, для того чтобы внуки российских немцев, родившиеся в Германии, могли узнать подлинную историю своих предков, восстановить генетическую связь поколений. По признанию В. М. Кириллова, «все это уравнивает тяжелое психологическое давление, производимое страшной правдой истории, и вдохновляет на дальнейшие исторические изыскания».

В. М. Кирилловым опубликовано 230 работ, из них 33 авторские и коллективные монографии. Вполне определенно можно говорить о формировании научной школы в рамках междисциплинарного направления «историческая информатика».

Научная деятельность В. М. Кириллова сегодня получила международное признание, он поддерживает разносторонние научные контакты как в России, так и за рубежом. Среди партнеров — Баварский культурный центр немцев из России (г. Нюрнберг, ФРГ), Норд-Ост-институт Гамбургского университета (г. Гамбург, ФРГ). В 2022 г. Виктор Михайлович стал научным руководителем проекта «Электронный архив немцев Казахстана».

За большой вклад в развитие высшего профессионального образования, подготовку квалифицированных кадров и научную деятельность награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования» (2002), Почетной грамотой Министерства образования и науки, Почетной грамотой Правительства Свердловской области, знаком «За заслуги», памятной медалью, посвященной 250-летию переселения немцев в Россию (Международный союз немецкой культуры, 2012); медалью «250 лет служения Российскому Отечеству» (Национально-культурная автономия немцев Саратовской области, 2013), многими почетными грамотами. Присвоено почетное звание «Заслуженный работник НТГПИ-НТГСПА» и звание «Ветеран труда» (2013).

Ирина Васильевна Черказянова
доктор исторических наук, независимый исследователь

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.

Служение делу жизни: к юбилею Аркадия Адольфовича Германа

Известный ученый, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Аркадий Адольфович Герман 26 июня 2023 г. отметил свое 75-летие.

Коллегам, ученым России и представителям мирового научного сообщества, профессор А. А. Герман известен как человек, движущийся только вперед, поднимающий с удивительным постоянством свою научную планку все выше и выше, ни разу не оступившийся, не требующий почестей и не ожидающий материальной компенсации своих интеллектуальных затрат. Аркадий Адольфович — человек, сумевший реализовать себя; сформировать в себе лучшие нравственные и профессиональные качества, а также исключительную способность — способность служить своей Родине, делу жизни и идее справедливости. Служение — это его жизненная концепция.

География детских и первых юношеских лет Аркадия Адольфовича — это Северный Урал, Таласская долина (Киргизия), западносибирский Ишим. Он рос в условиях суровой природы, необустроенного быта. Но рядом всегда были родители, окружавшие его любовью и теплотой.

В 1966 г. А. А. Герман поступил и в 1971 г. окончил с отличием Саратовское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск, факультет электрооборудования специальной техники. 11 лет служил на опытно-испытательном военном полигоне Капустин Яр. Удостоен медали «За боевые заслуги».

В дальнейшем он вновь оказался в учебной аудитории, теперь уже в качестве слушателя заочного отделения педагогического факультета Военно-политической академии им. В. И. Ленина. С отличием окончив академию в 1982 г., получил право выбора места службы. Он выбрал родное ему Саратовское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск, став в нем преподавателем. Проходя службу в военном училище, за участие в выполнении правительственного задания А. А. Герман был награжден медалью «За трудовую доблесть» (1983).

В течение 16 лет (1982—1998) педагогическая деятельность А. А. Германа была связана с кафедрой общественных наук (с 1990 г. — кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин) родного училища в Саратове сначала в качестве преподавателя, а затем заместителя начальника кафедры (1985—1990). В стенах училища он стал совмещать преподавательскую деятельность с научной. 14 февраля 1986 г. Аркадий Адольфович в качестве соискателя успешно защитил в Саратовском государственном университете (СГУ) кандидатскую диссертацию по теме «Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Диссертация была подготовлена под руководством доктора исторических наук, профессора А. И. Авруса. В 1990 г. А. А. Герман был назначен начальником кафедры.

В последующие годы Аркадий Адольфович напряженно работал над докторской диссертацией «Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918—1941 гг.)». В 1995 г. диссертация была успешно защищена. Докторская диссертация А. А. Германа стала заметным событием для международного научного сообщества, поскольку в ней был освещен

ранее практически не известный фрагмент отечественной истории. Ее обсуждали не только в России и государствах на постсоветском пространстве, но и в Германии, США, Канаде, где представители поволжско-немецкой эмигрантской среды, пользующиеся заметным влиянием, в том числе и в научной сфере, активно интересуются своим российским прошлым.

Диссертация А. А. Германа стала научно-методологическим фундаментом созданной им в дальнейшем саратовской школы исследователей истории российских немцев. В 1995 г. А. А. Герман стал одним из создателей Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, насчитывающей в своих рядах свыше сотни членов из 12 стран. С 2002 г. он является председателем правления этой ассоциации.

В ноябре 1998 г. полковник А. А. Герман завершил свою военную службу и перешел на работу в Саратовский государственный университет на должность профессора, затем, с 2005 по 2015 г., возглавлял кафедру отечественной истории в новейшее время. После ее объединения с рядом других кафедр служит профессором кафедры отечественной истории и историографии, где разработал и ведет по настоящее время академические курсы «История России в XX веке», «Советское государство: актуальные проблемы истории и историографии», «Россия (СССР) в войнах и военных конфликтах XX века» и др. С 2011 г. магистранты изучают историю немцев Поволжья, автором и одним из преподавателей этого курса является А. А. Герман.

За четверть века работы в университете (по состоянию на июнь 2023 г.) под научным руководством А. А. Германа было защищено 28 кандидатских диссертаций: 11 — по истории немцев России и СССР; 7 — по военным аспектам истории СССР; 7 — по проблемам региональной истории; 3 — по вопросам внешней политики СССР. В университете под руководством А. А. Германа специалисты, бакалавры, магистры подготовили и защитили 106 выпускных квалификационных работ.

А. А. Германом опубликованы 13 монографий (изданы в России, Германии, Японии), около 300 научных статей в отечественных и зарубежных журналах и сборниках научных трудов. Некоторые его монографии переиздавались от двух до четырех раз. Кроме того, он соавтор 10 коллективных монографий.

Профессор СГУ А. А. Герман участвовал более чем в 100 крупных и авторитетных международных научных конференциях, семинарах, круглых столах в России (Саратов, Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Анапа, Кисловодск и др.) и за рубежом (Германия, США, Украина, Казахстан, Узбекистан). Был участником и возглавлял оргкомитеты по подготовке десятков научных конференций, главными же для него были и остаются конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

На базе Института истории международных отношений в 1999 г. решением ученого совета исторического факультета был создан Центр по изучению истории и культуры немцев Поволжья, руководителем которого с 2002 г. является профессор А. А. Герман. Итоги деятельности центра впечатляют. Создана и успешно действует научная школа по изучению истории и культуры немцев России, защищаются диссертации, организуются крупные международные конференции, проводятся экспедиции по бывшим немецким селам Саратовской и Волгоградской областей, входивших ранее в состав АССР немцев Поволжья (2012, 2017, 2019 и др.). Результатом этих и других экспедиций стал крупный вклад университета во всероссийский проект «Реестр немецких поселений в России».

Под руководством А. А. Германа преподаватели кафедры отечественной истории и историографии участвовали в реализации ряда общероссийских издательских проектов. Например, в 2017 г. с участием Министерства обо-

роны Российской Федерации были подготовлены к изданию шестой том многотомного издания «Первая мировая война» и 15-й том издания «Великая Отечественная война». При непосредственном участии Аркадия Адольфовича было издано учебное пособие «История немцев России» (2020), а также коллективная монография «Российские немцы» (2021).

Профессор А. А. Герман с 1995 г. в течение долгих лет был членом редколлегии научно-информационного бюллетеня «Российские немцы», а в 2015 г. вошел в состав редакционной коллегии Ежегодника Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

Профессор А. А. Герман имеет авторитет в среде своих зарубежных коллег. По ходатайству руководства известных зарубежных вузов, исследователей и педагогов А. А. Герман неоднократно руководил научными стажировками докторантов из Японии, Узбекистана, Германии. В настоящее время под его научным руководством в университете стажировку для подготовки диссертации проходит докторант из Китая (Академия общественных наук КНР, Пекин).

Аркадий Адольфович активно участвует в общественной жизни Саратовской области. Несколько раз в качестве эксперта он присутствовал на встречах губернатора с работниками образования области и школьниками, шесть лет являлся председателем государственной экзаменационной комиссии Саратовского областного института развития образования. Ежегодно участвует в проведении занятий в летнем лагере для одаренных детей Саратова и Саратовской области. Его приглашают для проведения бесед с ветеранами. Как эксперт профессор Герман участвует в передачах саратовского радио и телевидения. Он участник многочисленных фестивалей, встреч, круглых столов, дискуссионных площадок. Интервью с Аркадием Адольфовичем публикуют в газетах и журналах. Встреч с ним ждут в обществах и землячествах. Для него самого эти встречи также необходимы, так как дают возможность изучать историю наших соотечественников.

Хочется пожелать профессору А. А. Герману доброго здоровья, сохранения высокой научно-педагогической активности и дальнейших творческих успехов на поприще науки и высшего образования.

*Н. М. Маркдорф — доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры международных отношений
и гуманитарного сотрудничества
СИУ — филиала РАНХиГС*

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 21.03.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Береговая Оксана Александровна — доктор философских наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Гаврилов Глеб Романович — студент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: glebramanovit2004@gmail.com

Гордейчик Екатерина Александровна — старший преподаватель кафедры права и философии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Ekaterina_nsk@mail.ru

Диденко Наталья Владимировна — специалист по учебно-методической работе, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: iigso@nspru.ru

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории гуманитарно-аксиологических основ государственной службы, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: zubov-ve@ranepa.ru

Казанцева Алина Владимировна — Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: lina.kazantseva.99@mail.ru

Кашкадарова Наталья Владимировна — ведущий библиотекарь библиотеки, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация.

Кротова Анастасия Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: krotova@corp.nstu.ru

Курбонова Зульфия Махманабиевна — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии, Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: zukurbonova@mail.ru

Лопатина Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: lopatina-ss@ranepa.ru

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, директор научно-образовательного центра «Историко-политические и социокультурные процессы глобального и регионального развития», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Омаров Семён Бауржанович — студент, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: zimanoid@ngs.ru

Отургашева Наталья Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: oturgasheva-nv@ranepa.ru

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения проблем современной молодежи», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель проекта «Интернет как комсомол. „Бумеры” и „миллениалы”: особенности конструирования, обсуждения и реализации мобилизационной повестки (опыт сравнительного анализа формирования политической идентичности в сибирских городах)» (20-011-31355), Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pustovoit1963@gmail.com

Сидорчук Оксана Николаевна — заместитель директора по учебно-методической работе, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: iigso_sidorchkon@nspsu.ru

Тищенко Екатерина Васильевна — ассистент кафедры высшей математики и методики преподавания математики, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация. E-mail: authoresskatyusha@yandex.ru

Турсунова Ранохон Юсубжановна — доктор исторических наук, доцент кафедры политологии, Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: turrena72@mail.ru

Тыщук Дарья Сергеевна — старший преподаватель кафедры начального образования, Луганский государственный педагогический университет, Ровеньковский факультет, Луганск, Российская Федерация. E-mail: tyshhuks@mail.ru

Фисюков Вячеслав Александрович — магистрант, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Хлытина Ольга Михайловна — доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: iigso-kovi@nspsu.ru

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

Чернов Денис Владимирович — доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: chernov.de@mail.ru

Шачина Анна Юрьевна — кандидат педагогических наук, независимый исследователь, Мурманск, Российская Федерация. E-mail: anna_shachina@mail.ru

Юрченко Маргарита Алексеевна — преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Oksana A. Beregovaya — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: beregovaya-oa@ranepa.ru

Gleb R. Gavrilov — Student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: glebramanovit2004@gmail.com

Ekaterina A. Gordeychik — Senior Lecturer, Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Ekaterina_nsk@mail.ru

Natalia V. Didenko — Specialist in Educational and Methodological Work, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: iigso@nspsu.ru

Vladimir E. Zubov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Humanitarian-Axiological Foundations of Public Service, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: zubovve@ranepa.ru

Alina V. Kazantseva — Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: lina.kazantseva.99@mail.ru

Natalia V. Kashkadarova — Lead Librarian, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

Anastasiya G. Krotova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: krotova@corp.nstu.ru

Zulfiya M. Kurbonova — Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and Diplomacy, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: zukurbonova@mail.ru

Svetlana S. Lopatina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: lopatina-ss@ranepa.ru

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Head of the Scientific and Educational Centre “Historical, Political and Socio-Cultural Processes of Global and Regional Development”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Semyon B. Omarov — Student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: zimanoid@ngs.ru

Natalia V. Oturgasheva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: oturgasheva-nv@ranepa.ru

Yuri A. Pustovoyt — Candidate of Political Science, leading researcher of the research laboratory “Center for the Study of Contemporary Youth Problems”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, head of the project “Internet as Kom-somol. "Boomers" and "Millenials": peculiarities of construction, discussion and implementation of mobilization agenda (experience of comparative analysis of political identity formation in Siberian cities)”, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Oksana N. Sidorchuk — Deputy Director for Educational and Methodological Work, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: iigso_sidorchkon@nspu.ru

E. V. Tishchenko — Assistant of the Department of Higher Mathematics and Mathematics Teaching Methods, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation. E-mail: authoresskatyusha@yandex.ru

Ranohon Yu. Tursunova — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Republic of Uzbekistan. E-mail: turrena72@mail.ru

Dariya S. Tyshhuk — Senior Lecturer, Department of Elementary Education, Lugansk State Pedagogical University, Rovenky Faculty, Lugansk, Russian Federation. E-mail: tyshhuks@mail.ru

Vyacheslav A. Fisiukov — Master's Student, Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Olga M. Hlytina — Associate Professor, Head of the Department of Russian and General History, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: iigso-kovi@nspu.ru

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Denis V. Chernov — Associate Professor, Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: chernov.de@mail.ru

Anna Yu. Shachina — Candidate of Pedagogical Sciences, Independent researcher, Murmansk, Russian Federation. E-mail: anna_shachina@mail.ru

Margarita A. Yurchenko — Teacher of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: yurchenko-maa@ranepa.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов)¹ (полностью);
— наименование организации (организаций)², ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подраз рубрики);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смешение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловозначения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — soveti starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavets L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.

Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.